

ПИСЬМА Е. М. ФЕОКТИСТОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ
(1851—1861)

Часть II

(12 сент. 1852—24 дек. 1861)*

Публикация Э. Г. Гайнцевой

20

12 (24) сентября 1852. Кучук-Ламбат

12 сентября. 1852.

По щучьему велению, по моему прошенью я вдруг перенесся в Крым,¹ любезный Иван Сергеевич. Всё это было сделано так вдруг и так неожиданно, что я не могу еще теперь опомниться хорошенько от множества впечатлений,** произведенных на меня, во-первых, поездкою по Малороссии, а потом красотами Крыма.² Не Вам, разумеется, видевшим Италию и, кажется, Испанию,³ стану я описывать чудеса здешней природы. Но признаюсь Вам, я, до сих пор не выдавший в моей жизни ничего, кроме Останкина и Сокольников, до сих пор еще нахожусь, как будто в угаре. Дача наша превосходна,⁴ море у самых ног, обед всегда вкусный (врут те, которые говорят, что в Крыму едят дурно) — чего же более? Без сомнения, не всегда я буду наслаждаться такими красотами. Я поступаю на службу в Симферопольскую Палату Государств<енных> Имуществ⁵ и потому обязан по большей части жить в городе, но город отсюда недалек, и шоссе по дороге весьма облегчает сообщение.

Служба будет мне приятна, потому что она здесь не отлучает меня от графини. Видя ее теперь постоянно больною,⁶ я еще сильнее привязываюсь к ней и всё более понимаю, сколько истинно отличного и благородного

* Первую часть публикации «Письма Е. М. Феокистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Часть I (21 февр. 1851—29 марта 1852)» см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 133—214. Принятая в первой части система сокращений сохраняется.

** *Далее начато*: которые

лежит в ее натуре. Я помню наш с Вами разговор в карете, — но ответ на него дам через год. Если в это время лень моя не оставит меня, если я действительно ничего не сделаю и не буду заниматься, как все, — то винить уже тут будет некого. Виноват буду я и никто больше...

Но довольно обо мне, что подделываете Вы, любезный друг мой? Я до сих пор жду, что Вы пришлете мне «Записки охотника», которые я снова перечту с большим наслаждением.⁷ Если хотите одолжить меня бесконечно, то исполните мою вторую просьбу, — сделайте одолжение, велите переписать Вашу повесть, которую в последний раз в Москве Вы читали нам у Грановского и потом у Щепкина, и пришлите мне ее сюда...⁸ Все здесь живущие жаждут прочесть ее. Сделавши это, повторяю Вам, Вы меня одолжите бесконечно. Но вот в чем дело: письма сюда, как я уже писал Вам, надо пересылать мне сюда по адресу: На Юж<ный> б<ерег> Крыма, на станцию Биюк-Ламбат, — но посылки по другому: На Юж<ный> б<ерег> Крыма, в гор<од> Ялту. Поэтому если записки Охотн<ика>* Вы не посылали еще, то пошлите по второму, а если послали, то делать нечего. Авось, дойдет как-нибудь. То же самое скажу — надеюсь на Вашу снисходительность — и о повести...

Жить тут хорошо, природа хороша, женщин здесь вовсе нет, без всякого преувеличения, — но, должно быть, впоследствии будет скука страшная. Одно спасение — книги. Я взял сюда 2 большие тюка, и теперь читаю Rabelais.⁹ Думаю, что эта книга делается моею настольною, и никогда я с нею не расстанусь.

А прогос, знаете ли, что пред отъездом из Москвы, я слышал, что «Москвитянины» упрекают Вас в зависти потому, что в каком-то письме и не знаю к кому-то, Вы сказали, что у Островского «есть талант». Эти слова, сказанные про «гения», кажутся им неслыханною дерзостью.

Прощайте, милый Иван Сергеевич. — Грешно Вам будет, если Вы не победите свою лень и не будете писать ко мне.

Искренно Вас любящий

Е. Феоктистов.

¹ Феоктистов и его спутники выехали в Крым, по свидетельству Салиас, 23 августа 1852 г. и прибыли в Симферополь 1 сентября (см. РО ИРЛИ, № 25164, л. 127 об., письмо в копии, авторская дата: 7 сентября (карандашная помета на полях: 1852. Крым), год написания письма уточняется по соответствию данному письму Феоктистова). Замысел поездки вызревал постепенно. Еще в конце августа 1851 г. Салиас сообщила К. Н. Бестужеву-Рюмину: «Я пробуду на Выксе до конца Сентября, а потом в Москву. Сестра моя здесь — делает превосходную картину на выставку — и едет зимою в Крым. У нас по этому случаю планы страшные, громадные, никому здесь неизвестные — я вам одним только и пишу о них, зная вашу привычку молчать. Дело в том, что здоровье мое очень плохо и надо бы его поддержать, и поэтому решились мы все <...> отпустить Союю зимою в Крым — она приготовит квартиру, а в Мас (скопив зимой деньги) Кудрявцевы, я, Eugène и дети едем мы в Крым вскладчину, в одном большом экипаже, без девушки горничной, проедем Киев, Одессу — и покупаемся в море, и поедем в горы. Путешествие в Крым будем мы писать в три руки — я, Eugène и Кудрявцев <...>. Осенью домой <...> Издание путешествия сделаем чудесное» (Там же, л. 121—121 об.; письмо в копии, без даты и штампа, на полях карандашная помета рукой неустановленного лица: 15 июля 1852? Раево? Выкса? Дата письма корректируется (конец августа 1851 г.) по содержанию письма, а также по соответствию письму Феоктистова — Тургеневу от 23 августа 1851 г.). В следующем,

* Так в автографе.

1852 году в письме из Расвы (Калужская губ.) Салиас рассказала о поводе, укрепившем ее желание ускорить давно замысленный отъезд на юг: «Я еду в конце Сентября в Крым — и оттуда в Одессу и всё будущее лето пробуду там. Я никак не решалась на такой поступок и важный шаг, но вчера получила письмо от сестры, которая пишет, что остается всю зиму на Южном берегу. Это меня и решило <так в копии. — Э. Г.> ехать к ней и не терять okazji прожить зиму вместе — тем более, что со всякой перемной температуры я делаюсь совершенно больна <...> Живу я тихо <...> и сама очень озадачена, что еду в Крым. <...> Ев<гений> М<ихайлович>, несмотря на все препятствия, говорит, что уедет со мною» (Там же, л. 124—124 об., 126; письмо в копии, без авторской даты, на сохранившейся части штмпела число: 25, на полях карандашная пометка рукой неуставленного лица: 25 авг. 1852. *Раево?* предпологаемая дата — конец июня 1852 г.). Плохое самочувствие Салиас (см. 6-е примечание к наст. письму), усугублялось не только распадом брака, одиночеством, тяжелыми отношениями с родителями (из ее письма от 2 февраля 1849 г. сестре Евдокии Пстрово-Соловово: «Мы хороши вместе, но атмосфера этого дома душит меня»), но и разыгравшейся в их семье драмой. В ночь на 8 ноября 1850 г. была убита гражданская жена ее брата Александра Васильевича Сухово-Кобылина — Луиза Симон-Деманш (1819—1850). Началось многолетнее, изнурившее семью, следствие (см.: Документы следствия и судебные дела об убийстве Луизы Симон-Деманш // Дело Сухово-Кобылина / Сост., подгот. текста В. М. Слезнева и Е. О. Слезневой, вступ. статья и комм. В. М. Слезнева. М., 2002. С. 42—234; историю изучения дела А. Сухово-Кобылина и ее анализ см. в предисловии к указ. кн., с. 6—8). Была и другая причина, побудившая Салиас, хотя бы на время, покинуть Москву. В выше процитированном письме к Бестужеву-Рюмину она писала: «... и недурно вон из Москвы, где, между нами сказать, жизнь делалась мне невыносимой, по причине натянутых отношений с Гран<овским> и клеветы, которая меня преследовала из их кружка» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 126—126 об., дата: конец июня 1852). О конфликте Салиас с Т. Н. Грановским и его кружком см. в 4-м примечании к следующему письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21). Решение же Феокистова на время покинуть Москву определялось, скорее всего, стремлением выйти из круга обострившихся отношений с административно-полицейскими властями в связи с «делом» Тургенева, поводом к которому послужила публикация запрещенной в Петербурге статьи о смерти Гоголя (см. общую вступ. статью, ч. I).

² Крыму Феокистов посвятил очерк, написанный им в первые дни пребывания в этом крае, см.: *Е. Ф. «Феокистов»*. Письма из Крыма к редактору. I // *Московские ведомости*, 1852, 4 ноября, № 133. Литературный отд.; под текстом: «Кучук-Ламбат. Октября 10-го». Видимо, эту публикацию имел в виду А. В. Лохвицкий, сообщая вострому другу Бестужеву-Рюмину 17—18 сентября 1852 г., что в последнем номере «Московских ведомостей» появится «письмо» Феокистова из Крыма (РО ИРЛИ, № 24887, л. 41—42).

³ Первый раз Тургенев посетил Италию в 1840 г. (с января по май). Хронику путешествия см. в *Летописи (1818—1858)*. С. 47—50, подробнее: *Гревс И. М.* Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд). Л., 1925. С. 24—32 и проч. Предположение о пребывании Тургенева в Испании возникло, вероятно, в связи с его поездкой, в сопровождении В. Боткина, в Пиренеи в июле 1845 г. (см. начало очерка «Несколько дней в Пиренях» и примечания к нему (*Т. Сочинения (2-е изд.)*). Т. I. С. 413—414, 559—561). Как известно, Боткин из Пиренеев направился к границе Испании и пересек ее. Тургенев вернулся в Париж.

⁴ Из письма Салиас к Бестужеву от 7 сентября 1852 г.: «Наша дача прелесть — моя комната восторг. Из окна виден месяц над морем — влево скалы, вправо Аюдаг-гора и солнце за ней садится. Невыразимо хорошо...» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 128).

⁵ Феокистов оформился на службу в Таврическую палату государственных имуществ (г. Симферополь) в связи с решением московской администрации (по делу о публикации статьи Тургенева, посвященной смерти Гоголя) учредить за ним полицейский надзор и предписать немедленное поступление на государственную службу. В Крыму Феокистов жил, по словам Л. Майкова, «деля время между Симферополем, местом служения, и Кучук-Ламбатом...» (*Майков Л. С.* 34). Подробно о вышеизложенных обстоятельствах см. во вступ. статье (ч. I) и примечаниях к письмам от 3, 7—8, 24, 29 марта 1852 г. (№ 16—19, ч. I).

⁶ Осенние письма Салиас из Крыма полны жалоб на плохое самочувствие. Вероятно, ее физическое состояние было следствием развивавшейся болезни, о которой Феокистов рассказал в дневнике, в год ее смерти: «Глубоко был я опечален кончиной графини Е. В. Салиас. С нею связано у меня много дорогих воспоминаний, время пятидесятих годов так и воскресло в моей памяти; Божь мой, как всё это неизмеримо далекое, — словно живешь теперь в другом мире... В 1857—1858 годах жил я в Париже; там же находилась и графиня Салиас в крайне бо-

лезненном состоянии: у нее беспрерывно показывалась кровь горлом; консилиум французских докторов, между которыми первое место принадлежало пользовавшемуся тогда большою известностью доктору Луи, высказался, что она страдает чахоткой в сильном развитии и конечно не проживет долго. Между тем скончалась она в 1892 году» (ОР ИРЛИ, № 9122, л. 48).

⁷ Речь идет о вышедшем в Москве отдельном издании (в 2 книгах) «Записок охотника». Выход книг задерживался, в частности, в связи с цензурными трудностями и опасениями автора навлечь на себя новые репрессии (о цензурной рукописи московского сборника охотничьих рассказов: *Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника» в Москве // «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сб. статей и материалов. Орел, 1955. С. 405—427 (входит в состав общей публикации: *Заборова Р. Б. и Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника»); общий свод материалов о цензурной истории первого издания записок: *Т. Сочинения (2-е изд.)* Т. 3. С. 407—410, 437—438, 444—445). Еще весной 1852 г. Тургенев, уверенный, что одной из причин правительственных гонений на него были охотничьи рассказы, писал Полине Виардо: «Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве — очень жаль...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 391; дата: 1 (13) мая). При этом он связывал свой арест не только со стремлением властей «подвергнуть запрету всё, что говорилось по поводу смерти Гоголя», но и «наложить запрещение» на его литературную деятельность» (Там же). Однако летом 1852 г. двухтомник охотничьих записок вышел в свет. В номере от 21 августа «Московские ведомости» сообщили своему читателю о его успехе в столице: «...Петербург <...> читает <...> только что приехавшие из Москвы „Записки охотника“ соч. *Ив. Тургенева*, изданные в двух томах и дополненные против того, что было напечатано в „Современник“» (№ 101. С. 1048. Рубрика «Петербургская жизнь»). 25 августа в отделе «Литературные новости» этой же газеты появилась информация: «К числу самых приятных московских литературных новостей надобно отнести выход в свет отдельного издания „Записок охотника“ г. Тургенева <...> В продолжение трех, четырех лет они выходили отдельными статьями в „Современник“, постоянно возбуждая самое живое участие; теперь они вновь отпечатаны в двух изящных томиках, которые, вероятно, будут разобраны нарасхват» (1852, № 102. С. 1062. Подпись: М. К-й). Тем не менее новое издание вызвало ряд санкционированных Николаем I репрессивных мер — увольнение со службы цензора В. В. Львова, ужесточение положения ссыльного автора (см.: *Оксман Ю. Г.* Секретное следствие о «Записках охотника» Тургенева в 1852 году // *Оксман Ю. Г.* От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959. С. 246—307). Отклики Феокистова на охотничьи записки («Бежин луг» и др.) по мере их появления в «Современнике» см. в письмах от 21, 24 февраля, 17—18 и 30 марта 1851 г. (ч. 1); на отдельное издание — от 8 января 1853 г. (№ 22).

⁸ Феокистов имел в виду копию рукописи «Муму», которую Тургенев читал у Т. Н. Грановского и М. С. Щепкина между 19 и 29 мая 1852 г. (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 604; *Летопись (1818—1858)*. С. 207). Далес — 14-е примечание к письму № 21.

⁹ Рабле (Rabelais) Франсуа (1494, в некоторых изд. ок. 1493—1553).

21

5 (17) декабря 1852. Кучук-Ламбат

5 декабря. 1852. Кучук-Ламбат.

Милый Тургенев — представьте себе, что только два дня тому назад я получил письмо Ваше от 7 ноября.¹ Г<-н> Почтмейстер Ваш не отличается знанием географии: вероятно, не зная, что Южн<ый> берег Крыма относится к Таврической губернии, он адресовал Ваше письмо в Тифлис — от туда оно пошло в Феодосию и, наконец, попало ко мне. Для избежания этого впредь, пожалуйста, адресуйте письма Ваши подробнее, хоть, напр<имер>, так: *Таврической губ<ернии> через г<ород> Симферополь на*

Южный берег Крыма, на станцию Биюк-Ламбат. Авошь, письмо, посланное таким образом, избегнет лишнего крюка в тысячу верст. —

Что сказать Вам о себе. Увы! главное дело моей жизни — уменьшение моей тучности — не подвигается ни на шаг вперед. Вы имеете полное право представлять меня, но в воображении, именно таким же, как мы расстались в последний раз. За средства, предлагаемые Вами, я очень благодарен, но действительными из них признаю только одно. Это — занятие естественною историею с женщинами, и, как нарочно, этой-то дряни, говоря Вашими словами, и нет в Крыму. Возражения Ваши тут ничего не значат. Татарки — не женщины. Помилуйте, что хотите сделать Вы путного с существом, которое на все страстные излияния чувств отвечает только одним диким мычанием. Остается только одно средство — мимика, — язык страстей, — но это средство удастся мне еще менее прочих. Дело в том, что я тут* слишком уж, может быть, ясен в своих выражениях, — даже молчание мое носит на себе характер слишком большой понятливости и многознаменательности, — а всякая простота и ясность желаний, Вы знаете, гибельна в этом мире. Руссо просто врал, когда мечтал о каком-то баснословном царствовании безыскусственности и простоты на земле — его никогда не было² — и чтобы убедиться в этом, Вам стоит только подойти с каким-нибудь невинно-простым жестом или словом к первой попавшейся** женщине, вместо того, чтобы желание Ваше облечь в цветы приторной и ложной страсти...

Помимо этого культа — (малость!), — я веду себя весьма хорошо и очень собою доволен. Читаю много, занимаюсь по-английски успешно,³ вообще сделался совершенно деловым человеком. — Да, я в первый раз в моей жизни испытал теперь, что уединение порою — очень и очень хорошая вещь. Оно приучает человека к самостоятельности, заставляет его откровенно поговорить с самим собою, ставит его на собственные ноги и мало-помалу отучает от всякого поклонения всевозможным авторитетам. Особенно ненависть к московским кружкам, я Вам говорю откровенно, достигла у меня до болезненного раздражения.⁴ Дикая хохот Кетчера, дешевое и бесполезное коварство Фролова, цинизм В. П. Б<откина> — какая отрада быть далеко от всех этих прелестей!⁵ Может быть, я не прав в этом случае, враждуя так против людей, из которых каждый по-своему и по мере сил был полезен в своей жизни, тогда как мы только обещали, да и то мало, — но что делать, — чувство мое несколько не форсированно и весьма искренно. К тому же я не нападаю безусловно на этот кружок — напротив, я тут более, нежели когда-нибудь, чувствую пустоту нашего поколения. Ваше было гигант в сравнении с ним. Но отчего же это? — эта мысль порядочно занимает меня. Неужели нет более глубокой причины в нашей лени, бездействии, апатии — и неужели всё дело лежит в ничтожестве нас самих? Может быть, да, а, может быть, и нет — но только, действительно, наша жизнь — неизвестно что такое, и наше поколение по справедливости может назваться «лишним» поколением. Что мы такое? — ученые? — кажется, нет, литераторы — также, — светские люди? — и того меньше. Но если ничего этого нет, то по крайней мере наслаждаемся ли мы хоть ма-

* Слово: тут — вписано.

** Так в автографе.

териальными благами жизни, веселились ли когда-нибудь без оглядки и от души — увы! и этого нет. Бурная веселость молодости проводится у нас в объятиях какой-нибудь Матрешки, и мы живем... на словах. Я это говорю не об одном о себе, но о многих, которые шли и идут теперь еще со мною одною дорогою. — Вы простите меня, однако, за это нелепое отступление — но что делать, — новостей у меня нет, и надо же было мне отмстить на ком-нибудь письма ко мне Бестужева, преисполненные анализом и разбором своего — я...⁶

Всё предыдущее Вы можете считать за *premier Paris*, сочинение> Сент-Марка-Жирардена, — теперь следует фельетон, но далеко не жаненовский.⁷ Чтобы достигнуть какого-либо разнообразия, мне придется передавать Вам отсюда — новости московские, ибо татарских нет никаких: до сих пор еще не выдается здесь татарских журналов, да вообще, я смею думать, что литература их гораздо слабее даже нашей.* — Ну, так слышали ли Вы, что Островский написал новую комедию: «Не в свои сани не садись»⁸ — которая, пишут мне сюда некоторые, еще лучше «Своих людей».⁹ — От Каткова получил вчера письмо — он женится на княжне Шаликовой¹⁰ и едет служить в Петербург; не знаю, займет ли Вас эта новость, но меня она весьма интересуется, ибо я чрезвычайно люблю этого человека, и досадно думать, что наше московское общество уменьшается всё более и более. —

Что теперь сказать Вам о нашей жизни здесь, — о нашем *intérieur*?** — Графиня теперь чувствует себя гораздо лучше прежнего, — это путешествие сделало ей огромную пользу, — если не случится чего-нибудь особенного, я уверен, она приедет тогда с богатым запасом сил. Прочие наши товарищи — Софья Кобылина, — которую Вы знаете,¹¹ — Мейер, которого Вы не знаете,¹² и, след<овательно>, не знаете самой занимательнойловины человеческого рода. На этого господина, батюшка, не одного, а двадцать охотников можно напустить, и то всякий уйдет с богатым запасом. Рассказы об нем ничего не значат, надо самому увидеть... Ах! забыл совсем — еще в бытность мою в Калуге я видел там страшнейшего хлыща, как выражается И. И. Панаев, — некоего г<-на> Бокара,¹³ инженерного офицера, который говорит, что он был, кажется, воспитан Вашею матерью, и уверял, что он первый Ваш друг. Объясните эту загадку, ибо не только быть с ним другом, но и кланяться с ним совестно, и я никак не верил его рассказам...

Что подельываете Вы? Благодарю, между прочим, заранее за «Муму», ибо до сих пор я еще не получил ее.¹⁴ Вероятно, опять в Тифлис поехала... — если Вы еще не послали ее, то адресуйте, как Вы и хотели сами, в Ялту. Что Вы теперь пишете,¹⁵ ибо я уверен, что Вы работаете, — иначе что же делать зимою в деревне. Пожалуйста, не закрывайтесь в таинственный плащ и скажите мне, ибо всё, что касается Вас и Вашей работы, меня весьма занимает. Я еще сердит на Вас за то, что в Москве Вы не сказали мне, что написали первую часть Вашего романа. Я не знаю, правда ли это, но Шумский мне говорил за верное...¹⁶

* Было: еще гораздо слабее нашей. Слово: даж — вписано.

** В данном контексте: внутренней жизни (франц.).

Много ли Вы читаете? Не говорите же, что я совсем погрузился в Рабле, ибо за ним я* примусь за любимца Вашего — Монтеня.¹⁷ Но Рабле — великий человек. Вот господин, который мог смело сказать, что понимал жизнь и наслаждался ею по-человечески. И потом такой юмор!... Прочел я, между прочим, *всего* (!) Вашего другого любимца Юма,¹⁸ — и, по крайнему разумению моему, опять-таки убедился, что манера его далеко не может прельщать в наше время. Видно усилие сохранить тон древних — но неужели Вы полагаете, что новый историк имеет ту же самую задачу, как древние. Без сомнения, в их руках исторический рассказ достиг до художественной обработки, но надо обратить внимание на *область* истории в их время и в наше. Мне кажется, что истории в будущем** предстоит всё более и более терять самостоятельный характер, и быть, так сказать, энциклопедиею человечества, общим итогом всех сторон его жизни, справочною книгою для всего, что его касается. — Потом самая точка зрения Юма, исключительно — «политическая», мне не нравится, хотя в этом виноват не он, а его время и состояние истории в XVIII веке. — Не знаю, писал ли я Вам, что я занимаюсь по-английски весьма ревностно и делаю большие успехи. Надеюсь к концу зимы читать уже совершенно свободно. Это будет немалым наслаждением. А *propos*, читали ли Вы когда-нибудь «Pelham» Бульвера?¹⁹ Если нет, — то советую. У него нет ни на каплю художественности, но зато океан ума, и это скорее не роман, но удивительный трактат о жизни вообще, хотя и его точка зрения не только узка, но возмутительна. —

Прощайте, милый Тургенев, — я наболтал Вам всякого вздору, — но, право, от скуки и вздор иногда может занять. Графиня пишет Вам сама. Но знайте, ленивый друг мой, что Вы непременно должны нам написать сюда одно из тех больших и умных писем, которые Вы всегда умеете писать так хорошо,*** когда захотите. В моей же аккуратности в переписке сомневаться Вам грешно. Затем искренно обнимаю Вас и желаю всего лучшего.

Весь Ваш

Е. Феокти<стов>.

Вот Вам анекдот — сам его слышал. В Симферополе встречаются два приятеля. Один очень надутый господин говорит: «Мы — здешние львы...». А приятель его поправляет: «Какие Вы львы — Вы просто — собаки». Надо было видеть конфуз другого. Я хохотал как, дурак. —****

¹ Письмо Тургенева к Феоктистову от 7 ноября 1852 г. неизвестно.

² Замечание Феоктистова по духу соответствует оценке Руссо из тургеневского письма к П. В. Анненкову от 19 октября 1853 г. в связи со статьей Сен-Марка Жирардена о Руссо в нескольких номерах «Revue des Deux Mondes» за 1852 г.: «...особенно мне приятно было видеть, как нестерпимо пронизательный St-Marc Girardin отделал Руссо, к которому сердце мое давно не лежит. Его самолюбивые страдания пришли под лад самолюбивому его потомству — но пора и честь знать. Писатель он удивительный, особенно со стороны слога — в этом отношении он творец, — но какой же он *martyr* <мученик — франц.> — чёрт возьми наконец! Ведь

* Далее начато: нач<ну>

** Далее было: времени

*** Слова: так хорошо — *вписаны*.

**** Так в автографе.

и преследовали его ровно настолько, насколько нужно было, чтобы дать ему случай рисовать себя и изливать свою желчь» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 267).

³ Ср. со строками из письма Салиас к Бестужеву-Рюмину от 20 октября 1852 г.: «...каждый день я учусь по-английски и уже кое-как, с грехом пополам, перевожу Диккенса, учу слова наизусть и плещусь — думаю, что выучусь. Первую и *потому* (pardon за правду) над повестями о Рождестве» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 133—133 об.).

⁴ Картина отношений, сложившаяся в кружке Грановского к зиме и весне 1852 г., отразилась (естественно, в субъективном преломлении) в письмах Салиас к Бестужеву-Рюмину. Рассказ ее, перемежающийся сообщениями о тяжелой болезни жены Грановского и его душевном состоянии, — своеобразная хроника внутренней жизни кружка этой поры. Из письма от 6—7 апреля: «Вокруг нерадостные лица — у Гр<ановских> почти нельзя оставаться спокойно — Лиза очень, очень плоха. На днях будет консультация, и решат — куда им ехать. Я боюсь, что поздно. Он хочет просить себе годовой отпуск — на него страшно смотреть в те минуты, когда он подозревает страшную истину — но лишь только ей лучше — и он ободрится. А это беспрестанно — то хуже, то лучше. — Положительно, что хохотка развращается, хотя все боится произнести это слово — у них его не слышно — но это ясно по ходу болезни. Сохрани ее Боже — он погиб без нее. Я редко бываю — мало съезжу сама, но холод прохватывает меня, когда гляжу на это исхудалое лицо, ввалившиеся глаза. Страшно. Болезнь неумолимая. Ему надо ехать на остров Мадеру — да не пустят за границу — боюсь я, — тогда, куда ж?» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 99—100, письмо в копии, с авторской датой: *Апрель. 1852*. Рядом карандашная помета: 6—7. *Москва*. Число уточняется по штемпелю: *Москва. 1852. Апреля 7*). К 23—24 апреля, по свидетельству Салиас, ее отношения с Грановским и его окружением резко обостряются: «...как друзья меняются, и как они оскорбляют. Верите, что в продолжении 3 недель, что я была больна и не выходила из спальни, Гр<ановский> не завернул ко мне ни на минуту. И за что? всё глупые бабы сплетни, в которые его запутали. Его же кружок оскорбил меня, да он же и восстал против меня. Я, разумеется, не показываю вида, не хочу знать, не знаю нулев <— слово вписано копистом карандашом. — Э. Г.>, его составляющих, не говорю Гр<ановскому> ничего, но разрыв внутренний сильный, хотя и не явный, хотя по-прежнему nous avons l'air d'être les mêmes <мы внешне всё те же — франц. >. Грустно» (Там же, л. 104—104 об., письмо в копии, датируется по штемпелям: 1) *Москва—Апреля 24* 2) *Тамбов—Апреля 29*, карандашная помета неустановленного лица: 23—24 апр. 52. *Москва*). К 27—28 апреля разрыв становится очевидным: «Гр<ановская> очень плоха, за границу ему ехать нельзя — по-моему, надо бы было ехать в Оренб<ург> пить кумыс, но он поедет просто в Малороссию — в Рубанку с своей кузиной, вышедшей замуж за Фролова. Всё это теперь держится за руку, дружно чрезвычайно, ругает меня почему свет стоит (кроме Гр<ановских>, которые однако — это знают), но я еще не слыхала, чтобы дружба лечила от слабой груди. Бедная женщина — идет быстро — к гибели — а он ? он не видит. <...> знаю, что смерть этой женщины — гибель его — гибель конечная. Но знать и не быть в состоянии помочь — чувство тяжелое. Мне — нехорошо в их доме — прежнего нет. Я стала для них другая, хотя сердце мое к ним то же. Вы видели начало размолвки на Выксе — она дошла до *plus ultra* <донельзя (до крайности) — лат.>. Я стала, в их глазах, и мелочна, и смешна, и покрыта недостатками, и Бог весть что. — Гр<ановский> — человек страстный и бесхарактерный, пристрастно усваивающий себе скоро мнение лиц, которым доверяет, еще более усваивающий те мнения, которые ему напечатывают с утра до вечера. А Фр<олов> на это дело мастер. Он терпелив и упорен, как монах, осторожен, как немец, монах <?>, как дипломат, коварен и ловок, как светский лев, добивающийся погубить кого-нибудь. А со мной легко сражаться, — я разом наговорю грубостей и постараюсь оборвать, это когда вызовут на дерзость — а иначе я молчу и отдаляюсь. Вот что со мной и случилось. Никто не вызвал меня на бой даже и грубым взглядом — а когда меня не было, то всякое слово мое, взгляд, движение брови, покроя платья и манера садиться были или осмеяны, или пересужены. Что ж оставалось делать? Уйти — я и ушла. Хожу, однако, — часто навещать бедную Лизу, да и то тяжело — и на нее глядеть, да и себя в таком положении видеть в отношении людей столько любимых» (Там же, л. 106—108, письмо в копии, датируется по штемпелям: 1) *Москва. 1852. Апреля 28* 2) *Тамбов. Мая 1852*, карандашная помета: 27—28. *IV. 52. Москва*). Майское письмо, по существу, подводит итог сложившимся отношениям: «У Гр<ановских> я бываю часто, хотя и реже прежнего. Ей теперь лучше, но это лучше, по-моему, крайне безнадежно. Он везет ее на лето в Малороссию — и еще не знает, где будет зимою жить. Я очень боюсь за нее. С ним я уже две недели не видалась, если не больше. Я бываю утром у ней и его не вижу; а так как отношения наши стали охлаждаться, то и не нахожу особенной нужды видаться.

Его поведение в отношении ко мне было невыносимо в продолжении целой зимы, и я ему простить не могу этого, и он, вероятно, с своей стороны, не может мне простить кое-каких моих слов и фраз чересчур едких и тем едких, что в них заключалась неумолимая, но слишком резко сказанная правда. Уж нас не помирить — одно время может это сделать — оба мы ранены в сердце, — и лучше расстаться, хотя на время, а не растревать ран» (Там же, л. 111—111об.; письмо в копии, предположительно датируется 4 мая — по штемпелям: 1) Москва. 1852. Мая 5 < рядом карандашная помета: 4 >, 2) Тамбов — 9 мая. 1852).

⁵ В ответном письме от 27 декабря 1852 г. Тургенев писал по поводу этих строк: «Начну с того, что поздравляю Вас с найденным Вами выражением: „дешевос и бесполезное коварство Фролова“. За это Вы заслуживаете носить на шею золотую медаль с надписью „За Остроумис“. — Положению Вашему я сочувствую и мысли Ваши об уединении разделяю вполне — воспользуйтесь им, чтобы уяснить себе свое признание <призвание <?>. — *Ред.*» — или, если это слово Вам кажется слишком пышным — чтобы узнать, по какой дороге Вам надобно пойти» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 175). О Кетчере Николас Христофоровиче см. 6-е примечание к письму от 24 февраля 1851, (№ 2, ч. I), о Фролове Николас Григорьевиче — см. 3-е примечание к письму от 28 января 1852 (№ 13), о Боткине Василии Петровиче — по указателям к публикации (ч. I и II).

⁶ Салиас тоже упрекала К. Н. Бестужева-Рюмина за склонность к повышенной, изнуряющей рефлексии (см. РО ИРЛИ, № 25164).

⁷ Сен-Марк Жирарден (Saint-Marc-Girardin — наст. имя и фам. Марк Жирарден (1801—1873)) — французский писатель, публицист критик, политический деятель, создатель серии литературных портретов (Руссо и др.), обозреватель общественной, театральной и литературной жизни в «*Revue des Deux Mondes*», «*Journal des Débats*» и проч. Острые, с яркими социально-политическими отступлениями, статьи и фельетоны Сен-Марка Жирардена снискали ему известность не только во Франции, но и в России. Столь же читаемы были в России общественно-политические, литературные и театральные фельетоны другого французского романиста, критика и журналиста Жюль Габриеля Жанена (Janin; 1804—1874), основателя «*Revue de Paris*», постоянного участника «*Journal des Débats*» и др. изданий, см. о нем и о характере его влияния на русскую литературу: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 165—167, 173—174, 375—380, 385—387, 392—396; Виноградов В. В. Романтический натурализм (Жюль Жанен и Гоголь) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избр. труды. М., 1976. С. 76—100. К началу пятидесятых годов Жирарден и Жанен по-прежнему лидировали в жанре фельетонной журналистики. Понятия «жаненовская журнальная проза», «жаненовский стиль» формулировали совершенно определенную, легко узнаваемую форму. Ср. с признанием А. В. Дружинина: «Вообще я фельетонист по призванию и готов строчить импровизации à la J. J. <анип> когда угодно; если первые десять строк будут плохи, зато на одиннадцатой я расщелываю себя в совершенстве» (Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 316 (Лит. памятники)). У Тургенева — постоянного читателя французской прессы («*„Revue des 2 Mondes“* я получаю и читаю прилежно» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 267, см. также с. 208), публикации Сен-Марка Жирардена и Жанена вызвали особый интерес: французская театральная критика постоянно держала в поле своего внимания Виардо (см.: Там же. Т. 1. С. 283, примечание: с. 541 и пр.).

⁸ К комедии «Не в свои сани не садись» (первоначально: «От добра добра не ищут») Островский приступил весной 1852 г. В начале сентября он сообщил М. П. Погодину, что пьеса близится к концу (Островский. Т. 14. С. 34), а 6 октября редактор «Москвитянина» записал в дневнике, что «прослушал» ее в чтении самого драматурга (Там же. Т. 1. С. 410). В начале ноября комедия была окончательно завершена и отослана в театральную цензуру (Там же. Т. 14. С. 35, дата письма к Погодину 19 ноября 1852 г.). В первых числах декабря (до 5-го), по сообщению корреспондента «Московских ведомостей» (разд. «Петербургская жизнь»), пьесу уже читали в Петербурге: «Недавно я слышал в одном частном доме чтение новой драмы г. Островского „Не в свои сани не садись!“». По личному моему убеждению и по единодушному отзыву всех слышавших ее со мною, эта пьеса — новый шаг вперед молодого автора, „Своих людей...“ и „Бедной невесты“. Здесь снова выведен мир Русского купечества, и такие лица ее, как купец Русаков, честный и здравый Русский ум, молодой торговец Бородин, лучший и полнейший образ в драме, отставной офицер Ухарев, по выражению своего слуги Степана, „из себя кавалер“, сестра Русакова, жившая в Москве „на Таганке и видевшая „свет“ — Дунечка, дочка Русакова... — всё это подтверждает еще более общее мнение о таланте г. Островского. Пьеса эта прежде всего будет дана в Москве, в бенефис артистки Никулиной-Косицкой»

(1852. 9 дек., № 148. С. 1521. Подпись: Д., под текстом: «5 декабря. 1852. СПб»). Весть о новой комедии Островского пришла в Спасское не только от Феокистова, который в свою очередь получил ее от московских друзей (...*пишут мне сюда*...), но и позже от Боткина (в письме от 17 февраля 1853 г.), оценившего театральную постановку пьесы, по словам Тургенева, чрезвычайно высоко (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 34—36). Далее — письма Феокистова от 18 марта (№ 25), 5 апреля (№ 26) 1853 г.

⁹ Работа над пьесой «Свои люди сочтемся» (первоначально: «Несостоявшийся должник», «Банкрот») началась в 1846 г. совместно с актером и драматургом Д. А. Горевым-Тарасенковым (подробнее — 4-е примечание к письму от 2 ноября 1853 г., № 32). Изменив план комедии, Островский существенно ее переработал и осенью 1849 г. представил в театральную цензуру. 23 ноября 1849 г. цензоры запретили ее для сцены как произведение, наносящее «обиду» русскому купечеству (*Островский*. Т. 1. С. 403). Тем не менее комедия распространилась в списках и всю зиму 1849—1850 г. читалась в литературных кругах драматургов и актерами. Ф. А. Бурдин вспоминал: «П. М. Садовский ежедневно читал ее в обществе; все желали слышать ее» (Там же). В 1850 г. «Свои люди сочтемся» вышли в свет в шестом номере «Москвитянина», но 31 марта этого же года по требованию купечества Николай I направил пьесу в особый комитет, рассматривавший уже напечатанные произведения, и утвердил постановление о ее запрещении с резолюцией: «...напрасно печатано, играть же запретить». 10 апреля в связи с запретом комедии секретное отделение канцелярии московского генерал-губернатора открыло «Дело о литераторе Островском», а в мае последовал запрет на ее отдельное издание. В июне III Отделение установило за Островским секретный надзор. Вскоре, ввиду секретного надзора, последовало его увольнение со службы. Лишь через десять лет после первой публикации комедии было получено разрешение на ее театральную постановку (в Александринке она шла 16 января, в Малом (московском) — 31 января 1861 г.). В первоначальной же редакции (по тексту «Москвитянина», т. е. без существенных цензурных искажений) она была поставлена лишь в 1881 г. на сцене первого частного — Пушкинского театра (Москва) (Даты жизни и творчества А. Н. Островского // *Островский*. Т. 16. С. 359, 361—362, 372—373, 394). См. далее 10-е примечание к письму от 5 апреля 1853 г. (№ 26).

¹⁰ Катков женился в 1852 г. на Софье Петровне Шаликовой — дочери литератора, журналиста, редактора «Московских ведомостей» и издателя ряда журналов — князя Петра Ивановича Шаликова (1768 (в некоторых изд.: 1767) — 1852), поэзия которого, в глазах Тургенева, была воплощением манерности и слащаво-жеманного тона (см. его письмо к А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу от 10 июля 1855 г.). «Что он нашел в этой особе, никак нельзя понять! — вспоминал Феокистов о брачном союзе Каткова. — Тщедушная, маленького роста, она была очень дурна собой; образование ее не шло далее умения болтать по-французски, но все бы это еще ничего, если бы не образование ее глупость. Чем могла она поддействовать на такого человека, как Катков? Княжеский ее титул ровно ничего не значил, состояния она не имела никакого: Шаликовы, без всякого преувеличения, находились чуть не в нищете. Ф. И. Тютчев по поводу этого странного союза человека не только умного, но почти гениального, с глупою женщиной заметил однажды: „Que voulez vous, probablement Katkow a voulu mettre son esprit a la diette” <Что же, вероятно, Катков хотел свой ум посадить на диету — франц.>» (*Феокистов*. С. 87).

¹¹ *Сухова-Кобылина Софья Васильевна* (1825—1867) — младшая дочь в семье Сухова-Кобылиных, художника. С 1854 г. на правах вольнослушательницы занималась в С.-Петербургской Академии художеств. В этом же году на акте в Академии художеств ей была вручена медаль за пейзаж с натуры, экспонировавшийся на одной из академических выставок (см.: *Дневник Сухова-Кобылина // Дело Сухова-Кобылина / Сост., подгот. текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой; Вступ. статья и комм. В. М. Селезнева*. М., 2002. С. 246; запись от 17 сентября 1854 г.). По поводу беспрецедентной награды (впервые в России ее получила женщина), и, как видно, поступления в Академию, Александр Сухово-Кобылин писал сестре Евдокии Васильевне и зятю Михаилу Федоровичу Петрово-Соловово: «Это крупный успех, подлинный и без всякого сомнения огромный шаг, сделанный ею в настоящей карьере, — в ее жизни это эпоха, которая стоит всякой другой и которая придает ее существованию прекрасную значительность; — вы видите, я смотрю на дело не с точки зрения честолюбия или тщеславия, а с точки зрения, рассматривающей по существу и нравственной. Я счастлив этим событием и прошу вас передать ей эти строки» (*Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина*. [М.] 1934. Вып. 3. С. 243; письмо без авторской даты, год и месяц указаны публикаторами произвольно: 1851 г., ноябрь, в противовес собственному комментарию к письму Александра (на с. 211): «...задумываясь над судьбой сестры, получившей <...> медаль...»). Десять лет —

с 1856 г. и до конца жизни — Софья почти безвыездно провела в Италии, где общалась с итальянскими и русскими художниками, в частности с А. Ивановым (см.: Там же. С. 189).

¹² *Мейер или Майер (Meyer или Mayer) Егор Егорович* <?> (ум. в 1867) — художник, учитель живописи и друг Софьи Васильевны, сопровождавший ее и в поездках — на Выксу, в Крым.

¹³ *Бокар (Бокард) Август Петрович*, инженер путей сообщения. 27 декабря 1852 г. Тургенев отвечал: «Бокар действительно хлыщ первой величины — он бывал в доме моей матери в Москве — и потом в деревне, когда обворовывал казну на тульском шоссе; моим же другом он был столько же, сколько — кого бы назвать — сколько Булгарин» (*Т. Письма (2-е изд.)* Т. 2. С. 176; примечание — с. 581).

¹⁴ Ответ Тургенева: «Копию с „Муму” мне до сих пор Кетчер из Москвы не высылает — но Вы ее получите при первой возможности» (Там же. С. 176). Далес — письмо от 28 мая 1853 г. (№ 27).

¹⁵ «Я написал здесь большую повесть под названием „Постоялый двор” — которая, если не ошибаюсь, мне удалась, — сообщил Тургенев. — К сожалению, я Вам ее переслать не могу — надобно дожидаться оказии — а я думаю, что в этой повести я сделал шаг вперед. Под влиянием ли уединения, от других ли каких причин — только я чувствую, что я стал проще и иду прямее к цели, может быть потому, что во время писания не думаю о печатании» (Там же. С. 176). См. письмо от 8 января 1853 г. (№ 22).

¹⁶ *Шумский Сергей Васильевич* (о нем — 8-с примечание к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. 1) и далес — письмо от 3 апреля 1855 г. (№ 35)) имел в виду, как видно, роман «Два поколения». В ответ Тургенев сообщил: «Я перед Вами никогда не скрытничал, и Шумский напрасно сказал Вам, что я написал первую часть моего романа, я теперь только что кончил третью главу — но если что-нибудь непредвиденное не встретится, надеюсь кончить первую часть к марту» (Там же. С. 176). Об эволюции замысла романа «Два поколения», хронологии работы над этим произведением и его судьбе см. прамбулу и примечания к «Плану романа «Два поколения»» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*). Т. 5. С. 525—535). Далес — письма от 8 января (№ 22) и 2 ноября (№ 32) 1853 г.

¹⁷ *Монтень (Montaigne) Мишель де* (1533—1592) — французский философ-гуманист. 24—28 ноября (6—10 декабря) 1850 г. из Москвы Тургенев сообщал Полине Виардо, что уже несколько дней он всё перечитывает подаренный ему Луи Виардо в Петербурге «томик Монтеня» (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 74, 372). По свидетельству Феокистова, начало пятидесятих годов — время наибольшего увлечения Тургенева философией французского гуманиста. Вспоминая о своих посещениях в 1851 г. дома (или квартиры) старшего брата Ивана Сергеевича, он рассказал: «Но особенно много читал Тургенев: Монтень не выходил у него из рук, он был в совершенном восторге от этого писателя, увлекающего его столь же глубоким знанием человеческой природы, сколько образностью и меткостью своего языка. Симпатично действовал на него и самый характер Монтеня, который в одну из самых бурных исторических эпох, в то время, когда религиозный фанатизм разделил все общество на два проникнутые неистовою враждою лагеря, оставался как бы равнодушным зрителем этого движения и бесстрастно анализировал людские страсти и отношения» (*Феокистов*. С. 11). В библиотеке Тургенева (музей в Орле) сохранилась часть «Опытов» («Les Essais») Монтеня в жевском издании 1779 г. (семь книг из десяти). Однако, по предположению А. Я. Звигильского и А. С. Розанова, это издание, скорее всего, не имеет отношения к книге, упомянутой Тургеневым в письме Полине Виардо, отосланном в ноябре 1850 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 439).

¹⁸ *Юм (Hume) Давид* (1711—1776) — английский философ. В письме к Феокистову от 27 декабря 1852 г., Тургенев заметил, что, хваля Юма, «не имел в виду ничего, кроме его слога, его простого, ясного и объективного изложения. Современным требованиям от историка он далеко не удовлетворяет» (Там же. С. 176).

¹⁹ 1 февраля 1853 г. Салиас также сообщала Бестужеву-Рюмину: «Работаю порядочно и всё продолжаю по-английски. Теперь взяла Бульвера „Pelham” и персвою порядочно» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 142). *Бульвер* <или: *Булвер*>-*Литтон (Bulwer-Lytton) Эдуард Джордж* (1803—1873) — английский романист, поэт и драматург, видный общественный деятель, в период парламентской реформы 1832 г. выступавший с критикой моральных устоев английской аристократии, в 1858 г. — министр колоний, позже — член палаты лордов в парламенте. В романе «Пелэм, или Приключения джентльмена» («Pelham, or the Adventures of a gentleman», 1828) на фонс жизни английского общества 1822—1823 гг. Бульвер воспроизвел историю молодого человека — аристократа, дэнди, завсегдагая модных салонов Лондона и Парижа,

в характере и поведении которого сложно сочетаются утонченность с холодным расчетом и политическим авантюризмом. В России этот роман Бульвера рано снискал известность: см. набросок начала романа А. С. Пушкина «Русский Пелам» (предположительно 1834—1835 гг.). Пушкин, как известно, намеревался поставить в центр внимания героя, равнозначного главному персонажу Бульвера, сохранив (о чем свидетельствуют рабочие записи) и общую схему его романа (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*: в 10 т. Т. 6. М., 1957. С. 594—598, 795—799, примечания Б. В. Томашевского: с. 799—800).

22

8 (20) января 1853. Симферополь

1853 г. генв. 8. Симферополь.

Милый Тургенев — посылаю Вам это письмо страховым, единственно только для того, что хочу, чтобы Вы получили его скорее. Это просто страм, что между моим письмом и ответом Вашим на него прошло почти два месяца. Впрочем, Вы с своей стороны не должны прибегать к той же мере, ибо Ваши письма я получаю довольно аккуратно. —

Письмо Ваше¹ застало меня в ту самую минуту, когда я писал Вам возражения против неосновательно приписываемой Вами мне способности обижаться безобидными письмами. — Вот за это, право, стоило бы на Вас надуться хорошенько, — но что об этом говорить, — теперь Вы видите, что я и не думал измениться к Вам, — напротив, сохранил самое приятное и дружеское воспоминание об Вас и люблю Вас, как прежде. — Поговорим сначала об Вас. Я ужасно рад, что работа удается Вам теперь хорошо, и уверен, что Вы в теперешнем Вашем уединении напишите славные вещи. Так как скоро Вы сами заговорили о «Записк<ах> Охот<ника>» в своем письме, то позвольте мне сказать Вам тоже несколько замечаний; это личное чувство, и за правоту его я не ручаюсь. Я перечел со вниманием обе книжки.² Чтение это доказало мне опять, что* я думал прежде — именно, что Вы *первый* талант после умершего незабвенного писателя, и «первый» не в силу той пословицы, что «на безлюдьи и Фома дворянин»³ — но именно потому, что в таланте Вашем много самостоятельного, своебытного, — русского, и что силу свою он главным образом берет в чисто русских элементах.⁴ — В «З<аписках> О<хотника>» рассеяно много мест удивительных, но в целом они производят неудовлетворяющее впечатление. В них именно нет того, что, кажется, Вы и сами теперь уяснили себе — нет — простоты. Повсюду в изображении какая-то хитрость, лукавство, *argùe-re-pensée*.**⁵ По прочтении каждого рассказа всегда говоришь: «Как умно!» — а именно этого-то мне и не хотелось бы в художественном произведении. Возьмите каждое из лиц Гоголя — какая простота и вместе с тем какая полнота изображения! И это вовсе происходит, по мнению моему, не от большей или меньшей силы таланта, но*** от манеры, с которою подходить к лицу. Скажите по правде, понятно ли сразу лицо барышни в «Уезд-

* *Далее начато*: Вы всё-та<ки>

** задняя мысль (*франц.*).

*** *Далее начато*: главным <образом>

ном лекаре» человеку, не искусственному размышлениями о русской жизни и барышнях вообще, — что такое Касьян, Хорь или Калиныч, и прочие и прочие, даже Татьяна Борисовна, по каким-то неизвестным причинам не любящая общества соседей и живущая более своим внутренним мирком, необъяснимым для нее самой и для читателя. Я не говорю, чтоб это было непонятно, напротив — не только понятно, но — умно очень, — да понимается-то это читателем не без некоторого старания, тогда как лица, подобные Ноздревым, Собакевичам и тысяче других, лезут в голову во всей их фигуре и уже давно знакомы Вам с первого вымолвленного ими слова. Каждое Ваше лицо заставляет самого читателя доканчивать себя* уже воображением, заставляет долго всматриваться, вдумываться в себя, тогда как что Вы можете прибавить существенного к лицам Гоголя, вообще, какое из них не возьмите? ⁶ Я понимаю также, что Вы должны были сделать *так, а <не> иначе*, многое не докончить и не дорисовать, — но мне кажется, что ни эта одна причина и что одна из главных причин лежала в самой Вашей манере,** несколько лукавой и искусственной. Вот почему я так обрадовался, когда прочел в Вашем письме, что Вы сами напали на свой недостаток и пошли по другому пути.⁷ Дай Бог Вам нового успеха, — я в нем с своей стороны убежден — и говорю Вам, что Бог знает, что бы дал, чтобы прочесть Ваш «Постоялый двор» — это был бы для меня совершенный праздник; — очень жалею, что, по Вашим словам, я могу долго ожидать этого удовольствия, но авось же, дождусь его когда-нибудь.⁸ — С Вашим талантом литература должна быть для Вас серьезным делом, и было бы фанфаронством, если бы Вы стали смотреть на это занятие через плечо. Литературе нашей, я верю этому, суждено великое поприще и счастлив тот, кто в возделывании этого поля является не лишним человеком...

После столько*** пышного, хотя уверяю Вас, — искренного, возвания к Вам, скажу несколько слов о себе. Я очень рад, что Вы также примиряетесь с уединением, — *временами* — это превосходное дело и поднимает много человека. Знаете ли, что я даже — *incredibile auditu***** — начал *худеть*... Задача моей жизни, как видите, приводится уже в исполнение. Что касается до другой задачи моей жизни, об которой Вы мне пишете, то «призвание» свое я уже давно понял. — Таланта литературного у меня нет, страсть к историческим занятиям есть большая. Собственно «ученого» из меня никогда не выйдет, ибо во мне нет силы на кропотливый труд, нет нужной усидчивости и неусыпного постоянства в занятиях, — но, несмотря на то, занятие историею и, след<овательно>, литературою (т. е. историею ее)***** я не оставляю и думаю, что могу принести с этой стороны***** некоторую пользу, как может принести пользу всякий, с любовью и бескорыстно занимающийся чем-нибудь серьезным в жизни. — Теперь обратился я к XVI веку, буду долго и усиленно заниматься им исключительно и, вероятно, приду к чему-нибудь, что будет не без пользы и для других. Я рад

* *Далее начато: а. в <образении> б. уже св<оим воображением>*

** *Было: лежала в Вашей манере, Слово: самой — вписано.*

*** Так в автографе.

**** *нвероятно (лат.).*

***** *Фраза: (т. с. историею ее) — вписана.*

***** *Вместо: стороны — было: темой <?>*

одному — прежде, приступая к работе, я заранее мечтал об том и другом, что могло бы из нее выйти, и обыкновенно не выходило ничего, — теперь я начинаю дело без льстивого самообольщения, напротив, с ясным сознанием недостаточности своих сил, — недостаточности, которая поселяет в меня часто глубокие сомнения и доставляет мне самые горькие минуты в жизни. Вот уже мне скоро 25 лет, половина жизни ушла — но какой же ее результат? В голове бродит многое, хочется сделать и это, и то, а сил нет, и могу сказать откровенно, что «молодость» жизни я знал только в теории или по книгам. Собственно в жизни я не видал ее,* или по крайней мере далеко не удовлетворен тем, что видел в себе, и часто с грустью спрашиваешь, неужели вечно будешь жить мечтою о будущем, не испытавши сладости настоящего?.. Простите меня, если я надоел Вам этуо галиматей. —

Я читаю теперь Монтеня⁹ — и ушел в него с головой и ногами. Это самое великолепнейшее чтение, и впечатление от него остается, я думаю, на всю жизнь. Какая простота-то! Какое отсутствие всякой ложности, притворства, роли — и в этой простоте столько силы и сознания этой силы. — Вот к подобному господину можно бы было привязаться самую глубокою привязанностью; — я уверен, что Монтень должен был быть великолепнейший из людей и имел огромное влияние на окружавших его. — Я понимаю Вашу к нему привязанность. —

Графиня здорова, ей несравненно лучше, и климат здешний принес ей огромную пользу, и, действительно, климат божественный. — Она немного работает, — да не в этом дело, надо, чтоб она была здорова — это прежде всего. Мы здесь получаем часто известия из Москвы, — необыкновенного там, надеемся, не случается ничего, кроме одного, да и то ничуть не необыкновенно. Я говорю о том же кружке. Он в гнев на меня за то, что я осмелился поехать служить в Крым, — в Симферопольскую Палату, — а не в Москву. — Гнев этот дошел до того, что Грановский, — этот лучший из людей, — не удостоил меня ответом на мое очень искреннее к нему письмо, и отзывается обо мне, единственно по этой причине, не совсем снисходительно. Вот Вам эти люди. Я понимаю теперь Ваше постоянное желание, чтобы *chacun* был *roug* *personne*.** — Добро бы был*** в этом сильный интерес, при<нрзб. 1> в лицо, а то ровно нет ничего, так, — от безделья. — Но, пожалуйста, не пишите об этом никому в Москву — лучше оставить их в покое. —

Один господин Лохвицкий, мой лучший приятель и домашний студент у Назимова, пишет мне, что он слышал чтение 2-ой части «Мертв<ых> душ» из уст Шевырева.¹⁰ Он в восторге и говорил, что**** это выше всего, что произвел Гоголь. Кроме 5<-ти> глав, есть еще, кажется, главы 2<-е>, неоконченные и, по-видимому, принадлежащие к 3-ей части, в которой он оставляет юмор для более высоких истин и где одно лицо советует Чичикову ездить, вместо того, чтобы скупать души, лучше собирать деньги на Храм Божий. Эти слова проникнуты глубоким религиозным чувством и,

* Было: В жизни я не видал ее, Слово: Собственно — вписано.

** каждый был сам по себе (франц.).

*** Было: Ну, добро бы был

**** Далее начато: нич<сго> <?>

без сомнения, не могут не произвести сильного впечатления.*¹¹ Юмор его во 2-й части совершенно прежний и жалко только, что Лохвицкий не умел передать мне чего-нибудь замечательнейшего. Но хорошо и то, что он рассказывает. Например, одно лицо, — Петр Петрович Петух, — маленький, толстенький обжора и эпикуреец, владелец душ 30, который в жаркие дни совершенно нагой, с удочкой под рукою, идет к реке удить рыбу. Чичиков застал его в этом занятии, — чтоб рассмотреть Чичикова издали, Петух одну руку приложил к глазам от солнца, а другую руку «держал, как Венера Медицейская».¹²

Тургенев, считайте меня Микоубером,¹³ но я расскажу Вам одно дело, меня касающееся, и которое не гармонирует немного с грустным тоном этого письма (там, где я говорю о себе). Но отложите меня, если хотите — только разделите мою радость. Тут у одних магнатов Симферополя есть горничная Серафима, или, как зовут ее, Шерочка, чудо красоты (буквально). Я, разумеется, загорелся, но препятствия были ужасны. По слухам бабыня была баба-яга и смотрела за этою девочкою в оба глаза. Унылый и грустный я должен был обратиться вспять, — как вдруг слышу, что Шерочка умеет** крепко надувать свою госпожу, что я ей нравлюсь, и что, если я хочу, она — придет ко мне. *Если я хочу!*.. Я, разумеется, сначала зарыдал и в несвязных словах объявил, что — моя жизнь, честь, будущая слава моего имени — всё кладется к ее стопам. Словом, она обещала наверно придти, и время — *нынче* вечером. Понимаете ли Вы меня? Нынче, когда я буду созерцать ее белые, пухлые и круглые ляжки, когда я буду давать ей поцелуи — *gluants, gourmands et savoureux*,*** когда рука моя в лихорадочной дрожи будет пробегать по ее челу — я вспомню об Вас. И Вы не верите после этого в мою дружбу? — Ну, прощайте. Если и после *подобного* письма Вы не напишете мне ни строки, это будет *буквально и без шуток непростительно*. Графиня кланяется Вам и тоже ждет Вашего письма. Я Вас крепко обнимаю. Пожалуйста, пишите поскорей. Ваш

Е. Ф<еоктистов>.

Адрес тот же, как я Вам писал в моем большом письме.

¹ Письмо Тургеневу, полученное Феокистовым между 27 декабря 1852 и 8 января 1853 г., — неизвестно. Сохранившуюся его часть см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 178, 496. Публикуемый ответ открывает возможность уточнить хронологию тургеневского письма и более полно восстановить его содержание.

² В письме от 12 сентября 1852 г. (№ 20) Феокистов писал Тургеневу, что по получении от него двухтомника «Записок охотника», вышедшего в Москве в начале августа 1852 г. (... *жду, что Вы пришлете мне...*), с наслаждением прочтет его. Тургенев, как видно, прислал Феокистову книги и в письме попросил высказать о них свое мнение.

³ Ср.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. М., 1994. Т. 1. С. 535.

⁴ Этот акцент Феокистова не случаен. Именно национальная сущность охотничьих рассказов для Тургенева была особенно значима. Отвечая на замечание Феокистова (см. письмо от 24 февраля 1851 г. (№ 2) и 4-е примечание к нему, ч. I), он охарактеризовал психологию и мировосприятие героев «Бежина луга» ключевой фразой, которая определяет весь строй рас-

* *Далее: зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.*

** *После: умест — слово зачеркнуто.*

*** *липкие, жадные и вкусные (франц.).*

сказа и цикла в целом: «...это не немецкие мальчики сошлись — а русские» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 95).

⁵ Также: «...одна из главных причин лежала в самой Вашей манере, несколько лукавой и искусственной. — Феокистов обыгрывает выражение из письма Тургенева к нему от 2 апреля 1851 г., ср.: «...я намерен долго ничего не печатать и посвящать себя по возможности большому произведению, которое буду писать с^оп атог^е и не торопясь — без всяких цензурных attente-pensées...» (Там же. Т. 2. С. 96). Суждения Феокистова о «Записках охотника» формировались в общении с другими читателями и оппонентами Тургенева, например, с В. П. Боткиным (см. письмо по поводу «Бежина луга» от 24 февраля 1851 г. (№ 2), ч. I), в различных внутренних соотношениях с прессой (см. характеристику отзыва Аполлона Григорьева об охотничьих рассказах в письме от 17—18 марта 1851 г. (№ 4) и 17-с, 18-с примечания к этому письму (ч. I)), а также под влиянием «общего голоса московских кружков» (письмо от 30—31 марта 1851 г. (№ 5), ч. I). Ссылаясь на этот «общий голос», Феокистов писал Тургеневу: «...все находят, что Вы уже слишком часто выпускаете их <охотничьи рассказы. — Э. Г.> и что пора бы Вам переменить род. По правде Вам скажу, я сам не очень стою против этого мнения, потому что мне ужасно хочется прочесть какую-нибудь большую повесть, написанную Вами» и проч. (см. ч. I. С. 169). В иных случаях оценки Феокистова чаще всего объективно совпадали с суждениями других корреспондентов Тургенева, к примеру И. С. Аксакова, П. В. Анненкова. Так, 4 октября 1852 г. Аксаков, изложив Тургеневу свои наблюдения над характером крестьянской речи в современных бытописаниях народной жизни, отметил ненужность воспроизведения местного диалекта (в рассказах охотника — орловского), который сообщает речи крестьянских персонажей определенную искусственность: «Григоревич, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковую в каждом месте. (Русское обозрение. 1984, август. С. 477). Здесь же он заметил, что в охотничьих рассказах встречаются «натянутые сравнения, <...> претенциозные остроты, <...> изысканная наблюдательность, как будто любующаяся собою <...>. Ничего подобного нет в „Муму“» (Там же. С. 476). В эти же дни (12 октября 1852 г.) Анненков также высказал свои претензии к охотничьим рассказам, по существу совпадающие с суждениями Аксакова и Феокистова: «...в них слишком наружу выступает сочинительство: оно напирает грудою на лица, на происшествия, на природу и даже на фразы. <...> Теперь, кажется, следовало бы дописать книгу и сделать свое имя. Нужно бы, кажется, убить в себе сочинительство, которое в последнее время как будто наоборот сильнее в вас становится <...>. Я решительно жду от вас романа с полной властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уж чересчур любите <...> с таким романом „Записки охотника“ делаются вдвойне замечательными: это книга и это ступень, а без романа они все-таки остаются канатом, на котором когда-то умный и ловкий танцор плясал до поту лица» (Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жескулин. СПб., 2005. Кн. 1. 1852—1874. С. 7—8 (Лит. памятники). Далсе: Анненков. Письма к И. С. Тургеневу (с указанием нумерации книг).

⁶ Возможно, не только суждения Анненкова, но и эти упреки Феокистова побудили Тургенева, в связи с предстоящим ему чтением рукописи первой части романа «Два поколения», обратиться к Анненкову с просьбой: «Судя обо мне, старайтесь только забыть какие-нибудь „Мертвые души“ — и поправляйте меня в силу того, что я бы мог сделать — станьте мне в уровень» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 208, дата: 24 февраля 1853 г.).

⁷ Еще осенью 1852 г. Тургенев, соглашаясь с суждениями Анненкова об охотничьих рассказах, писал ему: «Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разнородные эссенции — triples extraits <тройные экстракты — франц.> — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели — откупорьте и нюхайте — не правда ли пахнет русским типом? Довольно — довольно! Но вот вопрос: способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии... Этого я не знаю и не узнаю до тех пор, пока не попробую — но поверьте мне — Вы от меня услышите что-нибудь новое — или ничего не услышите» (Там же. С. 155, дата письма: 28 октября 1852 г.). 27 декабря 1852 г. он обратился к Феокистову и Салиас с теми же раздумьями: «Да скажите ей <Салиас. — Ped.> также, что мне очень было лестно услышать, что ее детям нравятся мои „Записки“ — la vérité

parle par la bouche des enfants <устами младенцев глаголет истина — франц.>, — хотя мне самому мои „3<записк>и“ кажутся теперь как будто написанными чужим человеком. „Муму“ еще сбивается на них, — в моих новых вещах я пошел по другому пути, к лучшему ли, к худшему ли — это мне скажут друзья» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 176). Мысль о необходимости пойти иным путем и сменить «манеру» Тургенев развивал в эту пору в письмах и к другим своим корреспондентам. Летом 1853 г. разговор на эту тему, спровоцированный отзывами друзей о первой части романа «Два поколения», продолжился в переписке с Боткиным и Анненковым. В июльском письме к Анненкову он сообщил: «... я на днях получил от Боткина длинное письмо <от 18 июня 1853 г. — *Ред.*> на его счет, которое, как говорят французы — *m'a cassé les bras* <меня подкосило — франц.>. <...> Я, конечно, чувствую, что он жалует мою прежнюю манеру, от которой я решительно отстал и к которой не хочу и не могу возвращаться — мне ее недостатки глаза режут — но это еще не доказывает мне, что я могу себе завоевать другую манеру, более дельную и верную, я могу остаться — между той и другой. Ну в таком случае я брошу перо — но действительно, так скоро отчаиваться не следует — не в один день Троя была взята — буду работать и остановлюсь только тогда, когда почувствую, что клад решительно в руки не даётся — но самого себя повторять — что за охота?» (там же. С. 245, 246; письмо от 26, 31 июля 1853 г.). Подробнее см.: *Истомин К. К.* «Старая манера» Тургенева (1834—1855). Опыт психологии творчества // *Известия Отделения русского языка к словесности Имп. Академии наук*. СПб., 1913. Т. 18, кн. 2. С. 294—347; кн. 3. С. 120—194; *Назарова Л. Н.* К истории творчества И. С. Тургенева 50—60-х годов // *И. С. Тургенев (1818—1883—1958)*. Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 132—146; *Алексеев М. П., Грицукин А. Л., Данилевский Р. Ю.* и др. «Записки охотника». Вступ. статья к примечаниям // *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 3. С. 399—435.

⁸ См. письмо Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 15-е примечание к нему. Повесть «Постоялый двор» была закончена 14 ноября 1852 г. (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 612). Однако Тургенев продолжал вносить изменения в рукопись в соответствии с требованиями цензуры и замечаниями друзей (Анненкова, С. Т. Аксакова, Боткина), которым он доставлял копии рукописи с помощью Кетчера (там же. С. 613). В печати «Постоялый двор» появился лишь в 1855 г. в одиннадцатом номере «Современника». О процессе работы над текстом повести см.: *Назарова Л. Н.* 1) «Постоялый двор» И. С. Тургенева (К истории первой публикации повести) // *Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.* М., Л., 1959. С. 158—165; 2) *Примечания // Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 611—624.

⁹ И далее: *Я понимаю Вашу к нему привязанность*. — см. предшествующее письмо Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 17-е примечание к нему.

¹⁰ Зимой 1853 г. в Спаское доходят, по выражению Тургенева, «слухи» о чтениях в Москве глав из второго тома «Мертвых душ». Один из источников слухов — Феокистов и его окружение. Первые известия о московских чтениях второго тома гоголевской поэмы Феокистов получил от своего друга и однокашника по юридическому факультету — Лохвицкого Александра Владимировича (биографическая справка о нем — ч. I. С. 147, также — 5-е примечание к письму от 4 февраля 1853 г. (№ 23)). В студенческую пору Феокистов ввел своего жестоко нуждавшегося друга в семейство Сухова-Кобылиных. 5 июля 1851 г. Лохвицкий сообщил Бестужеву-Рюмину о письме Феокистова, который от имени В. А. Сухова-Кобылина (отца Е. В. Салиаса) предложил ему место правителя канцелярии в имении Шепелевых на Выксе (РО ИРЛИ, № 24887, л. 3—3 об). Здесь он прожил почти год, с 30 июля 1851 по конец мая—начало июня 1852 г. (см. его статью «Выксинские заводы» в «Московских ведомостях» за 1852 (22 июля, № 88. Литературный отдел. С. 907—909)). По возвращении Лохвицкий оповестил Бестужева, в то время жившего в семье Чичериных: «Буду искать место учителя в гимназии в Москве, или домашнего учителя, подобно тебе» (РО ИРЛИ, № 24887, л. 31—34). В Москве, как следует из письма Феокистова, его друг, получив место домашнего учителя («домашнего студента») в семействе Назимова Владимира Ивановича — в ту пору попечителя московского учебного округа (о нем — в 3-м примечании к письму от 25 февраля 1852 г. (№ 15), ч. I; также — письмо от 18 февраля 1853 г., (№ 24)), оказался в гуще московских новостей. 7 декабря 1852 г. Лохвицкий сообщил Бестужеву-Рюмину: «Говорят, что в Москве будут напечатаны 8 глав 2-ой части „Мертвых душ“. Я слышал их содержание. Некоторые главы прелесть что такое» (РО ИРЛИ, № 24887, л. 45, письмо помечено автором: 7 декабря, год определяется по его содержанию; на полях рукой неустановленного лица карандашная помета: *Москва. 7 дек. 1852*). К 8 января 1853 г. информацию об этом чтении (или чтениях?) с пересказом отдельных сцен получил и Феокистов (позже лист из этого письма Лохвицкого будет послан Тургеневу — см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24)).

¹¹ Запомнившийся Фсоктистову эпизод, как видно, связан с беседами Муразова с Хлобусвым, а затем и с Чичиковым. Главный мотив этих бесед — спасение своей души и душ других людей через дела угодные Богу. В издании Н. С. Тихонравова это сцены из непронумерованной главы (следует за первыми четырьмя главами): «Старик взял его за обе руки. „Семён Семёнович! Если бы вы знали, как мне вас жалко! Я об вас все время думал. И вот послушайте. Вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума, — такого ума, что я не знаю. (Он не говорит); но уж если даст совет... Я начал ему говорить, что вот у меня есть этакой приятель, не имени не... <так в тексте. — Э. Г.), что болест он вот чем. Он начал слушать, да вдруг прервал словами: „Прежде Божье дело, чем свос. Церковь строят, а денег нет: собирать нужно на церковь!“ Да и захлопнул дверью. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совета. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или купцов, повоспитанней других, смотрел бы на то, как на спасение свое? Я так с первого же разу и остановился. „Ах, Боже мой! Да ведь это схимник назначает эту должность Семёну Семёновичу. Дорога для сго болезни хороша. Перехода с книгой от поместника к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается, — так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах... А эти-кис люди теперь нужны“. Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника, который бы знал не по бумагам дело, а точно узнал, как они на деле, потому что из бумага, говорят, ничего уж не выдать: так все запуталось» (Сочинения Гоголя. 15-е изд. Редакция Н. С. Тихонравова. СПб., 1900. Т. 6. С. 128—129). С идеей праведной жизни во имя высших целей Муразов неоднократно обращается и к Чичикову: «Подумайте не о мертвых душах, а [о] своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!» (Там же. С. 149). Ср. с текстом «Главы...» (из первоначальных редакций) в 12 т. указ. изд. Н. С. Тихонравова.

¹² Сцена из третьей главы второго тома «Мертвых душ»: «Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почуствовав, что может достать ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускающуюся от плотины коляску и в ней сидящего Чичикова. / „Обедали?“ закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, — как, в летнее время, дамская ручка в сквозную перчатку, — держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже — на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани» (Там же. Т. 6. С. 73). Упоминание этого эпизода см. также в письме от 18 февраля 1853 г. (№ 24).

¹³ Микоубер — мистер Микоубер, герой романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Коппсфильда» (1849—1850), пламенное воображение которого создает мир более полный и яркий, чем реальность.

23

4 (16) февраля 1853. Симферополь

4 февраля. 53. Симферополь.

Здравствуйте, милый Иван Сергеевич. Теперь вечер, все разъехались по гостям, — я один сижу дома и несколько скучаю. Вот почему я хочу испробовать силу моего воображения: представляю себе, что я не один, что против меня сидит любимый мой приятель, со своею мефистофельскою улыбкою и поседевшими (!) волосами — и беседа начинается. Во-первых, выговор: в письме своем к графине Вы говорите, что скоро пришлете ей «Постоялый двор» и, может быть, еще начало романа, — стало быть, есть для этого возможность — а в письме ко мне Вы говорите, что нельзя, что надо ждать okazji! — и это Вам не грешно. Я нынче не в расположении льстить, но откровенно говорю Вам, что из всего русского пишущего мира,*

* Далее начато: первую или первым

на Вас я гляжу* преимущественно со вниманием и с жадностью читаю всё, что Вы не напишете. Разумеется, для Вас тут мало лестного, но, по крайней мере, из внимания к такому верному другу — Вы должны, непременно, прислать сюда что-нибудь из вновь Вами написанного. «Иначе, сударь, я знать Вас не хочу», как говорит толстый помещик Ивану Федоровчу Шпоньке.² Я надеюсь, что Вы сделаете это для меня, если можно — и не хочу ничего прибавлять более. К чему досаждать неотступными просьбами, когда я верю, что Вы не откажете мне,** зная, какое участие я принимаю во всем, что выходит из-под Вашего пера.

Что я Вам могу сказать про себя. Дело мое весьма однообразно, читаю, читаю и читаю, — теперь сижу над книгою Леона Фоше: «Etudes sur l'Angleterre»,³ — которая весьма меня занимает. — Кроме того занимаюсь по-прежнему очень пристально по-английски — в этом проходит весь мой день.

Помните,*** что я Вам писал про одну девочку — Шерочку — ну, она была, и всё было, как надо быть. Только про Вас я не мог вспомнить в минуты захлебывания от восторгов. И вовсе не потому, чтобы образ Ваш не пришел мне на память,**** — но знаете ли Вы это чувство, что иногда человек, в минуту сильного потрясения или сильной задумчивости, хочет что-нибудь привести на память или об чем-либо подумать — но не в силах. Так у меня этот звук: «Тургенев» и, пожалуй, тень Ваша была на языке и пред глазами, но как-то неясно: совсем другое созерцал я, но что я созерцал, того едва ли Вы когда-нибудь будете созерцать. — Но описывать этого нельзя, надо видеть и — чувствовать. — Теперь меня занимает здесь другая женщина — м-ме***** Фурман. В настоящем смысле слова — красавица, — совершенно южное лицо, и, кажется, натура — такова же. Ужасно мила, остра, бойка, развязна — может быть, даже слишком всего этого — и вообще принадлежит скорее к той породе женщин, которых приличнее называть разбитными мальчишками, нежели женщинами. Но уверяю Вас, это премилое и презанимательное создание. —

Вот на двух страницах я исчерпал, кажется, всё, чем теперь «живет моя душа». Репертуар, как видите, не очень богат. Ну, а что подельваете Вы? Я очень рад, что Вы не скучаете собственно от деревенской жизни, — по крайней мере, хорошо, что Вы много там делаете. А как бы хотелось мне видеть Вас, теперь, — скоро ли мы опять встретимся в отеле Мореля⁴ и разговоримся обо всем. Авось, когда-либо придет это счастливое время, тогда я познакомлю Вас с неким г<-ом> Лохвицким; — он необыкновенно умен, литературой не занимается, это совершенно оригинальная личность⁵ — что-то очень похожее на раблетовского Пангорфа. А Леонтьев действительно страшная дрянь, — он мне так был противен,⁶ что я в Москве никак не мог пересилить себя и поехать к нему. Это буквально было выше моих сил.

Извините, я тоже взял Грота и посылаю Вам оба тома вслед за этим письмом.⁷

* Далее начато: со внима<нием>

** Далее начато: если это

*** Вместо: Помните — было: Ну, а помните

**** Далее начато: а. а по<тому> б. знаете ли Слово: но — вписано.

***** Так в автографе.

В начале своего письма я приготовился было вступить с Вами в длинную беседу — кажется, она не весьма занимательна. Простите, я нынче — что-то очень не в духе, что преимущественно приписываю расстройству своего желудка. Впрочем, я всё-таки, кажется, довольно часто пишу Вам, и ничего бы более не желал, как того, чтобы Вы хоть вполовину были также аккуратны в корреспонденции, как я аккуратен. Я еще не получал от Вас ответа на мое большое письмо, но надеюсь скоро получить, если Вы не поленитесь. — Пожалуйста, милый Тургенев, пишите почаще. — Я же Вас люблю по-прежнему горячо и крепко и жду Вашего ответа на мою просьбу о присылке Ваших произведений. — Дружески жму вам руку и остаюсь Ваш вечно

Е. Ф<ео>ктистов<.>

¹ Названные письма Тургенева к Салиас и Феокистову — неизвестны. О «Постоялом дворе» и переговорах по его поводу см. письма и примечания к ним от 5 декабря 1852 г. (№ 21), 15-е примечание, 8 января (№ 22), 18 февраля (№ 24) и 15 июня 1853 г. (№ 29). Если исходить из переписки Тургенева, приблизительно к середине января у него были готовы пять глав романа «Два поколения»: «...я здесь, по крайней мере, не ленюсь; принялся за свой роман и написал пять глав» (*Т. Письма (2-е изд.)*; (адресат: Константин Аксаков, дата — 16 января 1853 г.). Т. 2. С. 186). Как видно, эти материалы он собирался представить на суд своих друзей: «...любопытно мне будет знать мнение Ваше о моем романе», — писал он, в частности, Анненкову 10 января 1853 г. (Там же. С. 181).

² Вольно процитированная реплика Григория Григорьевича Сторченко («толстого человека в зеленом сюртуке»), обращенная к Ивану Федоровичу Шпоньке: «Иван Федорович! — говорил он, наливая в рюмку настойки, — прошу покорно лекарственной! / — Эй-Богу-с, не могу... я уже имел случай... — проговорил Иван Федорович с запинкою. / — И слушать не хочу, милостивый государь! — возвысил голос помещик, — и слушать не хочу! С места не сойду, покамест не выкушаете... (Иван Федорович Шпонька и его тетушка, гл. «Дорога» // *Гоголь*. Т. 1—2. С. 172).

³ *Фоше* (Fauchet) *Леонард Жозеф* (1803—1854) — французский политик и экономист, в 1830-е гг. редактировал ряд влиятельных изданий. Занимался проблемами межгосударственной торговли. В 1843 г. посетил Англию с целью изучения ее общественно-экономической системы, следствием чего явились два тома «Этюд об Англии» («*Etudes sur l'Angleterre*», 1845). Во время президентства Луи Наполеона занимал ряд министерских постов. После переворота ушел в отставку (1851). Далее см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24)

⁴ *Морель Жан-Батист* (ум. 1866) — купец, ресторатор и хозяин гостиницы «Франция» в Москве, на Петровке, где в 1850-е гг. останавливался Тургенев; упомянут в письме к Н. А. Основному от 16 марта 1859 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4. С. 24).

⁵ Психологический портрет своего друга Феокистова набросал в неопубликованном фрагменте воспоминаний (см. ч. 1. С. 147). Позже (в 1861 г.) Тургенев дал резко отрицательную оценку Лохвицкому, к которой побудило его письмо Герцена. Возмущенный характером и тоном объяснения Лохвицкого и редактора «Московских ведомостей» В. Ф. Корша, 7 марта (23 февраля) 1861 г., Герцен писал Тургеневу: «Радостное явление в русской литературе — полемика Корша с Лохвицким. Они, особенно последний, ездят себя чернилами посылкам. „Вы, — говорит Лох-вицкий, — вы думаете, что вы редактор, вы — чиновник, ваше дело смотреть, чтоб бумаги казенной не выходило больше, чем надобно”» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1963. Т. 27, кн. 1. С. 139). Конфликт вызвала язвительная заметка в «Московских ведомостях» от 28 января 1861 г. (№ 23, рубрика «Вести и слухи») о несудачной попытке Лохвицкого занять кафедру энциклопедии и государственного права в С.-Петербургском университете. Ответ последовал со страниц «С.-Петербургских ведомостей» 11 февраля 1861 г. (№ 34). Лохвицкий обвинил В. Корша в попытке превратить газету, издаваемую на казенные деньги, в орган интересов своего кружка (см.: Там же. Т. 27, кн. 2. М., 1963. С. 639). На вопрос Герцена «Что скажете?» Тургенев отозвался о Лохвицком как об одном из самых грязных великороссийских циников», добавив при этом: «Я, впрочем, этой полемики не читал» (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4.

С. 298; дата письма: 25 февраля (9 марта) 1861). См. далее письмо Феокистова от 18 февраля 1853 г. (№ 24).

⁶ О Леонтьеве Константин Николаевич см. 8-е примечание к письму Феокистова от 24 декабря 1851 г. (№ 11, ч. I), также упоминания в ч. I по указателю. Интерес к Леонтьеву, как видно, возбудился в связи с его визитом в Спаскос-Лутовиново (в начале января 1853 г.). Реплика Феокистова о Леонтьеве скорее всего была вызвана недошедшим до нас тургеневским письмом (см. 1-е примечание к данному письму) с резкой оценкой его спасского гостя, подобно той, какую он дал в письме к Анненкову от 10 января 1853 г.: «У меня гостил несколько дней Леонтьев, автор той комедии, которую я — помните ли Вы — давал Вам читать в Петербурге <<Женитьба по любви>. — *Ред.*>. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Красвскому <<Нсмцы>, позже под. названием «Благодарность». — *Ред.*>; другую он готовит для „Современника” <<Лето на хуторе>. — *Ред.*>. Талант у него есть, но сам он весьма дрянной мальчишка, самолюбивый и искосерканный. В сладострастном упоении самим собою, в благоговении перед своим „даром”, как он сам выражается, он далеко перещеголял полупокойного Федора Михайловича, от которого у Вас так округлялись глаза. Притом он болен и раздражительно-плаксив, как девчонка» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 182). Скпец Тургенева, сменивший преувеличенно-восторженное отношение к Леонтьеву и его ранним литературным опытам, в которых чувалось нечто новое, способное дать свежие победы, очевидно обострялся в эту пору средой, влиянием авторитетов, каким был в его глазах Анненков (ср.: «...Тургенев провозгласил <Леонтьева. — *Ред.*> рассказчиком вне сравнения и ставил далеко выше себя, принимаясь, по обыкновению, без меры для того, чтобы увеличить рост соперника» (*Анненков П. В. Молодость Тургенева. 1840—1856 // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников*. М., 1983. Т. 1. С. 94). Стремление уравновесить или обострить отношение к Леонтьеву ощущался и в письмах Анненкова. Вынужденный по просьбе Тургенева хлопотать об издании «Нсмцев», он писал в феврале 1853 г.: «Комиссии ваши у Дудышкина и Красвского еще не исполнил, потому что две недели не выхожу из дому: дай Бог, чтоб Леонтьев, так умный по вашим словам на бумаге, поумнел и в жизни» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 16). Далее см. письмо от 18 февраля 1853 г. (№ 24) и примечание к нему.

⁷ *Grot (Grote) Джордж (1794—1871)* — английский историк Древней Греции и политический деятель. Известны несколько эпизодов из жизни Тургенева, связанных с его интересом к трудам Грота и о Гроте. Так, 17 мая 1856 г. он писал из Спасского В. П. Боткину: «...я здесь ничего не делаю — à la lettre <буквально — франц.> ничего. Видно такая судьба моя, чтобы ничего не дать в „Русский вестник”. <...> читаю историю Греции Грота...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 95, примечания Е. И. Кийко). 25 мая он также сообщил С. Т. Аксакову, что Грот поглощает все его время: «Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием „Историю Греции” Грота — и люблюсь своими мильми и счастливыми афинянами» (Там же. С. 98). Двенадцать томов «History of Greece» Грота выходили в течение 1845—1855 гг. Феокистов, скорее всего, сообщил Тургеневу о покупке очередных томов этого издания. Позже, в 1873 г., в Буживале интерес Тургенева к Гроту выразился в чтении его жизнеописания, написанного супругой историка — Гарриеттой Грот («The personal life of George Grote». London, 1873). Из письма от 17 (29) августа 1873 г. к Юлиану Шмидту: «Я положительно вошел во вкус ничего неделания или, вернее, неработания и занят лишь тем, что читаю Вергилия, Овидия (не знаю сам, почему я пристрастился к римлянам), затем „Лаокоон” Лессинга, биографию Джорджа Грота, написанную его женой несколько смешно, но всё же трогательно, и другие пустяки» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 12. С. 206), примечания Г. Ф. Перминова). Далее — письмо Феокистова от 18 марта 1853 г. (№ 25).

24

18 февраля (2 марта) 1853. Симферополь

18 февраля, 1853. Симферополь.

Милый мой Иван Сергеевич, — я хочу Вам заплатить аккуратностью — вчера только получил Ваше письмо,¹ а сегодня уже спешу отвечать. И это

письмо пойдет страховым — для верности. — С чего начать, друг мой? Начнем хоть с Вас: я очень рад, что Вы нашли дельным мое замечание об «З<аписках> О<хотника>», но Вы несколько не поняли меня, когда я Вам указывал пример Гоголя. Я вообще нахожу в произведениях Ваших ужасно много поспешности, нерадивости — и на гоголевские лица указал Вам, как на пример того, что может сделать, разумеется, громадный талант в соединении чуть не со столь же громадным терпением. Я вообще полагаю, что только весьма юным юношам свойственно представлять себе гений, как талант, которому дается всё даром: схватил кисть мазнул направо и налево, — глядь уже и Чичиков и Ноздрев. Нет, это не может быть так. Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения. А этого-то, позвольте мне заметить Вам откровенно, и нет в Вас, — но ведь это собственно Ваша вина, а не вина природы, которая, смело скажу, несмотря на все Ваши сомнения, наградила Вас страшным талантом и главное — талантом оригинальным. Как скоро у Вас рождается мысль о характере, Вы уж и спешите ее на бумагу и оттого всегда бывает очень умная мысль, но редко цельный характер. — Нет, я ожидаю многого и многого от Вас в будущем и убежден, что «П<остоял>ый двор» отличная вещь, а роман еще лучше. Это правда, Вам еще не суждено сказать Вашего *dernier mot*,* — да и вообще я думаю, что талант Ваш еще не совсем определен и что он находится еще в брожении. По крайней мере «З<аписки> О<хотника>» показали это. В последнее время я много думал об этом, и мне кажется, что как человек прежде всего весьма умный, Вы ограничиваете** Вашу деятельность. Вы должны превосходно писать статьи серьезного содержания, преимущественно об искусстве, по крайней мере все статьи Ваши в этом роде я очень ценю. Не знаю, какого Вы будете сами об этом мнения, но я в этом убежден — и ждал с большим интересом предполагаемой Вами статейки: «Дон Кихот и Гамлет» — но, кажется, нам ее не дождался.² — Но вообще из всего предыдущего Вы можете видеть, с каким жадным интересом смотрю я теперь на Вашу деятельность. — В письме своем Вы говорите, что я получу «П<остоял>ый двор» «может быть прежде, нежели думаю».³ Эти слова что-то обещают, молчу и — жду.

Я Вам весьма благодарен, что Вы имеете хорошее мнение об моей «незаносчивости», но уверяю Вас, что это качество весьма незначительное. Может быть, и заноситься-то нечем. Что Вы говорите о себе, когда Вам было 25 лет, весьма понятно: натура-то всё-таки была у Вас богатая, не может быть, чтобы Вы, хотя бы бессознательно не чувствовали этого, а молодости*** простительно кичиться своими силами, если только действительно залог этих сил в ней обретается, — но иначе, это бы было дурно. —

«Фрола Скобеева» я уже прочел давно несколько раз срядя — удивительная вещь. Читая ее прежде, я был убежден, что она Вам очень понравится.⁴ — А вот комедия Писемского в 1 № «Совр<еменника>» мне**** далеко не нравится.⁵ Задумана она, мне кажется, лучше «Ипохондрика», но в

* последнее слово (*франц.*).

** *Вместо:* ограничивасте — *было:* несколько ограничивасте

*** *Далее начато:* свой<ственно>

**** *Далее начато:* очень не н<равится>

целой пиесе нет ни одного места, которое вдруг поразило бы каким-нибудь* достоинством читателя. Комизму вообще весьма мало, а действие идет очень вяло. Но всё-таки гораздо лучше «Ипохондрика», которого я ненавижу.⁶ В 1<-м> же № «Совр<еменника>» сможете прочесть статью о Крыме Перевошикова, наполненную бессовестною ложью.⁷ — В «От<ечественных> зап<исках>», в критике, место о фельетонной литературе принадлежит Кудрявцеву.⁸ —

Я очень рад тому,** что рассказал Вам анекдот из 2-ой части «Мертвых душ» еще неизвестный Вам.⁹ Один мой знакомый и даже более, друг, Лохвицкий, человек необыкновенного ума, но существо самое дикое, — присутствовал*** у Назимова при чтении Шевыревым 2-ой части «М<ертвых> д<уш>» и в письме ко мне рассказал ее содержание.¹⁰ Так как Вы не знали анекдота о Петухе, то, может быть, Вам и тут будет что-нибудь новое и потому посылаю Вам при этом тот лист из письма, где говорится о «М<ертвых> д<ушах>».¹¹ Но предупреждаю Вас, разобрать эти иероглифы несколько трудно. —

То, что Вы говорите о Щербине, заставило меня вспрыгнуть — буквально. Вот, чтоб пояснить мое мнение примером, я уверен, что Вы написали бы отличную, дельную и, главное, весьма полезную для публики, вещь об этой страсти, развившейся в наших доморощенных поэтах к античному миру, которого они не понимают, да и не имеют достаточно таланту понять.¹²

То, что Вы говорите об Леонтьеве, меня весьма радует — пусть он пишет, если действительно у него такой талант. Но об достоинствах его, как человека, дело решенное.¹³

Я теперь много читаю, английский язык усваиваю очень хорошо, но жаль только, что чувствую большой недостаток в книгах. Хотя я запасаюсь сюда и порядочным их количеством, но читал с такою неумеренностью, что предвижу время, когда сяду на мель, и это меня достаточно ужасает. — Финансы мои находятся в весьма дурных обстоятельствах в настоящую минуту, и это заставляет меня составить ряд статей для «Моск<овских> вед<омостей>» о мануфактурных городах в Англии, по Леону Фоше, чем я занимаюсь в настоящую минуту.¹⁴

Не могу не передать Вам при этом одной московской новости: может быть, Вы слышали об истории Каролинки Павловой с ее мужем; дело в том, что в бумагах ее, во время этого происшествия, нашли переписку с одним господином, которому она предлагала оставить Ник<олая> Фил<иповича> и бежать с ним, — в «Гренаду»!¹⁵

Вы, право, не можете пожаловаться на мою лень в переписке, милый Тургенев. Позвольте надеяться, что несколько новостей, сообщенных мною здесь Вам, заставят Вас извинить мне очень кислое и глупое письмо, посланное мною Вам незадолго пред этим. Да, да здравствует деревня для переписки и для труда! — но только на краткое время. Иначе страсть к труду переменится в апатию и переписка... да, переписка хороша, но еще лучше приятелям встретиться в дружеской беседе и за бутылкой Рёдерера! —

* Было: чем-нибудь

** Вместо: тому — было: тогда

*** Далее начато: зим<ой>

Скажите, часто ли Вы пьете эту божественную влагу и с кем ее пьете?... Графиня теперь не пишет Вам, ибо всё это время или занята или нездорова. Но со следующей почтой она это обещается сделать. Мне же позвольте крепко обнять Вас и ждать от Вас скорого письма. —

Ваш Е. Феок<тистов>.

Сначала письмо Лохвиц<кого> я должен был несколько зачеркнуть, но после всё разберете. —

Адрес Ваш ко мне очень верен и прошу продолжать писать по нем. —

¹ Письмо Тургенева, отосланное им из Спасского приблизительно 13 февраля 1853 г., — неизвестно. Ответное письмо Феоктистова открывает возможность восстановить основные темы тургеневского письма.

² О своем желании написать статью «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев поведал Феоктистову по возвращении из Франции, в начале 1850-х гг. (см. ч. I, письмо от 17 сентября 1851 г. (№ 10), 7-е примечание). Замысел же ее возник, как утверждает Ю. Д. Левин, в конце 1840-х гг.: соответственно его комментарию, еще в декабре 1847 г. писатель делился с Полиной Виардо размышлениями о Гамлете (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 5. С. 507). По словам комментатора: «Решающим моментом в возникновении замысла статьи были, по-видимому, размышления Тургенева над революционными событиями 1848 года, за которыми он внимательно следил в Париже» (Там же). Завершена статья была в конце 1859 г. и напечатана в первом номере «Современника» за 1860 г. (Там же. С. 508—509). В этом же году, 10 января, Тургенев с большим успехом прочитал ее на петербургских публичных чтениях Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), 25 января в Москве — на чтениях, также организованных Литературным фондом (Там же. С. 509—510).

³ См. 8-е примечание к письму от 8 января (№ 22) и 1-е примечание к письму от 4 февраля (№ 23) 1853 г.

⁴ Речь идет о повести XVII в. «История о российском дворянине Фроле Скобееве и столичной дочери Нардина-Нашокина Аннушке», впервые опубликованной в «Москвитянине» (1853. Т. 1, № 1, отд. IV). 22 января 1853 г. Тургенев писал С. Т. Аксакову: «Я уверен, что Вы обратили внимание на повесть о Фроле Скобееве в первом № „Москвитянина“. Это чрезвычайно замечательная вещь. Все лица превосходны, и наивность слога трогательна» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 190). 29 января 1853 г. он снова вернулся к «Фролу...» в письме к Анненкову: «Не могу также не поделиться с Вами восторгом, возбужденным во мне „Повестью о Фроле Скобееве“ <...>. Вот простота, вот наивность, вот русский дух и жизнь в каждом слове! Эта нелитературная вещь может привести в отчаяние любого литератора! Так, я воображаю, какая-нибудь жительница Мещанской должна глядеть на четырнадцатилетнюю девочку, беспечно купающуюся перед ней в речке» (Там же. С. 195).

⁵ «Раздел» — комедия А. Ф. Писемского в трех действиях (Современник. 1853. № 1, январь. Разд. 1 (Словесность). С. 79—155). Тургенев не смог дочитать её до конца, охарактеризовав как очень дюжинную и топором сляпанную вещь (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 202, письмо адресовано И. И. Панаеву и Н. А. Некрасову, дата: 6 февраля 1853 г.).

⁶ «Ипохондрик» вышел в свет за год до «Раздела» в первом номере «Москвитянина». См. об этой комедии Писемского в письмах Феоктистова от 21 февраля 1851 (№ 1, 9-е примечание) и от 14 января 1852 г. (№ 12, 7-е примечание), ч. I.

⁷ *Первошиков Дмитрий Матвеевич* (1788—1880) — математик, астроном и физик, с 1826 г. профессор, с 1848—1851 г. — ректор Московского университета, переводчик, автор популярных статей и рецензий (см. его рубрику в «Современнике» «Замечательные новости в науках», 1853. Отд. Смесь; в «Отечественных записках» переводы и статьи в отделе «Науки и искусства»; и др.). Первошиков выехал в Крым почти одновременно с Феоктистовым — 18 сентября 1852 г., и пробыл там до 16 ноября. Ср. его очерк (*Первошиков Д. <М.>*) Посадка из Петербурга в Крым и обратно // Современник. 1853. № 1. Отд. VI (в огл.: V). С. 1—38) с ранее появившимися в «Московских ведомостях» крымским очерком Феоктистова (*Е. Ф. Письма из Крыма к редактору*. (1). 1852. 4 ноября. № 133. Литературный отдел, под текстом: «Кучук-Ламбат. Октября 10-го»). Резкость тона Феоктистова объясняется, как видно, репутацией Перво-

щикова — антагониста Грановского, «человека грубого, не умеющего разбирать средства для достижения целей» (*Соловьев С. М. Записки // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755—1917. М., 1989. С. 346*).

⁸ Имется в виду анонимная статья в январском номере «Отечественных записок» 1853 г.: «Русская литература в 1852-м году. Статья первая» (Т. 86. Отд. IV. Критика. С. 1—56), по сложившейся практике, сформированная из отдельных разделов, написанных разными авторами. Указание Фоктистова позволяет атрибутировать раздел «Фельетонная критика» П. Н. Кудрявцеву, с. 23—56. Продолжение — в 10-м примечании к письму от 18 марта 1853 г. (№ 25).

⁹ «Анекдот» о Пестухе из третьей главы второго тома «Мертвых душ» пересказан Фоктистовым (со слов Лохвицкого) в письме от 8 января 1853 г. (№ 22).

¹⁰ О чтении глав из второго тома «Мертвых душ» в доме Назимова (со слов Лохвицкого) зимой (предположительно — ноябрь) 1852 г. см. письмо № 22 (10-е, 11-е, 12-е примечания). Побуждаемый известиями о московских чтениях поэмы, Тургенев 29 января 1853 г. обратился к Анненкову, вернувшемуся из Симбирска: «Кстати, в проезде Вашем через Москву, Вы не слышали отрывков из 2-й части „Мертвых душ“? До меня только доходит слухи о ней. Если Вам это удалось, поделитесь со мной Вашими впечатлениями» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 195). В середине (конце) февраля Анненков сообщил о своем участии в чтении двух глав из посмертного романа Гоголя, что, по предположению комментаторов этого письма (Н. Н. Мостовской и Н. Г. Жскулина), могло произойти уже в Петербурге. Так, 9 февраля в доме А. Н. Карамзина после обеденного застолья гости слушали неизданные главы из второй части поэмы. «Чтение продолжалось ровно пять часов, от семи до двенадцати, — записал в этот день А. В. Никитенко в дневнике. — Эти пять часов были истинным наслаждением. Читал, и очень хорошо, князь <Д. А.> Оболенский» (*Никитенко*, 1. С. 360). Подобная же встреча состоялась 20 февраля, но на этот раз в доме Никитенко, где Оболенский, принимавший участие в посмертном издании сочинений Гоголя, читал «Исповедь» (Там же. С. 361—362). Свои впечатления Анненков осмыслил в контексте, по его убеждению, важнейшей социально-эстетической проблемы — объективной зависимости творческой деятельности художника и жизни («роковой связи между талантом и жизнью»). Духовное пространство первых глав второго тома поэмы и сосредоточенная мысль художника проявили, по его словам, поразительные «бедность содержания» и «взгляда» нового поколения писателей — Писемского, Гончарова, Островского («...а все оттого, что пошловаты жизненно»). — «Все они, да и вы тоже оказались мне недавно неуловимыми математическими точками при слушании двух глав одного посмертного русского романа, — а какого — сами догадайтесь. Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики. Довольно сказать, что первая часть „Мертвых душ“ кажется перед ними незрелым произведением — впечатление, разделенное всеми слушателями со мной! Вот что сделала сосредоточенная мысль художника. Как Природа, так и характеры уже не описываются, а представляются весьма скучными чертами, но жизненными в такой степени, что глаза прожигают: от этого манера изложения столь широкая, что с первой строки вы посреди картины и только стоит оборачиваться во все стороны. Есть характер, которым занимались все наши писатели...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 16—17). «Ваши слова по поводу „посмертного“ романа возбудили во мне невыразимое желание услышать, наконец, эту гениальную вещь <...> — отвечал Тургенев. — Никто больше меня не признает той роковой связи между жизнью и литературной деятельностью, о которой Вы говорите — но эту связь не сами мы делаем — вот в чем штука <...> переменить себя нельзя. Хорошо тому сосредоточиться, который у себя в центре опять находит натуру — и всю натуру — потому что сам — натура <...>. В каждом столетии остается много-много два-три человека, слова которых получают крепость и прочность жизни народной; эти ведут оптовую торговлю; мы с Вами сидим в мелочных лавочках и удовлетворяем ежедневным и преходящим потребностям» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 207, дата: 24 февраля). Лишь весной 1853 г. Тургеневу (произошло это, скорее всего, на последней неделе марта, между 20 и 30 числами, когда тайно, с чужим паспортом, он присхал в Москву на свидание с Полиной Виардо) довелось услышать, в чтении М. П. Погодина (?), фрагменты из двух первых глав продолжения «Мертвых душ» (см.: *Назарова Л.* Три письма И. С. Тургенева // *Вопросы литературы*. 1957, № 2. С. 180, то же в 6-м примечании к письму от 2 апреля 1853 г. // *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 518). 2 апреля Тургенев заговорил с Анненковым о трагических противоречиях поэмы: «...вещь удивительная, громадная — но что такое фантастический наставник Тентетникова — Александр Петрович, что за лицо — и какое его значение? Не нравится мне также Улинька: ложью — (виноват!) ложью несет от нес — тою особенно неприятной ложью, которая с какой-то небрежной естественностью становится перед Вами

в виде самой настоящей истины — я имел случай изучить ее в лице А. О. Смирновой, с которой Улинька, вероятно, списана. Не могу я также переварить Селифана, видающего во сне, что он кружится в хороводе с прекрасными крестьянками — и не перевариваю я его не вследствие направления — а так — не верится мне что-то. Но всё-таки Вы правы — это колокол Ивана Великого — а мы даже не колокольчики, как Вы выразились — а свертки запечные...» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 218). В ответном письме (от 12 апреля) Анненков в сущности ушел от предложенной ему темы и свел письмо к частностям: «Но почему Селифан не может видеть во сне хоровода с девками — не знаю. Разве вот почему. Мы с малых ногтей всякого лирического оттенка в романе боимся суеверно. <...> Говоря без шуток, я считаю вашу заметку просто делом пугливости перед родом сказочного лиризма...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 20—21). В следующем письме (от 21 апреля) Тургенев снова вернул Анненкова к глубинным противоречиям поэмы: «Я не боюсь сказочного элемента в романе — и мне потому только не верится в селифановский сон, что мне кажется, что Гоголю он бы в голову не пришел, если бы он не хотел смягчить и загладить своих жесткостей в 1-ой ч<асти> „Мертвых душ“ — загладить их в смысле „Переписки“. И не в одном этом сне замечается это желание подпустить „примирительного“ элементу. Я знаю, что в природе и в жизни всё так или иначе примиряется — если жизнь не может, смерть примирит; да ведь коли художнику такого рода гармония, гармония, которую бы он сам, сознательно, вложил в свое произведение, не даётся — зачем ему насиловать себя?» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 220). Далее — письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29) и 6-е примечание к нему.

¹¹ Ниже: *...письмо Лохвиц<кого>...* — В описаниях фонда Тургенева в РО ИРЛИ лист из упомянутого письма Лохвицкого не обнаружен.

¹² Отклик Тургенева на стихи Н. Ф. Щербины (1821—1869), опубликованные в первом номере «Москвитянина» за 1853 г. (т. 1, № 1. Отд. I. С. 1—16), в том числе на античные темы («Саффо», «К Венере Таврической» и др.). Ранее, 22 января 1853 г., в связи с этой же публикацией он написал С. Т. Аксакову: «Но стихотворения Щербины мне еще менее по вкусу, чем стихи г-жи Павловой или Распопчиной — это какой-то любоврастный писк, который нам хотя и выдать за античность! И хоть бы стихи были хороши! Нет — этого рода поэзия не годится никуда» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 190; см. 4-е примечание к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (ч. I. С. 152)). За год до приведенных выше отзывов Тургенев столь же резко отзывался о «лирической сцене» Щербины — «Ифигения в Тавриде», с послесловием и примечаниями автора (Москвитянин. 1852. Т. 1. Кн. 1. Отд. 1). «Боже мой! Боже мой! Посмотри, какую исполненную претензий мерзость тиснул Щербина в „Москвитянин“, — писал он Некрасову 28 октября 1852 г. — И это он смел сделать после гётевской „Ифигении“!.. И поместил еще важные примечания <...>. Что за поганые верши! Неужели Новый поэт оставит это без внимания? Положим — это гадость, но как ее размазали! Обидно! И наконец надобно покончить с этим господничком, который довольно подфунил в нашей литературе. Новый поэт! обращаюсь к тебе — рекомендую тебе его» (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 157). Острога реакции Панасова (Нового поэта) на «лирическую сцену» Щербины в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики. Сентябрь и октябрь 1852», возможно, была обусловлена влиянием Тургенева: «...в лирическом стихотворении г. Щербины виден большой труд, а поэзии в нем мало» (Современник. 1852. № 11, ноябрь. Отд. VI. С. 129). В итоговом годичном обозрении «Канун нового, 1853 года. Кошмар, в стихах и прозе, Нового поэта» Панасов снова взял под обстрел «малопонятный» термин поэта «объективный лиризм», опытом которого, по свидетельству самого поэта, явилась «Ифигения...» (Там же. 1853. № 1, январь. Отд. VI. (Смесь). С. 106—107).

¹³ Продолжение разговора о К. Н. Леонтьеве, начатого в письме от 4 февраля (№ 23) 1853 г. Положительный отзыв о Леонтьеве и его творческих интересах в полученном накануне тургеневском письме (*То, что Вы говорите об Леонтьеве...*) — неизвестен. Далее — письмо от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

¹⁴ См. справку о Фосе в 3-м примечании к письму от 4 февраля 1853 г. (№ 23).

¹⁵ *Павлова Каролина Карловна* (урожд. *Яниш*; 1807—1893) — поэтесса, прозаик и переводчица; ее муж — Павлов Николай Филиппович (1803 (по др. источникам: 1805 — 1864) — прозаик, поэт, критик, публицист и журналист, редактор-издатель газеты «Наше время» (1860—1863), основатель «Русских ведомостей» (его словесный портрет см.: *Феокистов*. С. 46). К началу 1850-х гг. отношения супругов распались. В 1853 г. Каролина Карловна через своего отца обратилась к генерал-губернатору Закревскому, обвиняя мужа в расстройстве имений. Павлов был арестован. Во время обыска (10 января 1853) у него были найдены запрещен-

ные книги и бумаги «вольного содержания», в частности копия зальцбруннского письма Белинского к Гоголю, подлинник гоголевского ответа и проч. Делу был сообщен политический характер. После отсидки в долговой тюрьме Павлов был выслан в Пермь, но и после ссылки оставался под строжайшим полицейским надзором, а позже — секретным наблюдением. Московское общество, в том числе Грановский (см.: Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 468—469), отвернулось от Каролины Карловны, что, вероятно, обусловило иронию Фоктистова. См.: *Зайцева И. А.* Павлов Николай Филиппович // *Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь.* М., 1999. Т. 4. С. 489—493; *Роднянская И. Б.* Павлова Каролина Павловна // Там же. С. 493—499).

25

18 (30) марта. 1853. Симферополь

1853. марта 18. Симферополь.

Вот уже третье письмо к Вам, милый Тургенев, а от Вас не имею еще ни строки.¹ Правда, с одной стороны, это самая леность говорит много в Вашу пользу, — значит, Вы не скучаете и много заняты, — но я не думаю, чтобы хорошие приятели переписывались единственно от скуки — хоть это и одна из главных причин. По крайней мере для меня — большое удовольствие поговорить с Вами об том, что занимает, ибо тут, кроме графини, не имею человека, с которым можно бы было поболтать, как говорит Островский, — «по душе». Не ленитесь же, пожалуйста, и отвечайте — вспомните одно — скоро лето, и тогда Вас даже Ваша собственная Дианка, вероятно, не отыщет...

Мое последнее письмо к Вам было довольно неполно. Я Вам и забыл совсем сказать о Вашей маленькой статейке в «Современнике»² об Аксаковской книге² — она мала, но прекрасна. Она-то и подожгла меня передать* Вам мои догадки об том, что из Вас вышел бы блестящий критик или что-нибудь подобное. Когда вспоминаю статьи о Паткуле, об Островского Комедии (и это самая лучшая), о «Племяннице»,³ и вот последняя даже, как бы она не была мала — я всё более и более убеждаюсь в моем мнении. У Вас** большой талант в той дороге, по которой Вы пошли, теперь, когда нет у нас главы, вроде Гоголя или Пушкина — первое место остается за Вами — это мое искреннее убеждение, — но для создания истинно-художественного произведения Вам будет постоянно мешать то, что Вы очень умный человек. А как хорошо Вы понимаете искусство — то, — что бы Вам приложить это понимание к более строгой оценке собственных произведений. Впрочем, Вы еще далеко и далеко не сказали Вашего последнего слова, и от Ваших последних произведений (à propos, — я еще их не получил)⁴ — я ожидаю очень многого.

У меня есть к Вам просьба. — Когда будете писать, уведомьте, на чем остановилось издание Пушкина и скоро ли оно выйдет в свет.⁵ — Потом, сделайте мне величайшее одолжение, не поленитесь и перепишите мне в Вашем письме неизданные стихи Пушкина, которые Вы, в последнюю

* Вместо: передать — было: дать

** Вместо: У Вас — было: Вы

бытность Вашу в Москве, читали наизусть у Кудрявцева,⁶ — одно стихотворение, кажется, под заглавием «Муза», а другое — отрывок из «Медного Всадника, или обращение к Петрову Памятнику» — пожалуйста, исполните это, Вы мне доставите величайшее одолжение. —

Вы меня извините за то, что письмо мое будет бессвязно и что я прыгаю от одного предмета к другому. Права нет заботиться об «приличной» литературной форме. — Скажу Вам, напр<имер>, что Островского Комедия имела огромный успех в Москве и Петербурге, что Вы, вероятно, знаете и без меня,⁷ — но я получил письма от Кудрявцева, Лохвицкого, Галахова и др., и все не очень-то довольны ею в художественном отношении, хотя и не говорят почему,⁸ — подождем и увидим сами, что это такое. — Кстати об литературе — как Вы полагаете, Иван Сергеевич, неужели всем смотрящим на литературу как на серьезное и важное дело, — неужели, говорю я, всем порядочным людям не противно смотреть на паясничества Ив. Ив. Панаева в «Совр<еменнике>»,⁹ и на бесстыдство г<на> Дружинина. Если у Вас есть «Библ<иотека> для чт<ения>» (№ 2), я Вам советую посмотреть, что Дружинин говорит об нашей критике от 43—49 года, а Панаев его при этом называет своим* другом в<о> 2<-м> же № «Современника». ¹⁰ Омерзительно — даже из-за уважения к собственной своей особе, — а, говорят, что наш почтенный друг, В. П. Б<откин> в восторге от всего этого. —

Посылаю Вам Грота — бывшие у меня два тома, и не понимаю, как Вы, — владея английским языком — хотите читать его в этом убийственном немецком переводе.¹¹ Нет! Конечно, теперь — всё английское я буду читать в подлиннике — я уже теперь читаю очень свободно и иногда прихожу в восторг при одной мысли о том, что я буду скоро в состоянии наслаждаться в подлинниках Байроном — а потом и Шекспиром, который, мимоходом, будет считаться за Вами.¹² При личном свидании я напому об этом без застенчивости. —

Моя жизнь тут очень однообразна — это занятия некоторые по службе, — и потом чтение, чтение и чтение. — Обдумываю, чем бы мне заняться серьезно, то есть хочу выбрать какую-нибудь одну эпоху и вжиться в нее с руками и ногами — и уже выбрал один пункт, на изучение которого обращу все свои способности, силы и — сколько у меня его есть — терпение. — Результаты, вероятно, будут всё-таки гораздо богаче, нежели когда бы я начал себя тратить по мелочам, — надо же в самом деле, хоть для собственного успокоения, узнать, лежит ли во мне хоть что-нибудь, чем бы я мог быть полезен для других. Притязания и надежды мои, впрочем, весьма ограничены. Если я и ожидаю от себя что-нибудь, то только от самого усидчивого и кропотливого труда — вот на это-то не знаю хватит ли сил! —

Если бы Вы знали, милый Иван Сергеевич, сколько тут типов той «*барышни*», которую Вы когда-то намеревались описать на закате Вашей литературной известности и жизни — как последнее слово наблюдений Ваших над отечественным** женским полом. — Но у всех этих барышень,

* Далее начато: лучш<им>

** Было: над нашим отечественным

какие груди, какие плечи и какие *долженствуют* быть ляжки. Но все эти блага охраняются ими с яростью Цербера — придет какой-нибудь Тарутинский прапорщик и всё это выставится ему напоказ без искры любви, но с хладнокровным убеждением в правах этого прапорщика на их п<...>у. Право, ужасно — утешать можно себя разве только тем, что кроме этих телесных округлостей — в них нельзя искать решительно ничего. —

Прощайте, мой *милый* друг — я жду от Вас скорого письма. Люблю Вас и привязан к Вам искренно — и желаю Вам выжать всю возможную приятность из уединенной деревенской жизни. Не забывайте меня и пишите скорее.

Ф<еоктистов>.

А что же «Постоялый двор»?..¹³ Я уж молчу..

¹ Несколько позже, 5 апреля 1853 г., Феокистов снова сствовал: «... от Вас не получал ответа на многие из моих писем, особенно на предыдущее...» (см. письмо № 26).

² Речь идет о вышедшей в первом номере «Современника» статье-рецензии Тургенева: «„Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А<ксако>ва“». Москва, 1852 (Письмо к одному из издателей «Современника»)» (с. 33—44, подпись: «И. Т.», в огл.: «И. С. Т.», под подписью: «Село Спасское. Октябрь—ноябрь 1852»). О рецензии см. примечания Л. Н. Назаровой (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 671—672).

³ Феокистов «вспоминает» критические статьи Тургенева: «Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника» (*Современник*. 1847, № 1. Отд. III. С. 59-81, подпись: «Т.»), «Несколько слов о новой комедии г. Островского „Бедная невеста“» (Там же. 1852, № 3. Отд. I. С. 1—9, подпись: «И. Т.»), «„Плсмяница“». Роман, соч. Егнии Тур. 4 части, Москва, 1851» (Там же. 1852, № 1. Отд. III. С. 1—14, подпись: «И. Т.»). На эти статьи Феокистов откликнулся в письмах: от 14 января (№ 12), 18 февраля (№ 14), 7—8 марта (№ 17) 1852 г. (ч. I).

⁴ В предшествующих письмах Феокистов просил прислать ему копии рукописей «Постоялого двора» и фрагмента из романа «Два поколения». Далсе — 13-е примечание к данному письму.

⁵ 15 марта 1853 г. Тургенев, имея в виду «Сочинения Пушкина» и в особенности «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (первый том), над которыми в эту пору работал Анненков, спрашивал его: «Что Вы ничего не говорите о своем издании?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 216). 21 апреля он снова обратился к Анненкову с вопросом: «Что Вы мне ни слова не скажете об издании Пушкина? Бойтесь слгзнуть?» (Там же. С. 222). Ответ Анненкова последовал в письме от 1(13) мая 1853 г.: «Пушкин подвигается. Биография переписывается и теми, которые слышали ее, похваляется <...>. А вышло биографии на могущественный том листов в 30. Это, разумеется, сожмется, в дальнейшем ходу. Задавлен я теперь проверкой текстов. Эта работа, над которой, с непривычки, я сй Богу, погибал, и теперь еще едва на поверхности, но надсюю, нынешним летом, все порешится» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I. С. 23). О завершении работы над подготовкой издания «Сочинений Пушкина» Анненков сообщил Тургеневу лишь 20 июля (1 августа) 1853 г. «Пушкин весь кончен, с биографией с хронологическим порядком, с примечаниями. В рукописи имсет, кажется, европейский вид, но наступает решительный шаг» (Там же. С. 28). 31 июля 1853 г. Тургенев приветствовал это событие: «Пушкин кончен — вот это большая и радостная весть. Поздравляю Вас с окончанием такого славного и трудного дела. Ваше издание останется в русской лтературе — и Ваше имя. Дай бог Вам благополучно окончить печатание...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 246). Подготовленное Анненковым издание Пушкина, после цензурных мытарств (см. его письмо от 18 (20) сентября 1853 г. и 2-е примечание // *Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I. С. 31, 316), вышло в 6 томах в начале 1855 г. Седьмой, дополнительный, том появился в 1857 г. О процессе работы Анненкова над биографией и собранием сочинений Пушкина см.: *Модзалевский Б. Л.* Работы П. В. Анненкова о Пушкине // *Модзалевский Б. Л.* Пушкин и его современники. Избр. тр. (1898—1928). СПб., 1999. С. 436—506.

⁶ Чтение пушкинских стихов у Кудрявцева предположительно могло состояться между 19 и 29 мая 1852 г. в Москве, куда Тургенев заскакал по дороге из Петербурга в Спасскос. Хронику этой поездки см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 206—207.

⁷ См. письмо Фоксистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21) и 8-е примечание к нему. 14 января 1853 г. в Малом театре (Москва) в бенефис Л. П. Никулиной-Косицкой, подготовленный самим Островским спектакль «Не в свои сани не садись» был впервые показан зрителям. Боткин сообщал Тургеневу: «Театр — вот уже 9-ое представление — каждый раз полон, шумит, смеется, плачет, хлопает» (*Боткин и Тургенев*. С. 35—36, дата: 17 февраля 1853 г.). Позже о московской постановке восторженно вспоминал А. Д. Галахов («Мне памятен спектакль, когда давали „Не в свои сани не садись“...», см.: *Галахов А. Д. Записки человека / Вступ. статья, сост., подг. текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 204—205*). В начале февраля драматург выехал в Петербург, где под его руководством труппа Александринского театра приступила к подготовке премьеры (состоялась — 19 февраля 1853 г.). Критика восприняла спектакль как выдающееся событие театральной и литературной жизни. «А между тем на этой же сцене, незадолго до Масляницы, тихо, без шума, впрочем, не без ожидания со стороны предвзвешенных слухами любителей, — писал Авдеев, — появилась пьеса, наделавшая шуму аплодисментами, ею возбужденными, — замечательнейшая пьеса, которая займет важное место в ряду современных произведений литературных вообще и драматических в особенности. Я говорю о трехактной комедии г. Островского „Не в свои сани не садись“» (*Авдеев М. В.* > Письма «Пустого человека» в провинцию о петербургской жизни. Письмо четвертое // *Современник*. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 199). Панаев также констатировал блистательный успех комедии на обеих сценах. По его свидетельству, пьеса «...на всех произвела сильное впечатление и возбудила толки» (*Панаев И. И.* > Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Март, 1853 // *Современник*. 1853. № 4, апрель. Отд. VI. С. 267). Далее — письмо от 5 апреля 1853 г. (№ 26) и к нему 8-е примечание.

⁸ Письма упомянутых адресатов не обнаружены, но суть и природа оценок пьесы Островского, в частности Галахова и Кудрявцева, очевидны. Указанному выше восторженному отзыву Галахова о московском спектакле «Не в свои сани не садись» предшествовала ситуация, о которой 17 февраля 1853 г. Боткин поведал в письме к Тургеневу: «Галахов — милый, добрый и прекраснейший человек, но к сожалению насквозь пропитанный литературностью, призжал ко мне на днях толковать о пьесе <...> он говорит такие смешные замечания на новую комедию, что не хочется даже опровергать их. Никак эти господа не могут отделиться от литературной точки зрения; а новая комедия Островского» далеко переносит за литературную сферу. Главное достоинство в Островском — сильный практический смысл, поэтому одна литературная точка зрения является такою бедною в критическом приложении к нему. <...> Без этого сильного практического смысла, на сцене ожидает автора только равнодушие, и поэтому-то у Островского такой большой драматический талант» (*Боткин и Тургенев*. С. 36). Развернутую оценку Кудрявцева комедии «Не в свои сани не садись», появившуюся в печати вслед его письму в Крым, см. в четвертом номере «Отечественных записок» за 1853 гт. (Отд. V. Библиографическая хроника, рубрика: Журналистика), с. 100—120. Далее — 9-е примечание к последующему письму (№ 26).

⁹ Речь идет об ежемесячных заметках (фельетонах) И. И. Панаева (Нового поэта) в «Современнике» (отд. VI), посвященных современной литературной, театральной и журнальной жизни. В первом номере 1853 г. появился его фельетон (в соавторстве с А. М. Жсмчужниковым) «Канун нового, 1853 года. Кошмар, в стихах и прозе, Нового Поэта» (с. 98—125), в февральском — «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Январь, 1853» (с. 259—282), в третьем, мартовском — «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики. Февраль, 1853» (с. 141—161). Тургенев положительно воспринял январские заметки Панаева и его соавтора, невзирая на пародийно-сатирический характер портретных зарисовок, в частности, Н. Г. Фролова («Космос»), и двусмысленность намсков, в частности на его первый, якобы корыстный брак. 6 февраля 1853 г. он писал Некрасову и Панаеву: «...лучше всего <...> статья Нового Поэта. Умнее и милее ее ты, Панаев», давно ничего не писал — над ней и нахохочешься и надумасьшься вдоволь. (Что скажет Фролов о ней — это другое дело.) <...> Но статья Нового Поэта прочтется с наслаждением во всех концах России» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 202). Однако позже первоначальная оценка Тургенева сменилась более сдержанной. Через месяц он писал Панаеву: «До меня дошли слухи, что многие недовольны твоим „Кошмаром“ в 1-м №-е; — сообразив все обстоятельства, я сам сожалел о том, что ты поместил историю *Космоса* — но все-таки я нахожу твою статью очень забавной»

бавной» (Там же. С. 214). Очевидно, как это было отмечено комментатором письма, на Тургенев повлияла резко отрицательная реакция Анненкова на панасевские заметки: «... вот свежие новости <...> Панаев имеет успех великолепнейшего скандала фельетоном! ¹⁰ №, где говорится о жнитрбах Космоса (гадка вещь, по-моему, и стоило бы, чтоб близкие к нему люди, как Вы, например, не поддакивали ему в этих мелких и крайне неблагоприятных мшциях...)» (Анненков. Письма к И. С. Тургеневу, 1. С. 16; дата: середина (конец) февраля 1853). Очевидно, окружению Е. В. Салиас была известна и оценка Грановского (см. его письмо Е. Ф. Коршу начала 1853 г. (дата скорректирована): Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 468—469), лично задетого панасевскими заметками: Фролов вторым браком был женат на его двоюродной сестре — Анне Евгеньевне Дараган (см. примечания к письмам Феокистова № 5 от 30—31 марта 1851 (7-с) и № 13 от 28 января 1852 г. (2-с), ч. 1).

¹⁰ Имеются в виду строки Панаева о Дружинине (Иногороднем подписчике) из февральских «Заметок и размышлений Нового поэта по поводу русской журналистики. Январь, 1853» (Современник. 1853. № 2): «Один из журналов в первой своей книжке посвятил, замечу мимоходом, собственно мне около двух печатных листов, что (я не скрываю этого) доставило мне большое удовольствие, потому что в то время, когда я наслаждался чтением о себе, сладкий голос самолюбия шептал мне: „В этом журнале тебя хотя уничтожить, мой Новый Поэт, тебя и твоего друга Иногороднего Подписчика: на вас *заказывают статьи*, против вас выдвигают всю журнальную артиллерию, на вас выпускают первых литературных *охотников*, лучших журнальных застрельщиков. Следовательно, вы, у которых хотят отнять всякое литературное значение, что-нибудь да значите в литературе: недаром же все эти толки, сборы, приготовления, мелочные и подробные разборы всех ваших фельетонов!..» (С. 259). Этот монолог Панаева был спровоцирован анонимной статьей «Русская литература в 1852 году (Статья первая)» в январском номере «Отечественных записок» за 1853 г. (о коллективном авторстве статьи и атрибуции раздела о «фельетонной критике» Кудрявцеву см. в 8-м примечании к письму от 18 февраля 1853 г. (№ 24)). Авторы статьи подвергли критике не только роман Панаева «Львы в провинции» (см. письмо от 14 января 1852 г. (№ 12, ч. 1) и 8-с примечание к нему), но и так называемую «фельетонную критику», прежде всего сжесмеянные очерки текущей периодики Дружинина и Панаева. При этом принципы и формы мышления этих фельетонистов были осмыслены как крайне отрицательные феномены отечественного «фельетонного направления», ставшего к началу 1850-х гг. господствующим в литературе и снискавшего, по мнению Кудрявцева, неоправданную, чисто внешнюю по своей сути популярность. «Иногородний Подписчик так умел заговорить „свою“ публику, что она бросалась к нему со всех ног при появлении каждой новой книжки журнала, — иронизировал Кудрявцев, имея в виду первые письма Иногороднего подписчика о русской журналистике в «Современнике» (публиковались с янв. 1849 г.). — Талант особенного свойства писать с необыкновенным запасом слов и терминов всякого рода, технических и научных, с фразой несколько не застенчивой и до такой степени изворотливой, что она способна несколько раз обойти данный предмет со всех сторон, коснуться ее почти во всех точках и между тем — даже не пошевелить его. Публике чрезвычайно как понравилось это ловкое маневрирование; она еще никогда не видала ничего подобного в отечественной литературе и думала, что нашла настоящий клад, тогда как ей давали лишь оцвщенный новыми красками „фельетон“» (Отечественные записки. 1853. № 1. Отд. IV. С. 24). «Веселые статейки» Панаева были рассмотрены обозревателем «Отечественных записок» как вторичные явления, формально повторявшие его предшественника — Дружинина (Иногороднего подписчика): «Блестящий пример не остался без подражателей <...>. Только что „Иногородний Подписчик“ успел в первый раз откланяться читателям журнала, в котором печатались всем памятные его первые письма, как уж „Новый Поэт“ стоял перед ними в той же самой позе и на том же самом месте» (Там же. С. 24—25). «Иногородний Подписчик может справедливо гордиться своим громким именем: оно долго еще будет жить в преданиях литературной школы, им основанной. <...> Новый Поэт может сколько хочет дивить своим неистощимым юмором: за ним, бесспорно, останется слово самого талантливого подражателя...» (Там же. С. 26—27).

¹¹ См. 7-с примечание к письму Феокистова от 4 февраля 1853 г. (№ 23), а также реплику о Джордже Гротсе в письме от 15 июня 1853 г. (№ 29).

¹² Вероятно, речь идет об издании Шекспира, которое Феокистов предоставил Тургеневу.

¹³ Вопрос вызван ожиданием обещанной копии рукописи «Постоялого двора» (см.: письма от 5 декабря 1852 (№ 21, 15-с примечание), 8 января (№ 22) и 4 февраля 1853 г. (№ 23)).

5 (17) апреля 1853. Симферополь

5 апреля. 1853. Симферополь.

Несколько дней тому назад получили мы Ваше письмо,¹ любезный друг Иван Сергеевич — и вот уже я, — не подражая Вам — сижу отвечать. — Очень мы Вам благодарны за обещание Ваше, касательно «Постоялого двора»² — будем ждать его с нетерпением. А между тем мы читаем тут новую комедию Островского.³ Она стоит очень того, чтобы о ней много поговорить. — Начать с ее недостатков, — мне кажется, что план комедии сделан в иных местах — весьма неудачно. Напр<имер>, — увоз Вихоревым Дуни после того, как отец ее уже почти соглашается на их брак — а всё это для чего? для того, чтобы дать Русакову* случай показать свое чувствительное сердце в сцене ее обморока, — и это весьма, по-моему, сложно.⁴ Последняя сцена — весьма хороша, — но всё-таки многого ей недостает. Во-первых, она несоразмерно растянута, а во-вторых — внезапная радость Русакова, доходящая до того, что он готов заплатить долг за Вихорева — сначала непонятна, и, только вчитавшись в это место, узнаешь, что он радуется от того, что она уверяет в своей «честности», то есть что Вихорев ее еще не прохватил.⁵ Но первое впечатление — весьма смутно, и доказательство этому то, что в 3-ей книж<ке> «Совр<еменника>» при рассказе о продолжении «Не в свои сани <не садись>» — говорят об этом месте: «Русаков, пристыженный и убежденный словами Бородинкина...» и т. д. Какой же убежденный! Это была бы дичь...⁶ Вихорев уж слишком резко намалеван; и сцена на станции, в начале 3-го акта — возмутительно груба. Это уж оскорбление чувства изящного.⁷ Но достоинства комедии — огромны. Характер Русакова, — мне показавшись превосходен, — какова, напр<имер>, сцена его объяснения с Вихоревым во 2 <-ом> акте? ⁸ Это — восторг, — вот чисто русская, здоровая и рассудительная натура, и — *n'ep déplaîse à*** Кудрявцев — я не вижу во всей комедии — идеализации купеческого быта.⁹ Это можно сказать только разве на основании «Своих людей» — но это не дает право считать «Своих людей» за окончательную программу купеческой жизни. Скажу Вам более, Иван Серг<еевич> — мне эта комедия, несмотря на все ее недостатки, понравилась более «Своих людей»¹⁰ — уже потому, что в*** «Не свои сани — » видна более широкая манера, более истинного, глубокого юмору, и нет уже следов того, — прекрасного, но всё-таки, так сказать, — мозаического, составленного, сочиненного языка, как в «Своих людях». Тут только есть одна страшная вещь, — (то есть в «Не свои сани <не садись>») — помните ли, в 1<-м> акте, на вопрос Вихорева «— да, может быть, тут дочерей отдают замуж насильно» — вдруг половой отвечает: «Необразованность, — всё по необразованности делается»,¹¹ — что это такое? Ведь это весьма дико, со стороны полового? А скажите, пожалуйста, Ив<ан> Серг<еевич>, отчего «Свои лю-

* Далее начато: мст<о>

** не в пику (франц.).

*** Далее начато: последней <комедии>

ди», несмотря на то, что они признаны художественным произведением, не могут быть прочитаны более двух или трех раз сряду и оставляют не столько чувство наслаждения, сколько чувство* ненавистное, тяжкое. Вы скажете от того, что самая жизнь, изображенная в комедии, возбуждает скорее ненависть и негодование? — Но отчего же это чувство не остается по прочтении «Недоросля», «Ревизора» и тысячи друг<их> произведений. Я не берусь решить этого вопроса, но у меня всё-таки остается такое сомнение — не хватил ли Островский в «Своих людях» слишком за барьер — не переложил он слишком краски** при изображении бесчувственной и холодной Липочки и всех окружающих ее негодяев. Порок выставить должно, но не знаю, должно ли выставить его во всей наготе, и видеть дочь***, отказывающуюся заплатить за отца, когда его ведут со связанными руками в тюрьму — ужасно. От того, что краски перепущены, мне кажется, и впечатление становится таким свинцово-тяжелым, что не хочется и взяться за книгу в другой раз. Как бы то ни было, я рад, что в новой комедии сохранено больше умеренности и видно больше знания. Жаль только, что доктрины всё-таки беспрестанно выглядывают, — от того местами выглядят идеализированными не только Бородин, но даже Русаков. А что такое Дуня? Опять женский характер самый неудачный, — хоть Русаков, то есть Островский, говорит про нее — «ведь это душа-то русская!..»¹²

Надеюсь, я услышу Ваше мнение об этой комедии, если не печатно, то хоть в письме.¹³ —

Кудрявцевы на лето будут в Крым. Они проедут также, как и мы, в 5 верстах от Вас.

Графиня очень была рада Вашему предложению выехать при ее возвращении в Орел или Мценск. Про себя уже не говорю. В должное время Вам дано будет знать, в какой месяц, день, час и минуту отсюда выезжает графиня.¹⁴ —

Прощайте, любезный Иван Сергеевич, — я от Вас не получал ответа на многие из моих писем, особенно на предыдущее,¹⁵ которое для меня весьма интересно. Напишите, пожалуйста, Ваше мнение об комедии Островского. Обнимаю Вас.

Е. Ф<еоктистов>.

Притиска Е. В. Салиас:

Письмо Ваше получила¹⁶ и была очень рада. Вы непременно должны выехать ко мне; или бы я ехала *не одна*****, то заехала бы к Вам. Но я еду с сестрой, с другой племянницей,¹⁷ и они связали меня по рукам и ногам. Но выехав в Орел, я устраююсь так, что мы проведем весь день, я, вы и Ф<еоктистов> в особом номере и нам мешать говорить не будут. Я буду очень рада Вас видеть***** — это само собою.

* *Вместо слов:* сколько чувство — *было:* а чувство *Слово:* сколько — *вписано.*

** *Было:* красок

*** *Было:* и дочь видеть,

**** *Отписка. Нужно:* или бы я ехала *одна*

***** *Вместо:* Я буду очень рада Вас видеть — *было:* а. *Начато:* Я очнь Вам б. Я очнь рада Вас видеть *Слово:* буду — *вписано.*

Читала комедию Островс<кого>. ¹⁸ Это прелесть — я совершенно довольна. По поводу ее было много споров между мною и Ев<гением> Мих<айловичем>. Он читал мне кое-что из своего письма к Вам — я не совсем согласна, особенно с мнением об «Своих людях» — может быть, что краски переложены, — но за Липочку я заступилась. Не могло ничего выйти из ней*, как то, что вышло. Это бездушное создание совершенно верно природе — и не исключение оно (что не годится в художественную обрисовку). Таких сплошь и рядом, и мы видали их на своем веку. Я, по крайней мере, знавала таких дюжинами. Я рада за Островс<кого>. Действительно его новая комедия уцелеет и долго будет на сцене. Читала: «Рыбаки» — они мне нравятся — Вы также, верно, читали — что скажете?¹⁹ Но зато, что такое «Совр<еменник>» и Панаев с своими письмами — этот господин дошел до цинизма,²⁰ и что касается до меня — то я откланиваюсь от чести печатать в его журнале. Печатно признается, что литер<атура> ему надоела и что он думает о том, чтобы быть только данди, а какой он данди. *Петруша Шувалов* (он сам при мне его так назвал) ведь не пустил его в свою переднюю — знаю я этих господ. И что за суждения — что за тон — противно читать. Я бы могла Вам еще указать на его одну статейку — да неудобно писать — долго будет** — скажу одно — сбивает она тоном, духом, мнениями на почтенного Булгарина. Вы верно заметили, впрочем. Я окончила 2 <ую> часть моего романа²¹ и надеюсь, что этот роман будет без страшных длиннот «Племянницы» и не в 4 томах. Вы, видите, что я исправляюсь, и, хотя я женщина, мне болтать делается страшно. Это от опытности. Не знаю, как Вам сказать, удался ли роман — я не судья в своем деле. Жалею, что Вы не здесь, с нами; пожив в деревне, Вы, верно, как и я, на многое взглянули посерьезнее (впрочем, я всегда глядела серьезно на литературное дело) и согласитесь, что писать без любви нельзя. Скажу одно — мой роман написан был с сильным желанием хорошо работать и с любовью. Круг моего таланта тесен, я знаю, по самому свойству его — я не имею ни комизма, ни юмора, да и круг людей, мною виденных, не обширен — но я думаю, что это не препятствие. Как бы узким горизонт не был, всё же есть место и простор, чтобы описать; был бы талант, а материалу хватит всегда. Думаете ли, что права я? В «Биб<лиотеке для чтения>» напечатаны 2 первые, самые плохие (это я говорю с сознанием) главы из моего романа,²² и Ев<гений> М<ихайлович> подтвердит Вам это. Теперь отдохну немного и примусь за третью и последнюю часть. Ужасно сожалею, что Вас нет — считаю, что у Вас самое верное артистическое чувство, и однажды, выбившись из сил, работав целое утро, никак не могла сладить с<о> сценами, я легла на диван и говорила Ф<еоктистову>, что хотя бы к Вам послать рукопись. Дрянь — так дрянь — ну, в огонь — а порядочно, так опять за дело. Я верю другим — себе не верю — именно потому, что в своем деле чувство становится неверно. Это такое дитя — его видишь или лучше или хуже. Испытали ль Вы то ужасное чувство, которое я называю пониманием своего безумия. Я испытываю его, лишь только принимаюсь за серьезное дело; знаю, как надо сделать, что хочу выразить — и не умею. Это так тяжело, что сказать не могу. Сожму сцену — не то. Распро-

* Так в автографе.

** Фраза: долго будет — вписана.

странность — растянуто, и всё-таки не то. Это убийственно. И вот тут-то поймешь, что талант не ум, что талант не понимание. Дар — талант — вот что, и дар наткнуться бессознательно на ту черту характера, которая в соединении с другими делает из лица тип. Живое лицо, еще не тип. А мы (я о себе говорю), мелкие букашки, рады, когда лицо выходит живое. Я теперь всё больше и больше понимаю свое безумие, а, между тем, люблю страстно свое дело или то, что считаю своим делом. Это часть моей самой живой жизни — это мой интерес, моя цель — мое стремление. Отказаться будет мне трудно — а откажусь — и это потеряю, как многое другое потеряла в жизни, когда уверюсь, что действительно таланта (в строгом смысле слова) у меня нет и не бывало. С женским чувством да с анализом далеко не уедешь в литературе.

Извините, пожалуйста, что заболталась о себе; это Вам доказывает, что я *считаю* на Вас,* то есть на Ваше дружеское участие в моих занятиях; вероятно, Вы не совсем считаете меня Островс<ким> в отношении к самолюбию *только*, и, зная меня коротко, не могли поверить *всему*, что — я знаю, говорилось обо мне Вам по поводу Вашей критике** на «Племянницу».²³ Впрочем, при свидании я Вам откровенно скажу мое мнение, которое несколько не изменило моих отношений к Вам — да и было бы это глупо. Вы совершенно правы — и поверьте, я не виновата-таки, как Вы, может быть, думали.

Я жду с величайшим нетерпением Вашего «Постоялого двора», да Вы, пожалуй, не пришлете — это будет нехорошо.²⁴ Мы здесь в такой глуши, что страх. Я только радуюсь тому, что стала здоровее и могу работать — не смущена здесь душою и не в разладе с собой и другими. Последняя зима была мне в Москве тягостна, и часто вспоминала я Вас. Помните, Вы мне говорили: «Берегитесь». Я не береглась — и многие разодрали меня. Ничего нет ужаснее, правы Вы, тесного кружка.²⁵ Это те же сплетни, дразги, что в маленьком провинциальном городке. Ну, да об этом мы тоже поговорим при свидании. Много будет о чем поговорить — прощайте, жму Вам руку очень дружески.***

¹ Письмо неизвестно. Ответ Феокистова и приписка Салиас позволяют в определенной мере восстановить его содержание.

² Переговоры о «Постоялом дворе» длились с декабря 1852 г. (см. письма Феокистова от 5 декабря 1852 (15-е примечание), 8 января, 4 февраля, 18 февраля и 18 марта 1853 г. (№ 21, 22, 23, 24, 25)) до лета 1853 г. Рассылка копий повести и романа «Два поколения» задерживалась главным образом из-за отсутствия переписчика. Объясняя Анненкову причину задержки обещанной копии романа, Тургенев жаловался: «Писец мой всё не едет из Москвы — и потому копия еще не началась — такая досада!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 215, дата письма: 15 марта 1853 г.). Лишь в начале июня 1853 г. Феокистов получил известие, что копия «Постоялого двора» выслана ему в Крым (письмо № 28). О дальнейшей судьбе копии см. письма: от 15 июня (№ 29, 7-е примечание) и от 24—25 августа (№ 31) 1853 г.

³ Комедия «Не в свои сани не садись» вначале была поставлена на сцене (см. предшествующее письмо и 7-е примечание к нему) и лишь в пятом номере «Москвитянина» за 1853 г.

* Так в автографе. *Вместо*: рассчитываю на Вас

** Так в автографе. *Вместо*: по поводу Вашей критики

*** Фрагмент письма со слов: «из сил, работав целос утро» и завершающийся словами: «жму Вам руку очень дружески» хранится в системе писем Е. В. Салиас к И. С. Тургеневу, № 5850. Л. 17—18.

(март, кн. 1) стала доступна читателю. Феоктистов и Салиас читали пьесу со страниц только что полученного ими номера журнала.

⁴ «План комедии», мотивы эмоционально-психологического поведения ее героев в отдельных ситуациях вызвали нарекания и у театрального обозревателя «Современника». Ср.: Ловлас-Вихорев почти насильно увозит Дуню и прибегает к этой мере напрасно, потому что Русаков, видя отчаяние дочери, произведенное его отказом Вихореву, объявляет ей свое согласие на брак, с тем только, что он не даст за ней никакого приданого. Хотя бы Дуне следовало начать с того, что объявить это решение отца при первой встрече Вихореву, но как мы не видим сцены похищения, то и не можем судить, в какой мере это было удобно. Она высказывает эту новость где-то на постоялом дворе в Ямской, в то время, когда перемещают им лошадей, чтобы ехать далее — венчаться, и высказывает это только по настоятельному расспросам Вихорева, что, по моему мнению, автор сделал довольно неловко, потому что зритель видит цель, к которой приводится разговор, тогда как объявление Дуни, сделанное вдруг, без приготовления, добровольно, было бы эффектнее и натуральнее» (*Авдеев М. В.* > Письмо «Пустого человека» в провинцию о петербургской жизни. Письмо четвертое // Современник. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 200—201). Сцена обморока Дуни и следующий затем монолог Русакова («Где? Что? Господи? — Ужлиж я ее убил?...») и затем: «Я ему скажу, что за тобой ничего не дам; коли любит, пускай так берет. — Коли любит — возьмет и так») составляют содержание явления четырнадцатого из второго действия (Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 47—49).

⁵ «Последняя сцена» — третье действие (акт), сцена вторая, явление четвертое — открывается вестью о похищении Дуни: «*Арина Федотовна*. Уез, уез, матушка; такой молодец, — подхватил в коляску проворным манером, только я их и видела» (Там же. С. 57). Сцена вторая третьего действия состоит из одиннадцати явлений, в то время, как предшествующая, то есть сцена первая, — из трех. В заключительном, четырнадцатом явлении (третье действие) Русаков изъясляет готовность оплатить гостиничные расходы Вихорева и на радостях общается утешенно: «*Маломальский*. А что, сват, угощение будет? *Русаков*. Будет, как не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица! приготовь-ка нам что-нибудь поздравить сваных с невестой. <...> *Маломальский*. Ну, уж теперь, сват, я загулял... уж теперь вплоть до свадьбы. <...> гуляю...» (Там же. С. 73—74). Проявлению щедрости и общему всплоху радости предшествуют обращенное к Бородкину признание Дуни и раскаяние ее отца: «*Авдотья Максимовна*. ...Я честная девушка, Иван Петрович. — Я вас обманывать не стану. Скажите вы это всем и тятеньке. *Русаков (пораженный)*. ...За что я ее обидел?...» (Там же. Явление тринадцатое. С. 74).

⁶ Авдеев в указанном выше четвертом письме «Пустого человека», анализируя постановку пьесы Островского в Александринском театре (преьера состоялась 19 февраля 1853 г.), так передал содержание эпизодов, упомянутых Феоктистовым: «Смушение увеличивает Маломальский замечанием, что дело надобно затушить и заставить его жильца Вихорева жениться на Дуне, потому что теперь ее никто не возьмет. „Я возьму-с“, — говорит Бородкин, не переставший любить Дуню; но разгневанный отец отговаривает его, говорит, что ему надобно девушку честную, и тогда Бородкин горячо заступает за оставленную всеми, увлеченную минутным порывом, но честную девушку, и Русаков, вразумленный его словами, повинуетя голосу сердца, прощает и даже просит прощения в горячности у дочери. Комедия заканчивается трогательной сценой общего примирения» (Современник. 1853. № 3, март. Отдел «Современные заметки». С. 201. Без подписи).

⁷ Имеется в виду объяснение Авдотьи Максимовны с Вихоревым в «небольшой комнате на постоялом дворе» в Ямской слободе (Действие третье, сцена первая, явление первое // Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 50—56.).

⁸ См. действие второе, явление девятое (Там же. С. 37—42).

⁹ Реакция, как видно, на полученное от Кудрявцева письмо (неизв., см. о нем публикуемое письмо от 18 марта 1853 г., № 25). Отношение Кудрявцева к новой пьесе Островского ярко выразилось в его журнальном отзыве. Русаков в этой рецензии охарактеризован как сфантазированный общественный тип: «...откуда не подойди к Русакову, отовсюду виден человек. В упрек ему, как характеру, можно сказать, разве, одно, что он слишком идеален, что он скорее принадлежит к числу искомым характеров, нежели тех, с какими обыкновенно приходится встречаться в жизни» (Отечественные записки. 1853, № 4. С. 103. Отд. V. Библиографическая хроника, рубрика: Журналистика. С. 103). В целом же, по мнению Кудрявцева, комедия Островского построена на основе резкого противопоставления двух направлений, до сих пор встречавшихся в литературе порознь: «В одном и том же произведении употреблены два приема искусства, два различных рода освещения — яркое и темное, и притом так, что все выгоды первого

послужили в пользу одного разряда лиц, а все невыгоды второго пали на другой — где же тут художническое беспристрастие?» (там же. С. 119). На пятый день после премьеры «Не в свои сани не садись» в Александринском театре Тургенев обратился к Анненкову: «Скажите мне Ваше мнение о новой комедии Островского...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 208, дата: 24 февраля 1853 г.). В ответном письме Анненков сообщил, что комедия имела «огромный успех в обеих столицах — и совершенно заслуженный. В ней нет почти ничего. Не широка она и не глубока, а только умна. От Островского можно было всего ожидать: и характеров и таланту, но ума менее всего. А между тем он им и взял — удивил меня и других, сказать по правде. Но может быть, это и невзначай...» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*. 1. С. 18, дата: около 6 марта 1853 г.). Пьеса «с умом», пьеса с направлением, в данном случае — со славянофильским, начала, по убеждению Анненкова, «падение» Островского. Рассуждая об искусстве с «направлением», о бесплодии этого пути, исключающего объективность и многомерность изображения действительности, он писал по поводу «Постоялого двора»: «...из Вашего направления ничего серьезного не будет. Нет славы сделаться у нас великим *полемиическим* писателем, а художественным — само направление не позволяет. <...> А мне описание честного поступка Булгарина было бы, просто сказать, подарком. Сколько бы тут таланта могло быть проявлено и сколько вещей сказано хороших! Да как же быть без направления? Ведь оно даст и теплоту, и смысл сочинению, и участие автора к своим лицам, и, наконец, нравственное значение. Поэтому и вышло, что и романы Евг. Тур прекрасны — разве это безделица — чудо не малое! С объективностью одной этого не сделаешь. Это правда, да всего этого лучше мужественный писатель, который теплоту, и значение, и смысл видит везде. — К чёрту *направление!*» (там же. С. 18—19). С оценками Анненкова согласовался отзыв С. Т. Аксакова от 10 марта 1853 г.: «Вы верно слышали и даже прочли новую комедию Островского. Все говорят, что на театре она производит сильное действие. Я признаю талант автора, но в пьесе вижу только превосходные, изумительно верные сцены, очерки, а полноты создания по-моему нет» (*Лернер Н. О. И. С. Тургенев. Четыре письма к П. В. Анненкову (1853 и 1871 годы)* // Звенья. М.; Л., 1935. Кн. 5. С. 274). 14 марта 1853 г. Тургенев, согласившись с суждениями Анненкова, изложил свое мнение: «Комедию Островского прочел нам на днях М. С. Щепкин, который приехал сюда в понедельник <...>. Прочел ее он отлично, и впечатление она произвела большое — но у меня всё из головы не выходило „Père de famille“ и другие драмы Дидеро — с сильной начинкой естественности и морали — я не думаю, чтобы *эта* дорога вела к истинному художеству. У Островского нет сентиментальности, которая терзает Вас у Дидеро — но сентиментальность, слава богу, кажется, навсегда умерла. Словом — пьеса чрезвычайно умна, показывает в авторе замечательный *драматический* талант, — но ведь и здесь отразилось то „*направление*“, против которого Вы так справедливо возражаете, или, говоря точнее — то стремление к *направлению*» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 215; отклик на сравнение Островского с Дидро см. в письме Анненкова от 20 марта (2 апреля) 1853 г. (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 20)).

¹⁰ Сравнение почти каждой новой пьесы Островского, в данном случае комедии «Не в свои сани не садись», с другими его произведениями, при разнообразии предпочтений, — общее место не только в среде читателей и зрителей, но и в критике. Театральный обозреватель «Современника» М. В. Авдеев, при несомненном понимании остроты идеологических споров вокруг пьес Островского и их объективных причин, писал по этому поводу: «...непостоянство в степени проявления и развития таланта увеличило интерес ожидания новой пьесы, и все любители нашей словесности, так небогатой в последнее время замечательными произведениями, узнают с искренним удовольствием, что „Не в свои сани не садись“, хотя все-таки, по моему мнению, ниже, чем „Свои люди — сочтемся“, но выше „Бедной невесты!“» (*Авдеев М. В.*) Письмо «Пустого человека» в провинцию о пестербургской жизни. Письмо четвертое // *Современник*. 1853. № 3, март. Отд. VI. С. 200).

¹¹ Речь идет о сцене из действия первого, явления пятого: «*Вихорев*. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заседь в такую глущь!.. Это чёрт знает, как досадно. *Половой*. Одна необразованность; по не образованию все делается» (Москвитянин. 1853. № 5, март. Кн. 1. С. 21).

¹² Феокистов вольно цитирует слова Русакова о своей дочери в сцене ее сватовства. Обращаясь к Маломальскому-свату, он говорит: «... Моя дочь не такая!.. моя Дунюшка вылитая жена покойница... <...> Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же, пусть ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри, уж в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти такого, чтоб ее-то любил, да мог

бы понять, что это за душа... душа у ней русская» (Там же. Действие первое, явление третье. С. 14).

¹³ Также: *Напишите, пожалуйста, Ваше мнение об комедии Островского*. — Мнение Тургенева о комедии «Не в свои сани не садись» в дошедших до нас письмах к Феоктистову не отразилось.

¹⁴ О переговорах по поводу встречи на Орловщине, инициатором которой (это следует из данного письма) был Тургенев, см. в письме Феоктистова от 28 мая 1853 г. и 2-е примечание к нему.

¹⁵ См. также 1-е примечание к письму от 18 марта 1853 г. (№ 25).

¹⁶ Письмо неизвестно.

¹⁷ С младшей сестрой Софьей Васильевной Сухово-Кобылиной (см. о ней в 11-м примечании к письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21)) и, как видно, с дочерью другой сестры Евдокии Васильевны Петрово-Соловова (урожд. Сухово-Кобылиной).

¹⁸ См. 3-е примечание к настоящему письму Феоктистова.

¹⁹ Роман Григоровича Дмитрия Васильевича (1822—1899) «Рыбаки» печатался в «Современнике» с марта 1853 г. В письме к П. В. Анненкову от 21 апреля 1853 г. Тургенев отозвался о нем как о скучном произведении писателя, который давно вызывает у него оскормину, — произведении, не идущим ни в какое сравнение с «легким и беглым рассказцем» Л. Толстого «Набег» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 221). 12 мая, откликаясь на рассуждение Анненкова о русском романе, поводом к которому послужили «Рыбаки», Тургенев писал: «Всё, что Вы говорите о романе вообще — очень умно и верно — Пушкин одним созданием лица Троекурова в „Дубровском“ показал, какие в нем были эпические силы. — Я еще не получил *апрельской* книжки „Современника“ <...> и не могу судить о том, как дальше развиваются „Рыбаки“ Григоровича — но не ожидаю от них многого. Эпоха литературы русской, к которой он относится по своему таланту — уже прошла — а истории нет никакого дела, что человек еще свеж и только что сложился и вошел в силу — если он ей более не нужен. Мастерства в „Рыбаках“ много — а впечатление они производят — как бы выразиться — какое-то старое» (Там же. С. 225). Сообщив Анненкову в последующем письме (от 25 мая), что до сих пор не смог одолеть 2-й и 3-й частей «Рыбаков», Тургенев конкретизировал суть своих претензий: «Мужички совсем одолели нас в литературе. Оно бы ничего; но я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, все-таки ничего в них не смыслим. Притом всё это — по известным причинам — начинает получать такой идиллический колорит, что Геснеру должно быть очень приятно в гробу. Пора мужичков в отставку» (Там же. С. 233, см. также 10-е примечание к этому письму: с. 525).

²⁰ См. предшествующее письмо Феоктистова (от 18 марта 1853 г. (№25)) и 9-е примечание к нему.

²¹ В это время Салиас работала над романом «Три поры жизни». 15 июня 1853 г. Тургенев сообщил Анненкову: «Она кончила или оканчивает свой роман. Что-то это будет?» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 241).

²² См.: Три поры жизни. Отрывок из романа <Гл. I и II> // Библиотека для чтения. 1853. Т. 117, ч. 2. Отд. I (Русская словесность). С. 239—314. Подпись под текстом: Евгения Тур. См. 7-е примечание к письму от 2 ноября 1853 г. (№ 32).

²³ Речь идет о статье Тургенева «Племянница. Роман, соч. Евгении Тур <...>», ставшей поводом к разногласиям в окружении Салиас зимой—весной 1852 г. (см. письмо от 14 января 1852 г. (№ 12, ч. I) и 1-е, 2-е, 5-е примечания к нему). Кризис отношений Салиас с Тургеневым, Боткиным, Грановским и его кружком отразился также в следующих письмах 1852 г. — от 18 февраля (№ 14, ч. I), 12 сентября (№ 20, 1-е примечание) и 5 декабря (№ 21, 4-е примечание).

²⁴ Просьба, с которой Феоктистов и Салиас обращались к Тургеневу почти в каждом письме начиная с декабря 1852 г. См. 2-е примечание к данному письму Феоктистова.

²⁵ Кружок, его психология, характер воздействия на личность — перманентные темы писем Феоктистова и Салиас: ср. с письмом Феоктистова от 5 декабря 1852 (№ 21), см. также письма, указанные выше, в 23-м примечании.

28 мая (9 июня) 1853. Кучук-Ламбат

Кучук-Ламбат. 28 мая. 1853.

Любезнейший Иван Сергеевич, — я получил Ваше письмо со стихами Пушкина¹ (за что весьма Вас благодарю) — но не отвечал Вам до сих пор по многим причинам. Во-первых,* я ездил по южному берегу, потом был нездоров и теперь тоже беру перо только для успокоения совести, — ибо много писать не могу: у меня сделался ногтеед, и я мучился и мучусь от пальца несказанно. Хочу Вам сказать только одно: графиня едет в августе, — около 20<-го> она будет около Вас, — не можете ли Вы выехать на встречу или в Орел или Мценск повидаться.² Вы теперь напишите только, можете ли Вы это сделать, — а тогда, перед отъездом, я дам Вам знать, когда нужно будет выехать на встречу, и аккуратно назначу число. —

Я думаю, Вы теперь проводите жизнь свою в поле? ³ Глубоко жалею у Вас.** — Вы не поверите, какое наслаждение в жару лежать весь день дома и ничего не делать, а жары здесь страшные. Я знаю, что летом корреспонденция не может так деятельно поддерживаться, как зимою, но всё-таки напишите нам иногда несколько строчек и дайте весточку о себе. — Вы еще, злодей, ничего мне не отвечали на мои два последние к Вам письма.⁴ — Графиня Вам кланяется и просит Вам сказать, не стыдно ли Вам при свидании будет смотреть на нее, вспомнив об «Муму»?⁵ — Прощайте, будьте здоровы, веселы, бейте как можно больше бекасов, — но всё-таки не забывайте нас. Пожалуйста, напишите ответ мне, — в ожидании.

Ваш вечно

Е. Ф<еоктистов>.

На обороте письма:

Орловской губернии, в город *Мценск*. Доставить в село Спасское, г<-на>. Тургенева.

Его Высокоблагороди<ю> Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На письме помета рукой неустановленного лица (напротив неясно оттиснутого штемпеля): *Биют-Ламбат. 29 мая 1853 г.*

¹ Письмо Тургенева неизвестно. Е. М. Хмельская в своем списке утраченных писем Тургенева это письмо датирует: «Около 20 мая ст. ст. 1853» (Тургеневский сборник. М.; Л., 1964. Вып. 1. С. 373). Перечень стихов Пушкина, которых касалась просьба Феокистова, — в его письме от 18 марта 1853 г. (№ 25), см. также 6-е примечание к нему.

² 2 июня 1853 г. Е. В. Салиас сообщила Тургеневу: «Я выезжаю из Симф<ерополя>» 15 августа...» (Т. *Письма* (2-е изд). Т. 2. С. 530). 15 июня Тургенев написал Анненкову: «Мне графиня Сальяс пишет, что она около 20-го августа здесь проседет и будет 1-го сентября в Петербурге» (Там же. С. 241). См. письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29).

* *Далее начато:* у меня

** *Описка. Нужно:* жалю Вас. или: жалею я Вас.

³ Охотничьи маршруты Тургенева отразились, в частности, в письме к Л. Н. Вакселю от 25 мая 1853 г.: «Вот Вам теперь мой отчет об охоте в нынешнем году: вальдшнепов здесь было очень мало; в конце апреля я с И. Ф. Юрасовым ездил в Апраксинские места к Десне на дуплей; мы немножко опоздали — самки уже сели на яйца — самцы тронулись и точки не очень уже были многочисленны; однако мы поохотились весьма недурно — и места видели поистине великолепные. Моя молодая сука меня чрезвычайно потешала. Теперь в ожидании Петрова дня ружье стоит в углу...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 234—235).

⁴ То есть на письма от 18 марта и 5 апреля 1853 г.

⁵ Речь идет об обещании Тургенева прислать копию рукописи «Муму» — см. 14-е примечание к письму от 5 декабря 1852 г. (№ 21). Ситуацию проясняет информация из тургеневского письма К. Н. Леонтьеву (от 6 марта 1853 г.), также ожидавшему списки «Муму» и «Постоялого двора»: «...я велю переписать для Вас здесь мои повести, а Кетчеру я — виноват — я об этом не писал. Позабыл! Но это будет сделано и Вам доставлено» (Там же. Т. 2. С. 212). Подробнее: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 4. С. 604.

28

Первые числа июня 1853. Кучук-Ламбат

Милый Иван Сергеевич, я только сейчас узнал, что графиня пишет Вам, и потому не мог писать. Но с следующей же почтой напишу большое письмо,¹ к тому же времени получу «П<остоялый> Д<вор>», и скажу Вам о нем свое мнение.² Ваша просьба, касательно «П<остоялого> Д<вора>», будет исполнена в точности.³ А теперь позвольте Вас обнять.

Е. Ф<еоктистов>.

Время написания записки, скорее всего вложенной в конверт с письмом Салиас, устанавливается на основании двух фактов: упомянутого Феоктистовым письма Салиас, помеченного 2 июня 1853 г. («...графиня пишет Вам...» — см.: РО ИРЛИ № 5850) — и последующего его письма к Тургеневу, датированного 15 июня 1853 г. (№ 29), с известием о получении давно ожидаемой копии «Постоялого двора» (см. письма № 21, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 31).

¹ Письмо от 15 июня 1853 г. (№ 29) с сообщением о получении копии повести «Постоялый двор» и ее анализом.

² Публикуемая записка Феоктистова, как видно, явилась откликом на письмо Тургенева (н.изв.) с сообщением о высылке копии «Постоялого двора». Возможно, известие поступило через Салиас.

³ Вероятно, речь идет о необходимости по прочтении копии вернуть ее Тургеневу или передать С. Т. Аксакову. Еще 12 мая 1853 г. Тургенев осведомлял С. Т. Аксакова: «По недоразумению — без меня Вам „П<остоялый> д<вор>“ не выслали — он отправляется завтра» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 230). Но 13 мая, по словам комментатора письма, копия Аксакову не была выслана (Там же. С. 523). Скорее всего, между 12 мая и началом июня 1853 г. в неизвестном нам письме Тургенев, сообщая Феоктистову о высылке «списка» «Постоялого двора», просил вернуть его в Спасское или переслать Аксакову. Далее см. последующее письмо Феоктистова (№ 29) и 7-е примечание к нему.

15 (27) июня 1853. Кучук-Ламбат

Кучук-Ламбат. 1853. Июня 15.

Милый Иван Сергеевич — искренно благодарю Вас за удовольствие, которое Вы мне доставили присылкою Вашей повести.¹ Я прочел ее с большим вниманием и в целом был очень ею удовлетворен. Вообще об ней стоит много поговорить. Характеры в «П<остоялом> д<воре>» вышли очень определенны, ярки, — нет в изображении их Ваших прежних несколько хитростных замашек; вообще в этой повести Вы глядите на изображаемый Вами мир несравненно яснее и прямее прежнего — в этом надо отдать Вам полную справедливость. Из всех лиц Вашей повести мне более всех понравилась — Авдотья. Это лицо удивительно удалось Вам, так что, мне кажется, нельзя ни прибавить, ни убавить ни одной лишней черты. Некоторые сцены, — напр<имер>, описание первой встречи Авдотьи с Наумом и проведенная ею беспокойная ночь, — появление Акима к барыне с объяснением по поводу проданного дома — всё это живо, верно и отлично. Но рядом с этим, мне кажется, и в этой повести Вашей можно указать на некоторые недостатки. К первым и главным из них я отношу Ваш давнишний порок — недостаток отделки. По крайней мере последняя половина Вашей повести, со времени перехода Акима к дьячку, поразила меня какою-то поспешностью и — извините — даже вялостью изложения некоторых мест. Напр<имер>,* перемена, произошедшая в Акиме, после того, как Наум поймал его на поджоге — объяснена весьма неудовлетворительно, и маленькое объяснение, в виде рассуждения, написанное Вами по этому случаю — показалось мне как-то очень неловко, холодно и странно.** Не знаю, справедливо ли и верно было мое впечатление, но оно таково. Вообще, мне кажется, видно, что Вы обратили преимущественно внимание свое на эту часть рассказа, но неизвестно почему, сравнительно с первою, она вышла у Вас гораздо слабее и даже весьма растянута. Мне кажется, что конец рассказа можно было бы сократить, вследствие чего он делал бы несравненно сильнейшее впечатление. К второстепенным недостаткам я приписываю некоторую неловкость во многих местах рассказа, — особенно эти частые повторения: «Пока это происходило, там делалось то-то» или «обратимся туда-то» и в роде этого.

В целом же я могу сказать Вам вот что: я считаю «Муму» большим шагом, в сравнении с «Зап<исками> охотн<ика>», но «П<остоялый> д<вор>» — не выше «Муму»,² по моему крайнему пониманию. Вы можете еще долго и долго идти вперед. Вообще очень опасно приниматься за изображение избранного Вами быта. Всё еще видно, что Вы не слишком ловко и свободно с ним обращаетесь.

Не знаю, справедливо ли мое мнение. Помните ли, однако, Вы мне говорили один раз, что я уж слишком Вас хвалю и никогда не говорю Вам о

* Далее начато: сисна

** Вместо: и странно — было: и даже странно

Ваших недостатках. Кажется, в этом письме я уж ударился в другую крайность. Впрочем, *я знаю верно*, что Вы на меня за это не посетуете. Я слишком хорошо Вас знаю для этого и всегда готов Вам прямо высказать правду, как ее я понимаю. — Графиня не согласна с моим мнением, и выскажет Вам свое в особенном письме.³ Надеюсь, что Вы ответите мне на это письмо и скажите также прямо, в чем Вы со мною не согласны. —

Ну, так мы с Вами увидимся! Боже мой, какое это счастье. Теперь, вот в чем дело, исполните, пожалуйста, эту просьбу. Так как Вы уже обещали выехать к нам на встречу, напишите, пожалуйста, решительно, куда Вы выедете — в Орел или Мценск? ⁴ Пожалуйста, *не медлите ответом*, ибо он только что будет иметь время придти сюда. Тогда мы уж будем знать, где именно Вас встречать и ожидать. Пред отъездом я напишу Вам подробно даже число, когда мы будем около Вас. — А хорошо бы, Иван Сергеевич, — в Орел! Не поленитесь-ка!...

Знаете ли, с чем вместе, то есть в одно время, я читал Вашу повесть? — Со 2-ю частью «Мертв<ых> душ», которую мне, после нечеловеческих усилий, таки выслали сюда.⁵ Я не посылаю Вам ее, ибо уверен, что она у Вас есть, так как теперь, говорят, эта рукопись очень распространена.⁶ —

Рукопись Ваша «Пост<оялого> д<вор>а» будет Вам выслана тотчас по переписании, ибо я непременно хочу ее переписать. Поверьте, что она будет цела и невредима.⁷ —

Получили мы тут и «Tom's Cabin», но не успел еще прочитать.⁸ Что могу Вам сказать о себе? Погода великолепная, купаемся в море, гуляем, спим и едим страшно! *A propos*, не грешно ли Вам говорить, что я, не читая, сказал свое мнение о Гроте.⁹ Сроду этого никогда не было. Я только сказал, что слог мне кажется тяжел, а это видно, только заглянувши в книгу и не читая ее. То есть как Вы еще злостны-то!...

Ради Бога, дайте мне знать хоть касательно одного пункта — где Вас мы найдем — в Орле или Мценске. Графиня Вам кланяется. Я Вас крепко, крепко и истинно дружески обнимаю. Ваш всегда

Е. Ф<еоктистов>.

Приписка рукой Феокистова на верхнем поле первого листа:

Графиня едет около 15 августа. — Я забыл Вам сказать одно замечание об 2-й части «М<ертвых> д<душ>». Это произведение давнее,* но всё-таки я никогда не поверю, чтобы дошедшая до нас рукопись была — беловая. Мне кажется, есть еще много неотделанного и много только набросанного.

Ответное письмо Тургенева неизвестно.

¹ См. 7-с примсчание к данному письму.

² Эти суждения Феокистова вливаются в общий хор откликов на последние произведения Тургенева и, как видно, повторяют их. Ср., в частности, с письмом Ивана Аксакова от 4 октября 1852 г. по поводу «Муму». В герое этой повести он увидел «олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 494).

* Так в автографе.

С. Т. Аксаков 7 октября 1852 г., получив экземпляр «Записок охотника» (прочел «с новым удовольствием, а некоторые места — с наслаждением»), заметил, что предпочитает («Муму» «многим, а Константин — всем прежним сочинениям» Тургенева (*Летопись (1818—1858)*. С. 214). Не позднее 16 октября 1852 г. Константин Аксаков повторил суждения отца, однако при этом внес в оценку охотничьих рассказов скептическую ноту: «Ваши „Записки охотника“ вообще — только одно мерцание какого-то света, не больше». Сравнивая их с «Муму», Константин оценил новую повесть как шаг вперед в творческом развитии Тургенева (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 213). 12 октября 1852 г. Анненков писал по поводу отдельного издания «Записок охотника»: «... в них слишком наружу выступает сочинительство: оно напирает грудью на лица, на происшествия, на природу и даже на фразы. Это немного еще дикая сила, но все-таки сила, и в некоторых местах развернулась она так, что говоришь невольно: „Ай да молодец! Вот как вынес мужика — на одной руке, да и повертывает еще...”» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 481). И далее: «Я решительно жду от Вас романа с полною властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уж чересчур любите...» (Там же).

³ Этот отзыв Салиас о «Постоялом дворе» неизвестен.

⁴ Из последующего письма Феоктистова (№ 30) очевидно: Тургенев в недошедшем до нас июльском послании (не ранее 26-го) местом встречи назначил Орел. День встречи — 25 августа первоначально скоординировал Феоктистов (см.: Там же). Процесс переговоров Феоктистова и Салиас о встрече с Тургеневым по пути из Крыма в Москву прослеживается в письмах под № 26, 27, 28, см. также примечания к ним.

⁵ 25 июня 1853 г. (на письме указаны лишь число и месяц, год уточняется по штампею: *Алушта. 1853. Июня 26 дня*) Салиас писала Бестужеву-Рюмину, проживавшему в то время в тамбовском имении Чичериных: «Я еду в Россию 15 Августа, 1 Сентября буду в Москве, 10 или много 15 у отца на Выксе, где пробуду до конца Октября. Нельзя ли Вам туда махнуть — ко мне. Мне бы сильно хотелось вас видеть и переговорить с вами о вас, судьбе вашей, планах, намерениях. В настоящее время вам готовится сюрприз. Наши — Евг<ений> Мих<айлович>, Варенька Нов<осильцева>, Маша моя переписывают отрывок из двух неполных глав „Мертвых душ”, которые нам удалось достать из Москвы. Как будут готовы, то пошлются к вам. Это такая неопианная прелесть, — выше всяких похвал. Описания природы самые восхитительные и запечатленные такой рукой мастера, что нет ни одного общего места, чем так богаты мы все, грешные. Нет ни синих небес, ни горизонта, ни солнца заходящего — а подробности — никакие! — Чичиков — это целый герой — герой-великан — в своем роде. — Тип Чичикова мы все знали и едва ли не многие из нас ему не сродни. Но сами увидите. <...> Евг<ний> Мих<айлович> вам кланяется и жмет руку. Он вам переписал часть „М<ертвых д<уш>”, которых отрывок посылаю» (РО ИРЛИ. № 25164, л. 150 об.—151 об., 153 об., письмо в копии, без подписи). 10 июля Феоктистов обратился к своему другу: «Милейший Бестужев — с следующей почтой посылается к Соловой <Евдокия Васильевна Петрово-Соловова — родная сестра Салиас де Турнемир. — Э. Г.> главы 2-ой части „Мертв<ых> душ”, — и она, вследствие просьбы Графини, вероятно, тотчас моя пришлет за тобою, чтобы прочесть их вместе. Ничего не говорю об этих 2-х главах — чтобы не помешать твоему собственному впечатлению при их чтении» (Там же, № 25156, л. 18; авторская дата письма: *Кучук-Ламбт, 10 июля. Год (1853)* устанавливается по содержанию письма и соответствию другим письмам).

⁶ Начало разговора о втором томе «Мертвых душ», поводом к которому послужили «слухи» о московских чтениях глав из этого тома, а затем и доходившие до Крыма и Спасского рассказы об услышанном, восходит к зиме и весне 1853 г. (январь—февраль, март—апрель), см. об этих фактах в письмах: № 22 (10-е, 11-е, 12-е примечания) и № 24 (9-е, 10-е, 11-е примечания). В начале лета 1853 г. интерес к поэме оживился, но уже по другому поводу — появились и стали ходить по рукам, рассылаться во все концы рукописные копии глав из второго тома. Известие об одной из таких копий, полученных Салиас и Феоктистовым в Крыму, поступило к Тургеневу из публикуемого письма. Сам Тургенев «перечел» копию глав (1, 2, 3 и 5) второго тома «Мертвых душ» лишь осенью (между 11 сентября и 6 октября). Копию доставил в Спасское Д. Я. Колбасин, к которому еще в сентябре Тургенев обратился (возможно, в ответ на его предложение или вопрос) с просьбой: «Пяти глав „М<ертвых> д<уш>” у меня нет — и я бы очень был Вам за них благодарен» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 254—255, дата: 11 сентября 1853 г.). Уже в первых строках его письма к Анненкову от 6 октября звучит имя персонажа из первой главы второго тома поэмы: «Я всё это время занят был по горло хозяйством, à la Теп-

tetnikoff». Сообщив о прочтенных главах поэмы и воздав должное третьей главе («3-я глава (где Петух, Кошкарев и Костанжогло) — вещь удивительная — совершенство. Что за гениальная карриатура, что за водопад здоровой веселости — этот Пстух!»), Тургенев сосредоточил вниманиис на противоречиях поэмы и причинах трагического конца ее создателя: «Но 5-ая глава с невыносимым Муразовым — меня болес нежели озадачила --- она меня огорчила. Если всё остальное было так написано — уж не вследствие ли возмущившегося художнического чувства сжег Гоголь свой роман? А должно полагать, что этой *Смирновицины* (мне при чтении беспрестанно мерещилась Ал<с>сандра> Ос<и>повна>) было напущено вдоволь. Боже мой! Боже мой! За что же так губить и ломать, и коверкать себя?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 255, 256, 536). В ответ Анненков вновь заговорил о необходимости многосложного отношения искусства к реальности, без чего, по его убеждению, не может быть художественной истины, о творчестве как самостоятельной и властной (а потому объективной) стихии самовыражения художника: «...можно ли в искусстве быть беспристрастным даже и к тем, которые стоят на противоположной стороне, или это уже не можно?». «О пятой главе надо забыть, — писал он. — Это не глава, а программа главы или, лучше, это только намерсние; кто видел, как я, благодаря рукописям Пушкина, что при творчестве все намерения изменяются, тот знает, что об этом думать. Творчество — великое дело. Голова говорит: дай скажу чудовищность; или наоборот, или совсем не так, как голова хотела. Я думаю совсем иначе, чем вы, касательно уничтожения „Мертвых душ“. Гоголь истребил их не потому, что заподозрил грустное их направление, а, по-моему, наоборот — потому что творчество, не спросясь его, дало им голос не тот, который он хотел» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 32). «О 2-й части „Мертвых душ“ и в особенности о Костанжогло, — писал Тургенев 19 октября — я на Вашей стороне, — хоть я не могу не заметить, что в этой 2-й части бежит какая-то несхорошая струя — иногда скрыто, иногда наружу; в характерах фантастического наставника, Муразова, Улькины — она выступает на поверхность — и разливается — а в иных местах чуть просачивается... в кой-каких выражениях Костанжогло, Кошкарева ее можно заметить — и они-то и подали повод к недоразумениям. Юпитер-Гоголь сердился кой-где — стало быть был виноват. Но есть места — охватывающие и потрясающие в одно время всю душу читателя. Помните прогулку Петуха в лодке — и песни рыбаков — и расшевеленного Чичикова — и безжизненную вялость Платонова. Это удивительное место» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 266—267). «Вы тонко и умно заместили, что у Гоголя есть какая-то струя нечистая, которая сочится между рассказом, — отвечал Анненков. — Действительно есть. Он твердо приступает к лицам, но первородный грех все виднеется. Это мне объясняет, почему говорил он, что ему надо обдѣлывать свои произведения вдоль и поперек. Он смывал родовые свои уродливости, которые вылезали и в минуты творчества наружу» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 35, дата: 31 октября 1853 г.). Строки из тургеневского письма к С. Т. Аксакову от 14 ноября 1853 г. — свособразный итог многодневному обсуждению рукописных копий глав второго тома «Мертвых душ»: «Доставили мне 3-ью и 5-ую главу „Мертвых душ“ (2-й части). 3-тья глава, где Петух и Костанжогло — удивительна — но 5-ая с небывалым и невозможным откупищиком Муразовым... — Лучше не говорить о ней — и набросить, как почтительные сыновья Ноя — покров на обнажившегося нашего литературного отца» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 276).

⁷ 30 августа 1853 г. Тургенев оповестил С. Т. Аксакова: «Рукопись „Постоялого двора“ будет Вам выслана из Москвы г-м Феоктистовым» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 250). 1 сентября Тургенев обратился к Феоктистову с просьбой: «Рукопись мою доставьте, пожалуйста, *Сергею Тимофеевичу Аксакову*, в Троицко-Сергиевский посад, Московской губ<с>рнии> — в село Абрамцево — впрочем, Вы, может быть, узнаете от Кетчера, что кто-нибудь из его сыновей в Москве — тогда вы ее передайте ему прямо» (Там же. С. 252). Однако Аксаков рукопись не получил. «Господин, которому я поручил доставить Вам рукопись „Постоялого двора“ — потерял ее, — сообщил ему Тургенев, не называя фамилии Феоктистова, в письме от 28 февраля—4 марта 1854 г., — придется велеть переписать ее снова» (Там же. С. 289). Лишь весной 1855 г. Аксаков направил Тургеневу письмо со строками: «...только сегодня получил я <...> рукопись „Постоялого двора“ и увидел в конце рассказа вашу собственноручную подпись» (Там же. С. 523; письмо Аксакова помечено 16 мая 1855 г.) Далее см. письмо от 24—25 августа 1853 г. (№ 31).

⁸ Роман «Хижина дяди Тома» («Uncle Tom's Cabin») Гарриет Бичер-Стоу (Beecher-Stowe; 1811—1896), опубликованный ею в 1852 г. (русск. перевод — 1853), Тургенев прочел весной

1853 г. Отвечая Аннскову, сопоставившему «Постоялый двор» и роман Бичер-Стоу (по его мнению, тенденциозность этих произведений снизила их эстетическое значение, а следовательно, и эмоциональное воздействие на читателя: «Но дядя Том и дядя Аким есть полемика, а не создание» — см. *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 519, дата: 12 апреля 1853), Тургенев писал: «Что же касается до дяди Тома, которого я на днях прочел — то меня самого поразила мысль — что ведь пожалуй и Аким такого же калибра. *Ваше* письмо подтвердило это впечатление — вследствие чего я себе дал слово этаких вещей более не писать» (Там же. С. 220, дата: 21 апреля 1853 г.). В 1856 г. (не позже 5 декабря ст. ст.) в Лондоне Тургенев познакомился с Бичер-Стоу. В письме к А. В. Дружинину он с мягким юмором воспроизвел эту сцену: «Кстати, Вы такой охотник до литературы; я был представлен г-же Бичер-Стоу; добрая, простая — и представьте! застенчивая американка; с ней две дочки рыжие, в красных бурнусах, с свирепыми кринолинами — престранные фигуры» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 159; дата: 5 (17) декабря 1856). Позже, в 1860 г., в письме к Герцену от 23 октября (4 ноября) он вспомнил американскую писательницу по причине, на его взгляд, характерных для Гейдельберга сплетен и анекдотов, в частности вокруг его имени: «...про меня там говорят, что я держу у себя насильно крепостную любовницу — и что г-жа Бичер-Стоу (!) меня в этом публично упрекала, а я ее выругал» (*Т. Письма. (1-е изд.)*. Т. 4. С. 147), также см. «Дым» (гл. IV) (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 7. С. 262). В 1857 г. Тургенев получил от Некрасова известие о бесплатном приложении «Хитрины дяди Тома» к первому номеру «Современника» за 1858 г.: «Как скоро было это объявление, подписка поднялась. Надо заметить, что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в сильном ходу, относительно наших домашних негров» (*Некрасов*. Т. 14, кн 2. С. 101, письмо от 25 декабря, также: *Летопись (1818—1858)*. С. 409).

⁹ О Джордже Гроте — письма от 4 февраля и 18 марта 1853 г. (№ 23, 25). Упомянутое письмо Фоктистова с «мнением» о Гроте, как и ответное письмо Тургенева — неизвестны.

30

26, 28 июля (7, 9 августа) 1853 г. Кучук-Ламбат

26 июля. 1853. Кучук-Ламбат.

Милый Тургенев, — я только и ждал Вашего письма,¹ чтобы аккуратно написать Вам, когда мы выезжаем из Крыма. Благодарность, благодарность Вам за то, что Вы соглашаетесь выехать в Орел.² Итак, слушайте: 17 числа (августа) или самое позднее 18, мы выезжаем из Симферополя. 22* утром намерены быть в Харькове и 24 утром же** в Орле. — Итак, просим Вас 24*** числа быть в Орле,³ — разумеется, если предположить, что**** или сломается экипаж или кого хватит холера⁴ (чего не дай Бог!), то мы можем запоздать днем или двумя, но раз в жизни Вы сделаете самопожертвование ради дружбы и простите нам это невольное замедление. Итак, 25 августа мы Вас надеемся обнять в Орле. Пожалуйста, не манкируйте этим сроком, графиня по многим делам очень спешит в Москву и не хочет останавливаться более полудня ни в одном городе, для того только, чтобы уделить побольше времени провести с Вами в Орле.

Разумеется, как и следует аккуратному человеку, Вы не написали, где Вас искать в Орле. Но предполагая, что у Вас там дома нет, я Вас буду искать во всех гостиницах. Мы останавливаемся в большой гостинице, что у

* Было: 21 <?>

** Было: 25 вечером Слова: утром же — вписаны.

*** Было: 25

**** Далее начато: мы

моста, — не знаю, как она называется. — Как только приеду в Орел, брошусь со всех ног а la recherche de v<ou>s,* по всем гостиницам.

Прощайте. Будьте здоровы и берегите себя от холеры. Впрочем, порядочному человеку и совестно заболеть холерою, — в сущности это весьма пустая болезнь, если принять все меры.

Итак, от 24** и — самое позднее до 28 августа буду с трепетанием сердца подъезжать к Орлу. Далее этого срока едва ли мы запоздаем. Пред самым отъездом, если что-либо переменится в наших планах, то напишу Вам письмо, — если же до 15 августа не получите от меня письма, значит все, заключающиеся здесь предположения, — запечатлены глубокою истинностью! —

Итак — до свидания!!!...

Ваш Е<вгений> Ф<еоктистов>.

Перечел письмо, — кажется, всё ясно? — Пожалуйста, выезжайте в Орел с 23-го,*** ибо, может быть, мы и утром 24**** там будем.*****

Приписка Е. В. Салиас:

Обремененная всякой опекой, сестрою, свитою, детьми, романом⁵ и всем тем, что называется благом жизни, но что, по-моему, немалая тяжесть — я намерена по возможности *выжить* до Орла. Сестра моя спешит на выставку живописи — сделал здесь полдюжны картин,⁶ а я *хочу* роман напечатать к 1 генваря. К несчастью — не дни, но часы нами рассчитаны — несчастье еще хотело, чтобы и отсюда выбраться было нельзя до 18<-ти> вечером — так что и не знаю, как мы попадем в Москву и Петерб<ург>. Соне надо быть в Пет<ербурге> около 3 сентября. Всё, что будет возможно, я сделаю, останусь мин<иму>м везде, чтобы больше быть в Орле. Такая обуза — свита.***** Я бы *очень* желала Вас видеть. Дайте знать на почте и в гостиницах, где Вы, чтобы Вас сыскать немедленно — даже если б мы приехали в полночь,***** придется Вам***** будить. До свидания — прощайте. Толком дайте знать, где искать Вас — у станционного смотрителя.

Приписка Феоктистова (на отдельном обрывке листа):

Графине в приписке явилась действительно отличная мысль. Тотчас по приезде своем, кроме гостиниц, дайте знать станционному смотрителю, там, где берутся лошади (а не на почте), где вы остановитесь. И я тотчас отправлюсь к этому смотрителю. В случае же, если его не застану дома, буду сам Вас отыскивать. — Но только, пожалуйста, не поленитесь и будьте

* в поисках Вас (франц.).

** Было: 25

*** Было: 24-го

**** Было: 25

***** Далее было (под текстом): Ваш Ф<соктистов>

***** Далее зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.

***** Далее зачеркнутая, не поддающаяся прочтению фраза.

***** Отписка. Нужно: Вас

24 числа в Орле. Письмо мое было написано 2 дня тому назад, а теперь мы решились выехать 16, а не 17, так что 24 числа мы *непрерывно* поспеем в Орел. Думаю, что это письмо решительно будет последнее, ибо мы твердо положили распорядиться нашим временем так, как тут написано. —

¹ Письмо Тургенева неизвестно.

² Видимо, в вышеупомянутом письме (неизв.) Тургенев окончательно определил место встречи с Салиас и Феоктистовым.

³ Далее: *Итак, 25 августа мы Вас надеемся обнять в Орле* — и ниже по тексту. — Переговоры о встрече с Тургеневым велись с апреля 1853 г. (см. письмо от 5 апреля (№ 26) и 14-е примечание) и не затухали в течение всего лета (примечания к письмам № 27, 29). В ходе переговоров даты выезда из Крыма и прибытия на место встречи уточнялись. В конечном счете в приписке Феоктистова к данному письму была окончательно определена дата встречи Салиас и ее спутников с Тургеневым — 24 августа («...24 числа мы непременно поспеем в Орел»). Далее см. письмо Феоктистова № 31.

⁴ Ниже: *...берегите себя от холеры. ~ порядочному человеку совестно заболеть холерою...* — Уже с начала 1853 г. газеты вели хронику распространения холеры. Так, опираясь на сведения «Санкт-Петербургских ведомостей», московская пресса публиковала сводку сведений об общем количестве больных холерою в Петербурге, о вновь заболевших, выздоровевших и умерших в ближайшие сутки (см.: Московские ведомости, 1853, № 10, 11, 25). Холера — постоянный мотив переписки Тургенева в весенне-летнюю пору 1853 г. Из его письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковым от 23—24 апреля: «...всем была бы хороша Святая, если б к нам не прибыла хотя ожидаемая, но непрощенная гостья, холера — уже несколько дней она давала о себе знать — а вчерашнего дня открылась и довольно круто. Человек 5 уже умерло. Что будет дальше — неизвестно — меры предосторожности взяты. Крестьяне, к счастью, получили доверенность к моей больнице — и тотчас являются, как только дурно себя чувствуют. Вероятно, холера и вас не оставила без своего посещения — вы так близко живете от Москвы, где она до сих пор сильна. Но однако — бог с ней!» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 2. С. 222). В письме С. Т. Аксакову от 12, 16 мая Тургенев снова пишет о тревогах, связанных с надвигающейся эпидемией: «Здоровье мое несколько поправилось — люди, умершие в нашем околотке, отправились на тот свет, вероятно, от объединения — по крайней мере, с того времени холерных припадков не слышать. За совет очень благодарен, и если холера сурьезно к нам пожалует, я набрюшник надену» (Там же. С. 230). 5 июня он оповестил С. Т. Аксакова: «Холера к нам подвигается — говорят, она уже в Туле, но здесь все припадки пока — прекратились. Что будет — то будет — а мы готовы» (Там же. С. 237); 9 июля — Анненкова: «Говорят, он <И. Т. Кокорев. — Ред.> умер от холеры. Когда она уйдет, наконец? К нам она всё только грозит прийти — во Мценске уже начались случаи — хоть бы поскорей пришла — и ушла» (Там же. С. 244). В письме от 26, 31 июля Тургенев, приглашая Анненкова в Спасское, в то же время перечислил причины, которые побуждают его не настаивать на визите к нему: «...к нам, вероятно, не сегодня, завтра пожалует холера. Она уже отсюда в 40 верстах и в Белеве чрезвычайно сильна. Конечно, Вы с нею свыклись в Петербурге — но она у Вас там теперь проходит — а что за удовольствие быть опять свидетелем, как она является в новом месте» (Там же. С. 247). Осенью (в письме от 8, 20 сентября) Тургенев предупредил Полину Виардо: «У нас была и все еще продолжается вокруг нас холера — но Спасское она пока пощадила. Она приблизится к Франции — будьте осторожны!» (Там же. С. 413). См. также следующее письмо Феоктистова от 24, 25 августа 1853 г. (№ 31).

⁵ Далее: *...а я хочу роман напечатать к 1 Января.* — О романе «Три поры времни» см. 21-е, 22-е примечания к письму Феоктистова от 5 апреля 1853 г. (№ 26).

⁶ Софья Васильевна Сухово-Кобылина — младшая сестра Елизаветы Салиас жила в Крыму с марта 1852 по август 1853 г., см. о ней в 11-м примечании к письму № 21 от 5 декабря 1852 г. По возвращении из Крыма Салиас 27 сентября 1853 г. сообщила Бестужеву-Рюмину, что Софья выехала в Петербург: «Соня отвезла 6 картин на выставку, на золотую медаль — но у ней есть сильный соперник, выставляющий ныне и каждый <?> год — кто победит?» (РО ИРЛИ, № 25164, л. 163 об.; письмо из Выксы, штемпель: Муром. Отправлено: 29 сентября 1853 г.).

24—25 августа (12—13 сентября) 1853 г. Орел

Орел. 24 ч. почти.

Не-любезный Тургенев, — хотя и весьма охотно тому верю, что Вам помешали дела приехать нам на встречу,¹ но всё-таки Ваш неприезд весьма неприятно поразил нас. Но что делать — такова уж судьба! — Повесть Вашу «Постоялый двор» я не могу послать теперь, ибо ее графиня положила куда-то на дно своего чемодана, но даю Вам мое *честное слово*, что она будет Вам отослана с *первою* почтою по нашем приезде в Москву.²

Не знаю, когда мы с Вами увидимся,³ то есть думаю, что в теперешних *Ваших* обстоятельствах это было бы неудобно. В противном случае напишите мне — и я приеду — в нынешнем году мне будет это удобно.

Вы непременно должны написать мне письмо — иначе будет Вам грешно. Прощайте.

Ваш Е<вгений>Ф<еоктистов>.

Приписка Салиас:

Феокт<истов > порывался из Симферополя ехать вперед, вероятно, для свидания с Вами (скорейшего, подразумевается) — за что мы прозвали его Вашей любовницей — а вперед однако не пустили, на том основании, что холера.⁴ Однако мы благополучно прибыли все вместе — но Вас не нашли. Очень сожалею, что не видела Вас — уже теперь я не знаю, где и когда мы можем увидеться. Мы пьем чай и сейчас едем дальше. Прощайте, жаль мне, что мы не виделись. — Жму Вам руку.

Ваша любовница, с горя вероятно, повалилась на пол и так храпит, что я вздрагиваю — а остальное общество над ним подсмеивается, — сроду я не слыхала еще такого храпенья — мертвых разбудит. Желая и Вам такого же благодарного сна, как у Вашего друга. —

Приписка Феоктистова:

Тургенев — на всякий случай приписываю Вам, когда мне удобно к Вам приехать. Это — в сентябре нынешнего года и даже начале октября — и потом я —* на Рождество. Я знаю, что Вам приятно будет меня видеть — и если Вы не увидите меня, то очень хорошо понимаю, что это зависит не от Вас, а от обстоятельств, об которых я упоминал выше. Пожалуйста, напишите мне письмо — вот адрес: в Москву, в Импер<аторский> университет<ит>. Петру Николаев<ичу> Кудрявцеву, Г<-ну> Профессору — для передачи такому-то. — Впоследствии я Вам дам настоящий адрес.

— До свидания. Ожидаю письма.

На обороте письма:

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу. В С<ело> Спаское.

* После слов: и потом я — *начато*: предпол<агаю> <?>

Письмо хранится в РО ИРЛИ под № 5850 (Письма Е. В. Салиас к Тургеневу), л. 23—25. Дата автором не указана. На правом поле первого листа рукой неуставленного лица карандашная помета: *Феоктистов—Тургеневу. 1853. 27 августа*. Однако, исходя из содержания предшествующего письма (№ 30), в котором сообщалось: *... теперь мы решились выехать 16, а не 17, так что 24 числа мы непременно поспеем в Орел* — письмо, написанное в ночь с 24 на 25 августа (24-го Тургенев должен был прибыть в Орел), датируется 24—25 августа 1853 г. Хронология ответного письма Тургенева с объяснением причины неявки в Орел (1 сентября 1853 г.) также соответствует этой дате. Над начальными строками первой и второй приписок рукой неуставленного лица карандашные пометы: *гр. Салиас. Феокт<истов>*.

¹ 1 сентября 1853 г. Тургенев обратился к Феоктистову с письмом, в котором объяснил причину своей неявки в Орел: «Тютчев от меня отходит, и всё бремя управления остается на моих руках — вот почему я присхать не мог — я был в хлопотах несказанных — и теперь у меня голова идет кругом» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 2. С. 252). Почти все его письма этой поры (Аксаковым, Аннскому, Д. Колбасину) в той или иной мере посвящены трудным обстоятельствам, резко изменившим ход его жизни. Так, 30 августа он сообщил С. Т. Аксакову: «... Тютчев, которому я поручил было управление моим имением, от меня отходит — и теперь это всё падает на меня. Я всё это время сдирал по деревням, не охотился — и теперь у меня в голове одно хозяйство, расчеты, счеты и т. д.» (Там же. С. 249).

² См. 2-е и 24-е примечания к письму от 5 апреля 1853 г. (№ 29).

³ Тургенев отвечал: «Вас увидеть у себя будет для меня во всяком случае — большою радостью» (Там же. С. 252, дата письма: 1 сентября 1853 г.). Поездка Феоктистова в Спасское не состоялась — см. последующее письмо от 2 ноября 1853 г. (№ 32).

⁴ О холере см. в 4-м примечании к предшествующему письму от 26, 28 июля 1853 г. (№ 30).

32

2 (14) ноября 1853 г. Москва

2 ноября. 1853. Москва.

Милый и неоцененный друг Иван Сергеевич, — я много, много виноват пред Вами, не писавши до сих пор, но, без сомнения, Вы простили бы мне это, если б знали, в какую пучину зол и бедствий повергнут я с самого моего приезда из Крыма. До сих пор я ищу ответа, но всё безуспешно. Вы сами знаете, что служить я *должен*, а места не могу получить именно потому, почему я должен служить.¹ Всюду, куда не обращусь, мне говорят, что не могут исполнить моей просьбы, ибо не желают иметь дело с такими господами, как я. Вы поймете затруднительность этого положения, — право, и хочется иногда написать Вам, но мысли не идут в голову, ибо только и думается, что вечером должен ехать* сюда, а завтра туда, и всё с разными прошениями и молениями. Я и теперь берусь за перо, потому что имею к Вам дело. Без всяких предисловий выскажу Вам его прямо: мне пришла крайняя нужда в 125 р<ублях> сер<ебром>. Не можете ли Вы дать мне займы эти деньги² сроком до 1-го ноября будущего года, — я нарочно беру такой большой срок, чтобы быть в возможности непременно Вам выплатить деньги. Если у Вас их нет в настоящую минуту, то, пожалуйста,

* *Вместо:* должен ехать — *было:* поедешь

скажите мне это без церемонии: я так Вас хорошо знаю, что, поверьте, мне и в голову никогда не придет мысль, что Вы не хотите мне сделать одолжение, имея на то средства. К тому же, тут — в этом депо всяческих сплетней, — мне пришлось недавно услышать, что Ваши денежные обстоятельства не в очень цветущем положении³ — следовательно, у меня есть сильное сомнение в том, что Вы удовлетворите моему желанию. Повторяю, я знаю* наперед Вашу готовность, помочь мне, если есть возможность: я уверен в этом, ибо уже не раз имел на это доказательства. — Следовательно, Вы можете без церемоний отказать мне; — об том, в какой степени мне нужны эти деньги, не стану Вам говорить, — Вы знаете, что я не любитель приставать с такими просьбами, и поймете, как мне нужны деньги, если я решился наконец обратиться к Вам, — хотя к Вам я всегда обращусь скорее и прежде, нежели к кому-либо другому. Только вот 2 последние условия: если Вы хотите меня одолжить, то, пожалуйста, не говорите это никому из благословенного московского кружка — это просто вертеп** пересудов, толков и сплетен — и 2-ое, ради Бога, дайте мне поскорей и отрицательный и положительный ответ, — я в такой крайности теперь, что мне буквально каждая минута дорога. Если Вы можете дать мне только часть назначенных мною денег, то и этим весьма меня одолжите.

Что Вам сказать о Москве? Тоска и тоска. Тут такое отсутствие всякой жизни, всяких интересов, что наконец и дураки и умные подходят под один уровень — и тем и другим нечего говорить. Глупость даже лучше, ибо она без претензий, и думаю, что наступит наконец скоро время, когда будут говорить: *quel charmant garçon, — comme il est bête!**** — В городе в последнее время только говорят об одном: об известной истории Островского, которого упрекают в краже его комедий у некоего Горева-Тарасенкова, странствующего актера, — об чем, впрочем, говорили уже давно, и, кажется, еще при Вас. Но теперь эти слухи повторяются снова и гораздо сильнее прежнего: сам Горев приехал в Москву и доказывает, что Островский действительно обокрал его,⁴ не только в трех вышедших комедиях, но даже и в той, которую О<стровский> теперь пишет под заглавием: «Метеор». — Доказательства, приводимые им, хотя не доказывают всего, что он хочет доказать, но заставляют, однако, сильно подозревать, что большая часть сцен, если не совсем заимствована О<стровским> у Горева, то по крайней мере писана с ним вместе. Слухи эти произвели, однако, сильное впечатление на Остр<овского>:⁵ он никуда не показывается, говорят, даже болел, а Алмазов, его адъютант, недавно вдруг явился к Грановскому и объяснил ему всё это дело.⁶ В этом объяснении он б<ыл> очень хорош: говорит, что Остр<овского> самолюбие до смешного, создал глупую школу, пьяница — всё, что угодно, но только комедии — его, «уж это, говорит, пожалуйста, оставьте за ним». Не правда ли, любопытная история? Забыл еще — Горев написал, говорят, теперь комедию: «Литературная Кража», и послал ее в театральную цензуру.

* *Вместо:* Повторяю, я знаю — *было:* а. *Начато:* Повторяю, то, что <знаю> б. Повторяю, что знаю *Слово:* я — *вписано.*

** *Далее начато:* вся<ческих>

*** какой восхитительный мальчик — как он глуп! (*франц.*).

Кроме этого, что сказать Вам еще замечательного? Графиня отдает нынче в печать свой новый роман: «Три поры жизни», в 3 частях. Она сама Вам будет писать с следующей почтой, хотела теперь, но занята с Готье.⁷ Все наши общие знакомые живы и здоровы — по-прежнему ковыряют друг у друга в душе и по-прежнему мерзкий Фролов царит над всеми.⁸ Я, впрочем, их редко вижу — ибо бываю только у Грановского, а с прочими совсем покончил. Не стану хвалиться, но справьтесь у других: Вы меня совсем не узнали бы — так пристально я занимаюсь всё это время, и одну мою статейку Вы увидите в декаб<рьской> книжке «От<ечественных> зап<исок>».⁹ Общественных удовольствий тут нет никаких — а в Петер<бурге> — Рашель, но мне и думать нельзя ее увидеть; ¹⁰ впрочем, даю Вам* слово, что если б в настоящую минуту мне дали выбирать между Вами и Рашелью — я выбрал бы Вас, но и об этом, кажется, тоже нечего думать. Поверьте — что это не фраза, Вы знаете, способен ли я их делать. — Пишете ли Вы что-нибудь.¹¹ Пожалуйста, скажите мне об этом два слова,** — ведь это бесчеловечно, если Вы ничего не делаете, но я не думаю, чтоб Вы способны были сидеть без дела. Впрочем, говорят, Вы теперь занимаетесь сами управлением и хозяйством¹² — ах! Иван Сергеевич, хоть бы одним глазком взглянул на это — вот, я думаю, прелесть-то!

Ну, прощайте. Даю Вам, на прощание, обещанье, что с этих пор Вы будете получать от меня подробные и частые письма обо всем, что делается со мною и вокруг меня. Осенью и зимою всегда как-то легче переписываться. Жму Вам крепко, крепко Вашу руку и желаю быть здоровым. Надеюсь скоро получить от Вас письмо. Ваш весъ

Е. Феок<тистов>.

Вот мой адрес: В Москву — на Большой Бронной, близ Тверских ворот, дом Г-жи Емельяновой, кварт <ира> > гр<афини> Сальяс.

¹ См. 5-е примечание к письму Феоктистова от 12 сентября 1852 г. (№ 20) и письмо от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

² Тургенев помог Феоктистову, что следует из письма от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

³ Предлагая Д. Я. Колбасину в августе 1853 г. пересхать в Спасское и взять на себя заботы о его хозяйстве, Тургенев так характеризовал свое финансовое положение: «...мои дела в большом упадке денжном — хотя и не в расстройстве. Тютчев честнейший человек — но совершенно не практический. Надо будет всё это постараться поднять» (*Т. Письма (2-е изд.)* Т. 2. С. 249, дата письма: 29 августа). Месяц спустя, отвечая на письмо К. Лсонтьева, в котором, вероятно, содержалась просьба о помощи (нсизв.), он, сожалея, сообщал, что не в состоянии оказать ему никакой помощи, включая и денежную (Там же. С. 258, дата: 9 октября).

⁴ На эту ситуацию Тургенев откликнулся в письме к Анненкову от 6 (18) ноября 1853 г.: «Из Москвы получил я известие, будто там происходит литературный скандал. Явился какой-то актер Горев-Тарасенков и обвиняет Островского в присвоении себе его комедий из купеческого быта. Мне кажется, это вздор — и во всяком случае это невеселая вещь» (Там же. С. 274). Островский совместно с провинциальным актером и драматургом, сыном разорившегося московского купца — *Горевым (наст. фам. Тарасенков) Дмитрием Афанасьевичем* (1818—1860-е гг.) написал четыре явления первого действия «Банкрота», опубликованные в 1847 г. в «Московском городском листке» под криптонимами обоих авторов. В последующие годы Островский работал над пьесой самостоятельно, «по измененному плану». В 1850 г. он

* Далее начато: чест<нос>

** Далее начато: ибо это <бсчеловечно>

напечатал комедию в шестом номере «Москвитянина» под названием «Свои люди сочтемся» (историю публикации и сценического воплощения пьесы см. в 9-м примечании к письму Феокистова от 5 декабря 1852 г. (№ 21)). Однако в литературных и околиторатурных кругах распространился слух, что «Свои люди сочтемся» — плод совместного труда. В декабре 1851 г., по прочтении Островским «Бедной невесты» на субботе у Ростопчиной, С. П. Шевырев напомнил М. П. Погодину о разговорах вокруг драматурга: «Я к тебе сам хотел писать о том приятном впечатлении, которое произвела на меня новая комедия Островского. Я рад за него и его дарование; это произведение рассеет все нелепые слухи, которые были на его счет» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Кн. 11. С. 392). В воспоминаниях Феокистов раскрыл объективную природу интриги, ставшей своего рода катализатором тяжелых психологических состояний драматурга тех лет: «...не трудно объяснить то странное по-видимому обстоятельство, что хотя все признавали огромный талант Островского, но многие относились к нему недоброжелательно. Особенно обнаруживалось это со стороны людей, которых называли тогда западниками. С своей точки зрения они были правы: время было тяжелое <...>. Противники Островского старались насолить ему. Кетчер с иступлением покровительствовавший некому Гореву, который утверждал, будто комедия „Свои люди сочтемся“ написана при непосредственном его участии, будто он имеет право считать себя ее автором в такой же мере, как и Островский. Чтобы представить доказательство своего таланта, Горев читал свою собственную комедию, которая потом была напечатана в „Отечественных записках“; <„Сплошь да рядом“, опубликована в 1856 г. в июльском номере. — Э. Г.>; я присутствовал при этом чтении у графини Салиас; сравнивать Горева с Островским было бы просто смешно, пристрастие было однако так сильно, что не только Кетчер приходил от него в восторг, но даже П. Н. Кудрявцев и А. Д. Галахов ставили его наряду с автором „Своих людей“! Впоследствии брат драматурга М. Н. Островский рассказывал мне, что отрицать всякое участие Горева в этой пьесе было бы не совсем справедливо; Горев постоянно вращался в купеческом мире, отлично знал его, у него был неисчерпаемый запас анекдотов о разных Титах Титычах; в этом отношении он был очень полезен Александру Николаевичу, который советовался с ним даже о сюжете и разных подробностях пьесы, но, чтобы создать ее, требовался прежде всего талант, а талантом то Горев и не обладал» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 136 об.—137). «История» выплеснулась на страницы газет (подробнее — *Беляев М.* Газетная травля // Памяти Островского. Сб. ст. Пг., 1923. С. 70—88). Островский вынужден был протестовать публично (см. его открытие письма: Литературное объяснение // *Московский ведомости*. 1856 г. 5 июля, № 80 (подпись: А. Островский), то же: *Островский*. Т. 14. С. 49—52; <В редакцию «Современника»> // *Современник*. 1856. № 8 (авг.). (Подпись: А. Островский), то же: *Островский*. Т. 14. С. 53—54). К этим выступлениям примыкает письмо Островского к В. Ф. Коршу с приложением «Литературной заметки» за подписью: Г. (с.м.: *Островский*. Т. 14. С. 56—57. Но и объяснения, и выступления в печати не избавляли Островского от тяжелых переживаний. Так, 17 октября 1856 г. на сцене Александринского театра была разыграна пьеса «Заблуждение», сочиненная драматургом и актером этого театра Леоновым Семеном Родионовичем (1823—1868; псевдоним Брянцев или Брянцов), в которой под именем нечистого на руку сочинителя Василевского предстал создатель комедии «Свои люди сочтемся». См. также: *Писарев М. И.* К материалам для биографии А. Н. Островского (Историко-литературная справка) // *Островский А. Н.* Полн. собр. соч. / Под ред. М. И. Писарева. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [б. г.]. Т. 10. С. XXXIX—XXXVI; А. Н. Островский и Д. Горев-Тарасенков // *Кашич Н. П.* Этюды об А. Н. Островском. М., 1912. [Кн. 1]. С. 265—274; *Голованова Т. П.* 4-е примечание к письму Тургенева — Анненкову от 6 ноября 1853 г. (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 2. С. 544).

⁵ Слухи о якобы скрытом от читателей сотрудничестве с Горевым-Тарасенковым переживались Островским болезненно. 16 октября 1853 г. он писал Погодину: «Я страшно расстроен» (*Островский*. Т. 14. С. 40). Следующим днем, 17 октября, размышляя о несоблюдимости публичного объяснения в связи с обвинениями в плагиате, он снова делился с Погодиным своими тревогами: «Теперь слух распространился только в литературном обществе, и его можно будет поправить письмом от Горева, которого я жду; я замечал в нем прежде довольно благородства. Я Вам пришлю копию с письма моего к Гореву; покажите ее, между прочим, и Степану Петровичу <Шевыреву. — *Ред.*>, мне не хочется, чтобы клевета смутила и его. Если мы напечатает <опровержение. — *Ред.*>, тогда заговорят в Москве все лавочники, заговорят и за Москвой, где уважают меня. Вот в какое положение я поставлен! Враг правды и его деятельные комиссионеры торжествуют» (Там же. С. 40—41). См. 4-е примечание к письму от 30 ноября 1853 г. (№ 34).

⁶ Борис Николаевич Алмазов (о нем — 10-е и 7-е примечания к письмам от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. 1) и 24 декабря 1851 г. (№ 11, ч. 1)) преклонялся перед дарованием Островского, однако глубокой близости между ними не было даже в пору совместного сотрудничества в «Москвитинине». После 1856 г. их пути разошлись.

⁷ Эпизодическую информацию о работе над романом «Три поры жизни» см. в приписке Салиас к письму Феоктистова от 5 апреля 1853 г. (№ 26, 21-е и 22-е примечания). В данной ситуации имеется в виду работа Салиас с ее издателем — В. Готье. Отдельное издание романа «Три поры жизни» (под псевдонимом Евгения Тур) вышло в трех частях в 1854 г. в Москве, в типографии Готье, с посвящением сестре Софье Васильевне Сухово-Кобылиной («Книга эта была писана подлсе тебя, под благотворным влиянием твоего безустанного и упорного труда, который возбуждал и укреплял мой собственный»). Под текстом посвящения дата: «Кучук-Ламбат, 27 июля 1853».

⁸ О Фроловс Николае Григорьевиче — примечания (3 и 9) к письмам: от 28 января 1852 г. (№ 13, ч. 1) и от 18 марта 1853 г. (№ 25, ч. II).

⁹ В эту пору Феоктистов работал над «статейкой», посвященной книге французского историка-экономиста П. Клемана «Жак Кёр и Карл VII, или Франция в XV столетии (Jacques Coeur et Charles VII ou la France au XVe siècle)». Клеман (Clement) Жан-Пьер (1809—1870) в своих неоднократно переиздававшихся трудах (4-е изд. названной книги вышло в 1874 г.) пропагандировал принцип свободной торговли (о Клемане см.: Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 15. С. 354). См. 7-е примечание к письму от 16 ноября 1853 г. (№ 33).

¹⁰ Парижские впечатления Тургенева от игры Рашель отразились в его письмах к Полине Виардо. Весной 1850 г. (30 марта (11 апреля)), оповестив, что накануне впервые увидел актрису в «Андромах» Ж. Расина, он передал сложность вызванных ею чувств: «Эта роль, переполненная ненависти и ревности, словно создана для нас <...>. И все же ее таланту не хватает многого: или, вернее, ей не хватает одного: сердца — и того подлинного благородства, которое исходит только из него. Ей свойственно только благородство *тела*, линий; вместо сердца у нее — старая монета в одно су, позолоченная по способу Руольца; ни один величавый или взволнованный звук не вылетел из этого, сведенного судорогой, продажного рта. Это натура абстрактная; неудивительно, что она хорошо себя чувствует только в старых французских трагедиях, которые, сколь они не прекрасны (вы знаете мое восхищение Расином и Корнелем), всего только абстракции <...>. Но при этом — какая тонкость, какая точность наблюдения, какое изящество психологической разработки, какое знание малейших колебаний страсти и какое совершенство, какая правдивость выражения!» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 330, фрагмент многодневного письма). 9 (21) июня 1850 г. он характеризовал Рашель в «Анжело» В. Гюго еще более остро: «...она там посредственна, а пьеса отвратительна. Но костюмы м-ль Рашель великолепны» (Там же. С. 339). В России петербургские гастроли европейки известной французской актрисы, исполнительницы классического репертуара Рашель (Rachel) (Élise Rachel Félix; 1821, в др. источ.: 1820—1858) начались с 25 октября 1853 г. и вызвали всеобщий ажиотаж — от дворцовых кругов (см.: *Никитенко*. Т. 1. С. 377, запись от 23 декабря 1853 г.) до посетителей галерки. «Имя г-жи Рашель сыщется теперь всюду: на балах, в театрах, на Невском проспекте — везде и всюду, — писал петербургский обозреватель, — талант и искусство артистки составляют неисчислимый предмет суждений, споров и разговоров...» («Без подписи». Представления г-жи Рашель // *Отечественные записки*. 1853. № 12, декабрь. Отд. VIII (Смесь). С. 296). О первых днях гастролей И. И. Панаев писал: «И вот громкое имя артистки в первый раз появилось на петербургских афишах. 25 октября возведена была „Федра“. Уже несколько дней до этого в книжных петербургских лавках нельзя было достать ни одного экземпляра Расина и Корнеля» (Рашель в Петербурге. <Ст. 1-я> // *Современник*. 1853. № 12, декабрь. С. 160). О Рашели в ролях Федры, Андромахи, Марии Стюарт, Адриенны Лескуврёр читатели узнавали из своего рода театральных репортажей Панаева «Рашель в Петербурге» (см.: *Современник*. <Ст. 1-я>. 1853. № 12, декабрь. С. 160—187; <Ст. 2-я>. 1854. № 1, январь. С. 76—91; <Ст. 3-я>. 1854. № 2, февраль. С. 179—194). 8 октября 1853 г. Анненков сообщил Тургеневу о грядущем приезде Рашели в Петербург: «Щепкин приехал из-за границы (Мих<аил> Сем<снович>) — и об искусстве французском и немцком сказал много дельного, и так как 18^{-го} сего месяца сюда будет Рашель, то и кстати — вероятно, всю зиму будем толковать об этом, как бог на ум положит» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 32, 33), а 31-го — об ее игре на петербургской сцене. Он не узнал ее — настолько увиденное отличалась от того, что он ранее пережил в Париже: «Она остается гениальной женщиной во многих местах, но в общем — это ростовщица,

которая все возвышает проценты с своего искусства <...> она возвысила в тройную степень все, что есть внешнего, риторического, громкого в трагедии Расина. Это уж Саксов инструмент, а не прежняя Федра. Неимоверное искание поз, стремление за выпуклостью образа на каждом шагу, певучесть, доведенная до *non plus ultra* <предела. — лат.>, — вот петербургская Рашель. Так, говорят, виноделы прибавляют водки в то шампанское, которое назначается для Англии. Много водки подбавила Рашель для нас» (Там же. С. 35, далее: с. 318, 321). Ответ Тургенева: «То, что Вы говорите о Рашели — давно замечено. Она — *en province et à l'étranger* <в провинции и за границей — франц.> — считает нужным „поддавать пару“. Модные журналы — т. е. журналы мод — Вы знаете, того же придерживаются» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 274; дата: 6 ноября 1853 г.). В первые же дни своего возвращения в Петербург из спасского заточения Тургенев сообщил С. Т. Аксакову: «Я уже видел Рашель...» (Там же. С. 283; дата: 13 (25) декабря 1853 г.). Впечатления Аксакова подтвердили их единомыслие: «Мне кажется, что Рашель есть улучшенная Жорж, в которой было много искусства, много чудной пластики, много *страсти* — и ни капли *чувства*» (Там же. С. 548). Общее значение гастролей Рашели в духовной жизни русского общества начала 1850-х гг. извлек Анненков в письме Тургеневу от 18 (30) ноября 1853 г.: «...Рашель произвела некоторую путаницу в идеях об искусстве здесь и уж не капризную, а общественную. Об искусстве заговорили на визитах. Любопытно к этому прислушаться и не мешать сказать, что самому мерещится в этом деле. Вы лучше всего знаете, что сословия соприкасаются у нас публично и откровенно преимущественно только на этой почве. Так для нас толки о Рашели могут иметь некоторого рода занимательность и даже вывод и поучение» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 37—38, см. также с. 321, 2-е примечание). Московские гастролы Рашель открылись в начале 1854 г. О них позднее Феоктистов вспоминал: «В Москву приехала знаменитая Рашель и производила потрясающее впечатление своим талантом; и до сих пор, в старческие годы, вспоминая о ней, я нахожу, что ничего поразительнее не случилось мне видеть на сцене; для меня отнюдь не казалась странными слова, сказанные однажды М. С. Щепкиным, что если бы встретил он человека, который остался бы совершенно равнодушен к Рашели, то не мог бы уважать его. Но такие люди нашлись в кружке Островского. Однажды Рашель играла лучшую из своих ролей, — роль Федры, публика затаила дыхание, прислушиваясь к ее страстным монологам; вдруг раздался хриплый хохот. Это хохотал сидевший в креслах Шаповалов <в записках он назван в ряду ближайших друзей Островского. — Э. Г.>, несчастный малый, допившийся до видений, до того состояния, когда человек беспрерывно отмахивается от мнимых жуков. По окончании акта его поспешили вывести и на вопросы, чем вызвана была в нем такая неуместная веселость, он отвечал, что разве можно удержаться от смеха, видя, с каким старанием разыгрывает актриса ходульные и лишённые всякой правды пиесы какого-то Расина. Ему хотелось бы, вероятно, чтобы Рашель попробовала свои силы в роли Липочки в комедии „Свои люди сочтёмся“» (РО ИРЛИ, № 9123, л. 136 об.).

¹¹ Осенью 1853 г. Тургенев писал С. А. Миллер о паузе в литературной работе, вызванной необходимостью самому вести хозяйство: «... в последнее время я поневоле должен был, говоря возвышенным слогом, взять сам в руки бразды правления, и эти занятия, по непривычке, меня утомляют и не дают думать о другом» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 259). В эту пору (сентябрь—октябрь), по его признанию, внутренне он жил в предвкушении нового периода в работе над романом «Два поколения», рукопись первой части которого он еще ранее отослал друзьям (Кетчеру, Боткину), и считал необходимым переработать ее в соответствии с их отзывами (см. его письма к Анненкову от 6, 14—15, С. Т. Аксакову от 6—7, Панасву и Некрасову от 16—17 октября 1853 г. и примечания к ним (Там же). С этими письмами перекликается и настроение ноябрьских посланий Тургенева: «За литературу я только что начинаю приниматься, — сообщал он С. Т. Аксакову 14 ноября, — до сих пор всякие другие дряжи сидели в голове сиднем. Первое, что я кончу — будет непременно статья для Вашего „Сборника“ <„Охотничьего сборника“. — *Ред.*>. Я в Орел повезу также свой роман, который я во многом переделаю. Я немного охладел к нему — однако чувствую, что надо его кончить и развить те характеры и мысли, которые только еще обозначены в первой части» (Там же. С. 276, дата: 14 ноября 1853 г.).

¹² 7 октября 1853 г. исполнявший обязанности управляющего тургеневскими имениями Н. Н. Тютчев и его семья покинули Спасское-Лутовиново. Свои хозяйственные опыты этой поры Тургенев с юмором описывал Анненкову («Продешвил пшеницу, упустил две-три постройки, купил дрянных лошадей — словом, хлопотал страшно» (Там же. С. 255; дата письма: 6 октября 1853)) и С. Т. Аксакову («...ведь Вы уже знаете, что я теперь сам занимаюсь хозяйст-

вом — и потому не взъищите на меня. Я в ужасных был хлопотах всё это время — и теперь едва начинаю привыкать к новому моему положению. Стерпится — слобится. Но пока тяжелько...» (Т. Письма (2-е изд. Т. 2. С. 256; дата: 6, 7 октября)). Подобными же переживаниями окрашены по существу все тургеневские письма осени 1853 г., в частности к К. Лсонтьеву (там же. С. 258, 537; дата: 9 октября) и др.

16 (28) ноября 1853. Москва

16 ноября. 1853.

Милый Иван Сергеевич, — глубоко Вам благодарен за сделанное Вами мне одолжение.¹ Мне очень совестно только, что просьба моя пришла к Вам именно в то же время, когда Вы сами нуждаетесь в деньгах.² — Мне вообще весьма не желалось бы, чтобы в наши с Вами отношения вошли какие-нибудь денежные счета, и потому поверьте, с этой минуты я начну работать с удвоенною ревностью, чтобы заплатить Вам свой долг; но верьте, что только крайняя необходимость заставила меня обратиться к Вам с этою просьбою, крайне непривычною для меня самого, и я, повторяю, употреблю все свои усилия, чтобы как можно скорее рассчитаться с этим долгом.

Место мне наконец открывается, — если только это может назваться местом. Я хочу поступить в Канцелярию Гражданского Губернатора,³ сверх штата и без жалованья, и так надо служить, по крайней мере, полтора года. Вы видите, как это место должно хорошо согласоваться с моими желаниями! Вы говорите мне, что удивляетесь, как могло случиться, что я не получил место, тогда как все говорили* во время известной истории, что именно вследствие ее я должен непременно получить его?⁴ Что делать, Иван Сергеевич, — *обещают*-то всегда много, да ничего из обещаний не выходит. Так вот и теперь обещают мне чрез год или полтора дать штатное место, а сбудется ли это?.. И к тому же ведь всё это говорил тогда Николай Христофорович,⁵ в этом отношении весьма похожий на молчаливого, но мудрого дворецкого, выведенного Вами в «Муму». За всем к нему обращаются, во всем с ним советуются, а он ничего ни в чем не понимает. —

Но оставим сию гнусную материю. Что могу сказать Вам хорошего и нового? Недавно видел я в театре студента — Леонтьева, и он сказал мне, что Вы что-то такое написали для «Современника», но не сказал, что именно.⁶ Я вчера окончил небольшую статейку для «От<ечественных> Зап<исок>» о книге Клемана «Jacques Coeur et Charles VII»⁷ и на днях посылаю ее в Петерб<ург>. Впрочем это ничтожная вещь, — вообще я теперь всё более и более убеждаюсь, что у меня нет решительно никакого *литературного* таланта, принимая это слово в наиобширнейшем его смысле. Чёрт знает с чего, представилось мне когда-то, что я могу что-либо пи-

* Далее начато: что

сать... но теперь я значительно разочаровался в этой сладкой надежде: *mieux vaut tard que jamais...** Попробую пробиться куда-нибудь службою, — авось, тут что-нибудь пойдет хорошо. Вообще надо перепробовать все пути, чтобы придти к отрадному заключению, что не годен ни одн[ому].**

Бедный Кудрявцев очень болен — у [него] был солитер, говорят, что будто бы теперь вышел, но я плохо этому верю, ибо он что-то плохо поправляется. Всё прочее обстоит благополучно. Я Вам надеюсь еще написать несколько раз до Вашего отъезда в Орел,⁸ — но и Вас прошу не лениться и*** в свободные минуты перебрасываться со мною несколькими строками. Доставите мне этим большое удовольствие. Пожалуйста, не забудьте дать мне Вашего адреса в Орле. До следующего письма.

Искренно и глубоко к Вам привязанный

Е. Ф<еоктистов>.

На обороте письма:

Орловской Губернии, в г. Мценск. Доставить в с<ело> Спасское, Г<-на> Тургенева.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

На обратном листе письма, напротив адреса — два отчасти сохранившихся почтовых штемпеля: 1) *[Москва [ноя]бр. 16;* 2) *Мценск. 18 1853.*

¹ Тургенев помог Феоктистову деньгами (см. письмо от 2 ноября 1853 г. (№ 32)).

² См. 2-е и 3-е примечания к письму № 32.

³ О служебной карьере Феоктистова см. во вступ. статье к публикации (ч. I. С. 142), см. также 1-е примечание к письму № 32.

⁴ Реакция на неизвестное письмо Тургенева, присланное, как видно, в ответ на письмо Феоктистова от 2 ноября 1853 г. (№ 32). В настоящем письме Феоктистов вновь намекает на события, последовавшие за публикацией статьи Тургенева о смерти Гоголя (...*известная история...*). Подробнее см. вступ. статью (ч. I) и примечания к письмам от 12 сентября 1852 (№ 20) и 2 ноября 1853 г. (№ 32).

⁵ Вероятно, Николай Христофорович Кетчер, о нем — 6-е примечание к письму от 24 февраля 1851 г. (№ 2, ч. I).

⁶ «А на днях пошлю вам небольшую вещь...», — писал Тургенев 6 октября 1853 г. Анненкову. «Вещь», «невиннес которой и азбуки не бывает», он обещал выслать Панасву и Некрасову, предназначая ее для «Современника» (см. письмо от 16, 17 октября). В эти же, октябрьские дни он снова подтвердил свое обещание Анненкову: «Моя вещичка отправится к Вам через 10 дней — поручаю ее в Ваши руки». Безымянное произведение фигурирует и в ноябрьских письмах (см.: Анненкову от 2 ноября: «...небольшая моя штука, о которой я писал Вам, совсем на мази — Вы ее скоро получите»; 20 ноября: «Присылка новых „Приятели“ — не помешает присылке другой моей вещи, которая явится к Вам, как только окончится» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 255, 265, 267, 271, 279). По мнению М. К. Клемана, речь в переписке Тургенев идет о краткой, в несколько строк, рецензии на сборник «Слобожане. Малороссийские рассказы» Г. П. Данилевского, появившейся (анонимно) в первом номере «Современника» за 1854 г. (Там же. С. 536; *Т. Сочинения. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 523, 677). См. также 1-е примечание к письму Анненкова к Тургеневу от 14 октября 1853 г. (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, I.

* лучше поздно, чем никогда (*франц.*).

** Здесь, как и в других случаях подобного рода, в квадратные скобки заключены части слов или слова, утраченные из-за повреждения бумаги сургучной печатью.

*** Далее начато: <время> от вр<емени>

С. 317). Очевидно, Леонтьев имел в виду повесть «Два приятеля», работа над которой началась 15 октября и вечером закончилась 17 ноября 1853 г. (опубликована в 1854 г., в первом номере «Современника») (Там же. С. 624; *Летопись (1818—1858)*. С. 248—249, 251). В этом контексте принципиальные строки из письма Тургенева к Анненкову от 20 ноября 1853 г.: «А со мной случилось следующее. Вместо того, чтобы кончить вещь, о которой я писал Вам, какой-то бес меня обуял, и я в несколько дней настроил довольно большую повесть, которую вчера отдал переписать, и на следующей неделе пошлю к Вам. <...> Вещь эта называется „Два приятеля”» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 278). В сознании Леонтьева эта повесть связалась с изустными воспоминаниями Тургенева (в декабре 1853 г.): «В рассказах его про Орел — я помню многое, что отозвалось года через два в повестях его „Два приятеля” и „Затишье”» (*Леонтьев К. Моя литературная судьба // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. > / Изд. подгот. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко. СПб., 2004. Т. 6, кн. 1*). С. 52. Далее: *Леонтьев К. Н. ПСС и П*. См. письмо № 34.

⁷ Справку о П. Клемане см. в 9-м примечании к письму от 2 ноября 1853 г. (№ 32). Публикация Феоктистова под заглавием: «Jacques Coeur et Charles VII ou la France au XVe siècle, par P. Clement. 1853 (Жак Кёр и Карл VII, или Франция в XVe столетии, соч. П. Клемана)» — появилась в февральском номере «Отечественных записок» за 1854 г., в отд. V (Иностранная литература). С 45—60. Под текстом подпись: Э<жен> Феоктистов и дата: 12 ноября 1853 года.

⁸ В первых числах ноября 1853 г. Тургенев оповестил своих корреспондентов о намерении провести зиму в Орле, что открывало ему возможность побывать, в частности, на дворянских выборах. С этой целью он решил купить дом в Орле и переехать туда в конце ноября или в первых числах декабря. О своих планах он писал 5 ноября И. Ф. Минницкому, на следующий день — А. П. Свечину, П. В. Анненкову («Квартира поместительная, и если б Вы вздумали присхать на выборы (которые начнутся 1 февраля) — Вам было бы очнь удобно у меня» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 272, 273, 275). Позже, 14 ноября, своими планами он поделился и с С. Т. Аксаковым: «Я, кажется, уже писал Вам, что я намерен переехать на зиму в Орел (я выезжаю отсюда после Николина дня)» (Там же. С. 275). Однако известие об официальном завершении ссылки, за которым последовал срочный выезд в Петербург, изменило ход жизни Тургенева. «Дом в Орле стал теперь не нужен — потому что если я приеду, то только на выборы», — сообщил он 23 ноября дяде Н. Н. Тургеневу, в руки которого и передал свое хозяйство (Там же. С. 280).

34

30 ноября (12 декабря) 1853 г. Москва

30 ноября.

Милый, неоцененный Иван Сергеевич, — верить ли общему слуху? Говорят, положение Ваше изменилось к лучшему,¹ и говорят это наверно. Вы поверите, что никто так не обрадовался этой счастливой вести, как я. Теперь только и дума — как бы Вас увидеть. Все утверждают, что Вы приедете в Москву² — и я с трепетанием сердца, жду сей блаженной минуты. Ради Бога, отвечайте мне скорее,* думаете ли Вы быть в Москве и когда? Ничего не хочу знать о Вас, ничего мне не пишите, кроме этих строк: буду тогда-то, остановлюсь там-то, — и с меня будет довольно. Вы видите, как я счастлив мыслью скорого с Вами свидания и надеюсь, что Вы не заставите меня ждать Вашего ответа.

Я так занят только одною этою мыслью, что ничего не могу сказать еще: разве то, что Островскому повсюду учреждают оваии и он повсюду читает свою комедию,³ как говорят, заключающую в себе большие досто-

* Далее начато: когда

инства. Леонтьев (студент) начал часто ходить к нам и совсем переменялся — прост, любезен, мил и т. д. Всё читает свои произведения⁴ — есть что об них сказать, но после.

Ответьте же мне поскорее. Я в* затруднении — оттого, что не знаю, должен ли Вам писать много, ибо скоро надеюсь Вас увидеть. Разрешите мои сомнения — к лучшему. Не правда ли?..

Весь и всегда Ваш

Е. Феокт<истов>.

Графиня всё нездорова — просила мне сказать Вам, что дружески жмет Вам руку и очень желает Вас видеть.

На обороте письма:

Орловской губернии в город *Мценск*.

Доставить в с<ело>Спасское, г<-на> Тургенева.

Его Высокоблагородию Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Год уточнен по почтовому штемпелю: *Москва. 1853 ноябр. 30*, а также по содержанию письма — см. последующее примечание. На правом поле рукой неустановленного лица карандашная помета: *1853*.

¹ 24 октября 1853 г. Тургенев, по совету гр. А. К. Толстого, обратился к начальнику штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельту с просьбой «повергнуть к стопам государя императора» «всеподданнейшес прошение» о разрешении «присзда в столицы для совещания с опытными врачами» (*Летопись (1818—1858)*. С. 248, 249). 31 октября Дубельт сообщил ему, что главный начальник III Отделения А. Ф. Орлов не поддержал прошнис. 17 ноября 1853 г. Тургенев, вновь с побуждения А. К. Толстого, обратился непосредственно к Орлову об исходатайствовании перед государем если не полного прощения, то хотя бы разрешения побывать в Москве или в Санкт-Петербурге для консультации с врачами. Этим же днем помсчено письмо Толстого к Тургеневу с поздравлением по поводу дарованного ему прощения и разрешения вернуться в Петербург (Там же. С. 251). На следующий день Анненков написал в Спасское: «Вчера разнесся слух, что Вы прощены». 23 ноября Тургенев получил официальное письмо за подписью гр. Орлова с разрешением вернуться в Петербург. В этот же день о перемснах в своем положении он написал С. Т. Аксакову (в письме, начатом 20 ноября), Анненкову (от 28 ноября, с сообщением, что покинет Спасское 3 декабря) (Там же. С. 252, 253). Не позднес 9 декабря 1853 г. Тургенев вернулся в Петербург (Там же. С. 254).

² Сообщив С. Т. Аксакову 20, 23 ноября 1853 г. о своем возвращении в столицу, Тургенев написал и о намерении заехать ненадолго в Москву: «...на этот раз я в Москве не могу остановиться более, чем на день...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. С. 279). Однако в летописной хронике начала декабря отсутствует факт пребывания Тургенева в Москве. Весной 1854 г., то есть во время его первых (после ссылки) поездок из Петербурга в Спасское, летопись фиксирует два московских визита Тургенева — в апреле (встреча с И. Е. Забелиным) и в мае (на этот раз он повидался с К. Н. Леонтьевым и выехал в Абрамцево — к Аксаковым) (*Летопись (1818—1858)*. С. 263, 264—265).

³ В ноябре 1853 г. Островский закончил комедию «Бедность не порок», задумав и начав ее летом этого же года (первая редакция носила название «Гордым Бог противится»). Премьера состоялась на сцене Малого театра в Москве 25 января 1854 г., первый петербургский спектакль разыгран труппой Александринского театра 9 сентября (Даты жизни и творчества А. Н. Островского // *Островский*. Т. 16. С. 364—365). В 1854 г. пьеса вышла отдельной книгой (Там же. Т. 1. С. 411). Новое произведение вызвало острый интерес и споры, задсававшие глубинные социальные и нравственные проблемы. Отправляя комедию Ф. А. Бурдину в Петер-

* *Далее начато*: ст<рашном>

бург, после первых публичных чтений пьесы в московских литературных кругах, Островский писал ему: «Уже в чтении эта пьеса имела в Москве такой успех, какого не имела до сих пор ни одна моя комедия» (там же. Т. 14. С. 42; дата: 1 декабря 1853). На следующий день он сообщил М. П. Погодину: «Вот и опять торжество, и торжество небывалое. Успех последней моей комедии превзошел не только ожидания, но даже мечты мои...» (там же. С. 43). Это признание было воспринято драматургом как своего рода оправдание переживаний, выпавших на его долю в связи с крепнувшими в Москве «дикими» слухами о том, что пьесы, по его выражению, «пишу не я, а кто-то за меня...» (там же. С. 42). Эту же мысль он высказал Погодину: «Я очень рад такому сочувствию, оно меня вознаградило за неприятности, перенесенные мною в последнее время» (там же. С. 43). О начальной стадии интриги (Островский — Горев-Тарасенков) и ее развитии см. в 4-м и 5-м примечаниях к письму Феокистова от 2 ноября 1853 г. (№ 32). Упоминания этой пьесы в письмах Тургенева см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 13, 14, 16.

⁴ В салон Е. Салиас Леонтьева ввел Тургенев осенью 1851 г. В письме к Н. Н. Страхову от 19 ноября 1870 г. Леонтьев набросал одну из сцен в этом доме с речами, характерными, по его свидетельству, для той среды, которая окружала его в начале 1850-х гг.: «Тургенев, сидя (в 52 или 53 году) у Мад<ам> Евг. Тур вместе со мной — сказал при Феокистове, при Корше, при професс<оре> Кудрявцеве, что он истинно *нового Слова* ждет только от Графа Толстого и от меня» (*Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба / Примечания О. Л. Фетисенко // Леонтьев К. Н. ПСС и П.* Т. 6, кн. 2. С. 276). Эту же сцену Леонтьев воссоздал в «Моей литературной судьбе» (см.: Там же. Т. 6, кн. 1. С. 52—53). На суд Салиас и ее кружка Леонтьев вынесил свои произведения, в частности первый набросок к роману «Подлипки» (датируется 1852 или 1853—1861 г., см.: Там же. Т. 1. С. 664). Он рассказывал Страхову: «... вот я помню еще: — написал я первое письмо Подлипок с восторгом, с жаром утром, и в тот же вечер прочел это описание зимы в деревне у мад<ам> Тур. — Выслушав — она воскликнула: „*Quel magnifique tableau du genre!* <Какая великолепная жанровая сцена! — *франц.*>. Самые первые из русских поэтов с удовольствием подписали бы под этим свое имя!“ Профессор Кудрявцев сказал: *да, это правда!* (мне же теперь это не нравится, ибо много реализма но это другое дело)» (Там же. Т. 6, кн. 2. С. 276—277), ср. со сценой чтения этого же отрывка из «Подлипок» («Зимнее утро...») в «Моей литературной судьбе» (Там же. Т. 6, кн. 1. С. 47). Время общения с Салиас и ее окружением осталось в сознании Леонтьева как солнечное, когда его слово откликнулось в других, и эта связь духовно его поддерживала: «Хорошо было Пушкину, Ж. Санду, Гёте, Тургеневу и друг<им> меньшим и большим (это все равно) менять направления и приемы, когда 1000 голов их руководили, разбранивали, увлекали, оскорбляли, радовали и т. д., — писал он Страхову. — Нет — Вы попробуйте наедине с самим собою *менять кожу*, как я менял ее от 61 до 71 года! Это трудно! *И душа моя* говорит мне, что я бы показал что я такое, если бы мне улыбнулось солнце, хоть на 1/2, как оно улыбалось мне, когда мне было 22 года в Москве и когда я этой улыбки был еще недостоин. Помню, Катков за маленькую повесть „Благодарность“, напечатанную в Московских Ведомостях (в 52 или 53 год), прислал мне хорошие деньги с Феокистовым и извинялся, что средств у редакции очень мало и что Грановскому столько же платят за столбец, сколько мне» (*Леонтьев К. Избранные письма. 1854—1891.* СПб., 1993. С. 78; сверено по автографу). Решающую роль в публикации повести, по свидетельству Леонтьева, сыграла Салиас: она «жалела мою повесть; — она взяла у меня рукопись и дала ее Каткову. Катков прочел ее и сказал ей так: „Большая зрелость таланта; — странно даже, что у такого молодого человека это так *не-лично* и даже равнодушно и несколько холодно. — Я надеюсь ее напечатать“» (*Леонтьев К. Н. ПСС и П.* Т. 6, кн. 1. С. 54). Поздние отзывы Леонтьева о Салиас согреты симпатией. В 1877 г., обращаясь к Всеволоду Соловьеву с просьбой выслать оттиски его повести, отрывок из которой восхитил его тем, что «в нем язык такой простой и благородный, чуждый всех тех юмористических грубостей, от которых извываться не могут ни Тургенев, ни Достоевский, ни даже Толстой», Леонтьев писал: «...а уж Сальяс <Евгений Андреевич Салиас де Турнемир. — Э. Г.> — так тот доводит меня до бешенства тем, что портит так этой топорной формой свой, несомненно, *поэтический* и положительный по направлению талант. — Хоть бы он у бедной матери своей поучился говорить просто и изящно. — По-моему у нее в повестях *язык* почти безукоризненный, и, вероятно, потому она теперь так и забыта нашей гнусной публикой и еще более гнусной критикой...» (*Леонтьев К. Избранные письма.* С. 140; сверено по автографу).

3 (15) апреля. 1855 г. Москва

3 апреля, 1855. Москва.

Мой милый Тургенев, — пишу к Вам, это письмо по делу, — впрочем, успокойтесь, не по моему собственному. С. В. Шумский¹ просит меня обратиться к Вам с следующим предложением. Комедия Ваша: «Нахлебник» — некогда не принятая цензурою для сцены,² теперь, вероятно, пройдет, если Вы еще раз представите ее на рассмотрение.³ Он просит Вас* позволить ему взять эту комедию для своего бенефиса.⁴ Распределение ролей — вполне будет зависеть от Вас. Он думает, что до сих пор еще никто не обращался к Вам с этою просьбою, — а я уверен, что если дело возможно, то Вы согласитесь на него, потому что знаю, как Вы цените талант Шумского.⁵ Если Вам захочется сделать в комедии некоторые поправки, то это, разумеется, зависит от Вас, и он согласен ждать сколько угодно, если только Вы дадите ему вперед свое обещание.

Я прошу Вас отвечать мне на это письмо,⁶ ибо он весьма интересуется результатом. — У нас, в Москве, ходят слухи, что в последнее время Вам в Петербурге весьма приятно.⁷ От чистого сердца — дай Бог! У нас тут всё по-прежнему — то есть прежняя скука. Надеюсь, что Вы не проедете в деревню чрез Москву — *incognito*, и дадите мне** знать об Вашем приезде, который, вероятно, будет скоро.⁸ Ведь уж весна во всей красе. Конечно, она принесла Вам здоровье. Прощайте. В ожидании ответа Вашего остаюсь

Весь Ваш

Ев. Феоктистов.

Может быть, Вы забыли мой адрес: В Старой Конюшенной, в приходе Иоанна Предтечи, дом Романова, кварт<ира> Гр. Сальяс.

Правда ли, что Государь, встретивши Вас на улице, обратился к Вам с весьма благосклонными для Вас словами и был вообще к Вам очень милостив. У нас об этом говорят.⁹ Уведомьте, пожалуйста. —

¹ О Шумском (Чеснокове) Сергее Васильевиче — 8-е примечание к письму Феоктистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. 1).

² «Нахлебник» (первая редакция) был написан в 1848 г. и предполагался для третьего номера «Отечественных записок» 1849 г., но 22 февраля был запрещен цензурой к печати и надолго остался в портфеле писателя. Столь же трудной была сценическая судьба комедии. Изначально Тургенев предназначал ее для М. С. Щепкина (см. статью и примечания к «Нахлебнику» Ю. Г. Оксмана и др.; *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 586, 587; также — письмо Тургенева к А. А. Краевскому от 7 (19) января 1849 г. с просьбой при публикации предварить текст комедии посвящение Щепкину (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 1. С. 589)) и желал видеть ее в бенефис актера (предполагался 31 января 1849 г.). Однако ввиду задержки разрешения театральной цензуры «Нахлебник» не мог выйти на сцену в день бенефиса. В. П. Боткин 9 февраля 1849 г. так объяснил Краевскому суть событий: «Пьеса эта не запрещена еще формально театральною цензурою; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, след., она к бенефису его и не могла поспеть» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 590). 10 сентября

* Далее начато: отд<ать>

** Далее начато: об <этом> знать>

1849 г. управляющий III Отделением утвердил рапорт театрального цензора о запрещении «Нахлебника» к постановке на сцене и таким образом надолго закрыл путь комедии к зрителю. Справку о судьбе «Нахлебника», соотносенную с эпизодом чтения комедии в салоне Салиас см. в 8-м примечании к письму Феокистова от 30—31 марта 1851 г. (№ 5, ч. I).

³ Просьба Шумского, скорее всего, была вызвана надеждами на позитивные перемены в обществе после смерти Николая I (18 февраля 1855 г.), тем более что по воле нового императора был упразднен «негласный» комитет, осуществлявший высший надзор над литературой и прессой. Эти же настроения владели Некрасовым, когда 12 августа 1855 г. он сообщил Тургеневу: «Знаешь ли, теперь можно тиснуть твоего „Нахлебника“...» (*Некрасов*. Т. 14, кн. 1. С. 211). К лету 1856 г. у петербургских соратников Тургенева созрел замысел двухтомного издания всех его «сцен и комедий», с предварительной публикацией «Нахлебника» в «Современнике». В составленном Некрасовым 6 августа 1856 г. распоряжении, предназначенном для Д. Я. Колбасина, значилось: «Комедии Тургенева издать в 2-х томах, в формате „Повестей“...» (Там же. Т. 13, кн. 2. С. 129); см. также письмо Некрасова к Боткину, написанное несколько раньше — в конце июля 1856 (Там же. Т. 14, кн. 2. С. 27). В конце года Чернышевский в анонимной статье сообщил читателям некрасовского журнала о предстоящем выходе в свет сборника драматических произведений Тургенева (*Современник*. 1856. № 11). Отправка в Петербург комедии, по словам Оксмана, «задерживалась с месяца на месяц из-за несогласия Тургенева печатать „Нахлебника“ в прежней редакции и отсутствия у него досуга для работы над правкой устаревшего, с его точки зрения, текста» (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 1. С. 594). В конечном счете текст 1848 г. был переработан, но в новой редакции комедия с учетом требований цензуры появилась лишь в 1857 г. в мартовской книге «Современника» под новым заглавием «Чужой хлеб» (замысел же сборника драматических произведений Тургенева остался не осуществленным). 19 декабря 1856 г. Щепкин обратился к П. В. Анненкову с просьбой переговорить с театральными цензорами и с начальником репертуарной части Императорских театров о возможности поставить «Нахлебника» на сцене (под другим названием) в его бенефис, назначенный на 13 января 1857 г. (см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 596—597). Но уже 29 декабря 1856 г. Анненков сообщил Тургеневу: к «бенефису комедия не поспела» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 524). Несмотря на все усилия (поездка Шумского осенью 1857 г. в Петербург, хлопоты влиятельных лиц (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 597)), преодолеть сопротивление цензуры не удалось. Прошло еще пять лет, прежде чем комедия была показана зрителю в бенефис М. С. Щепкина (не в редакции 1861-го, а в журнальной, 1857 г. — с целью избежать контакта с цензурой) 30 января 1862 г. в Москве (Большой театр). Бенефициант сыграл роль Кузовкина, Шумский — Тропачева. Но и московский, и петербургский (7 февраля) спектакли прошли без особого успеха, что сам Тургенев объяснил несценическим характером своей пьесы (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 2. С. 596—601).

⁴ Шумский вынужден был изменить программу своего бенефиса. Дневник Александра Сухова-Кобылина позволяет проследить ход событий, предшествующий бенефисному спектаклю. Уже 28 мая 1855 г. после прочтения А. В. Сухова-Кобылиным «Свадьбы Кречинского» (в присутствии Корша, Феокистова, Лохвицкого и др.) Шумский просит комедию, по вырженно драматурга, «себе на бенефис». 15—16 июня Шумский снова слушает ее в доме Сухова-Кобылина вместе с Ленским, Садовским и др. 18 июня драматург вносит в дневник строки: «Я кончил Комедию и отдал ее Шумскому». 21 ноября — после просмотра первой репетиции пьесы — на обеде у Сухова-Кобылина (присутствовали — братья Феокистовы, Шумский, Щепкин, Лохвицкий, Корш) Евгений Феокистов заявляет, что «Свадьба Кречинского» приобретает значение не просто театральной пьесы, но высокого литературного произведения, что и составит главную мысль его статьи «в газеты» (Дневник А. В. Сухова-Кобылина // Дело Сухова-Кобылина / Сост., подготовка текста В. М. Селезнева и Е. О. Селезневой. Вступ. ст. и комментарий В. М. Селезнева. М., 2002. С. 252—253, 263, 265). Бенефис Шумского прошел 28 ноября 1855 г. На сцене московского Малого театра была исполнена «Свадьба Кречинского», в которой Шумский сыграл Кречинского, Щепкин — Муромского, Садовский — Расплюева. Уже в канун спектакля «Московские ведомости» предрекали успех выбранной для бенефиса программе и прежде всего — пьесе Сухова-Кобылина: «В нашей газете уже было упомянуто об этой пьесе и ее достоинствах. С тех пор, как нам известно, комедия эта была не раз читана в различных кружках нашего общества и возбудила много толков, которые все клонились в ее пользу; одобрение было громкое и единодушное. Мы думаем, что эта пьеса еще более выиграет в исполнении, ибо исполнителями ее будут наши лучшие артисты <...> можно заранее обещать ей полный и блестящий успех» («Без подписи»). Несколько слов о предстоящем бенефисе

г. Шумского // Московские ведомости. 1855. 26 ноября, № 142. С. 583. Рубрика: «Зрелища»; по предположению В. М. Селзэнса, автор заметки — Феокистов, см.: *Дневник А. В. Сухово-Кобылина*. С. 469). Фельетонист той же газеты свидетельствовал: пьеса Сухово-Кобылина «была исполнена почти безукоризненно» и «имела полный, заслуженный успех», предвещающий ей долгую жизнь на сцене (Московские ведомости. 1855. 8 дек., № 147. С. 608). На следующий день после первого спектакля Сухово-Кобылин писал матери: «... впечатленье сильное, успех большой, но мог бы быть больше. <...> Все было набито битком. <...> Садовский-Расплюсов был превосходен — Шумский слаб» (Труды публичной библиотеки имени Ленина. [М.,] 1934. Вып. 3. С. 243—244; письмо от 29 ноября 1855 г.).

⁵ Тургеневскую оценку актерского дарования Шумского см. в 7-м примечании к письму Феокистова от 21 февраля 1851 г. (№ 1, ч. I).

⁶ Далес: *Уведомьте...* — Ответное письмо Тургенева — неизвестно.

⁷ Тургенев вернулся из ссылки в Петербург не позднее 9 декабря 1853 г. (*Летопись (1818—1858)*. С. 254). 13 декабря — в день импровизированного банкета в его честь в редакции «Современника» — Тургенев полушутливо писал С. Т. Аксакову: «Меня здесь все встретили очень любезно и благосклонно — буду стараться, чтобы и впредь эти чувства не изменились» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 2. 283). Но уже 10 февраля 1854 г. он сообщил тому же корреспонденту: «Я здесь веду жизнь хотя не рассеянную — но как-то растрченную на тысячи мелочей и т. д.» (Там же. С. 285). Конкретно о ходе петербургской жизни Тургенева и круге его общения см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 254 и далес.

⁸ 6 апреля 1855 г. Тургенев выехал из Петербурга в Спасское (*Летопись (1818—1858)*. С. 288). С 7 до 12 апреля он — в Москве. Но тургеневская летопись отражает лишь одну его московскую встречу — с А. Н. Островским — 8 апреля (?), в доме драматурга, вечером, около восьми часов (см.: Там же; *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 23).

⁹ Феокистов повторил слухи о встрече Тургенева в Петербурге с Александром II между 19 февраля (смерть Николая I последовала 18 февраля 1855 г.) и началом апреля 1855 г.

36

26 сентября (8 октября) 1858 г. Москва

Москва. 26 сент. 1858.

Любезнейший Иван Сергеевич — вспомнил путь, которым когда-то посылал к Вам свои письма и решаюсь поразить Вас своим посланием в ту минуту, как Вы, вероятно, никаким образом его не ожидаете. Без предисловия приступаю к делу, — ибо Вы, вероятно, догадываетесь, что я хочу говорить с Вами о деле. По возвращении* из-за границы¹ — многие молодые люди — я, Капустин, Вызанный, Лохвицкий, Рачинский и др.,² хотим посвятить все свои силы «Русскому вестнику». Конечно, Вам уже известно, что журнал этот идет теперь как ни один из русских журналов,⁴ но мы убеждены, что ему можно придать еще более достоинства. Разговаривая как-то с Катковым о многочисленных улучшениях, которые он намерен сделать в своем издании с будущего года — мы коснулись его большого места — беллетристики. Хотя «Русский вестник»** идет так хорошо, что было бы совершенно излишне тратиться ему*** на повести, — но Катков сказал мне, что он не остановится ни пред какими пожертвованиями, если бы он мог получить какое-нибудь Ваше произведение. Мысль эта особен-

* *Вместо:* По возвращении — *начато:* По приезде

** *Вместо:* Хотя «Русский вестник» — *начато:* «Журнал»

*** *Было:* ему тратиться

но заманчива теперь, после того, как обязательное соглашение Ваше с «Современником», кажется, рушилось. Вопрос в том, согласитесь ли Вы на это после различных недоразумений, происшедших между Вами и «Русским вестником»?⁵ Я думаю, что едва ли Вы будете помнить так долго эту размолвку, — что касается до Каткова,* то он просит меня сказать Вам от его имени, что он будет в отчаянии, если это помешает ему снова сойтись с Вами. Он просит уверить Вас, что питает к Вам самое глубокое уважение, и, конечно, Вы поверите искренности этих слов, тем более что, как видите сами, он не имеет причин заискивать у Вас для успеха своего журнала. Если ему хочется поместить произведение Ваше в «Русском вестнике», то только именно потому, что он считает его украшением для своего издания, и повторяю, не остановится для этого ни пред какими пожертвованиями. Всё это я говорю Вам от имени самого Каткова.⁶ Если теперь Вы, по каким-то ни было причинам, не можете дать удовлетворительного ответа, — то нельзя ли будет поговорить с Вами об** этом лично, во время Вашего проезда чрез Москву. Каткову чрезвычайно хочется видеть Вас и Вы очень бы одолжили, если бы предупредили, когда будете в Москве.⁷ —

Уже месяц, как возвратился я из-за границы,⁸ и заграничная жизнь представляется*** теперь мне, как смутный сон. Столько занятий, что буквально голова идет кругом. Начальство Москов<ского> Универ<ситета> предложило мне, — без всякого со стороны моей ходатайства,**** — место приват-доцента, с тем, чтобы чрез год быть утвержденным профессором. Приготовления к этому и занятия по журналу отнимают у меня всё время. В Москве, впрочем, я нашел всё по-старому, — те же сплетни, те же разговоры, тот же бездарный Корш, с своим бездарным «Атенеум»!⁹ От Орлова я недавно получил большое письмо,¹⁰ пропитанное поэтическим чувством, особенно там, где он сравнивает развитие России с приливом и отливом моря. —

Если найдете время отвечать мне, то вот мой адрес: *На Молчановке, в доме Лебедева*, на мое имя.

От всей души желаю Вам здоровья и хорошего успеха на охоте.

Весь Ваш

Ев. Феоктист<ов>.

Ответное письмо Тургенева неизвестно. Дата исправлена, скорее всего самим Феоктистовым: вместо *26 сент<ября>* было — *10 <?> сент<ября>*

¹ Осенью 1856 г. Феоктистов выехал за границу. Он вспоминал: «Первая книжка „Русско-го вестника“ появилась в январе 1856 года, а осенью того же года отправился я за границу...» (Феоктистов. С. 91). Вернулся он в Москву в августе 1858 г. (Там же. С. 93). Несколько раньше, 21 июля (2 августа) 1856 г., за границу выехал Тургенев (Германия, Франция, Англия, Италия и др.). Дата его возвращения: 4 (16) июня 1858 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 625—626; *Летопись (1818—1858)*. С. 339, 425). Из Петербурга Тургенев проследовал в Спасское-Лутовиново.

* *Далее начато*: то он просит Вас

** *Вместо*: об — было: при

*** *Вместо*: и заграничная жизнь представляется — было: а. *начато*: и заграничная жизнь сов<сем> б. и заграничная жизнь представляется уже

² *Капустин Михаил Николаевич* (1828—1899) — профессор Московского университета по кафедре международного права, позже — директор Демидовского лицея в Ярославле, попечитель Дерптского, а затем Петербургского учебных округов. *Вызинский Генрих Викентьевич* (1834—1879) по окончании Московского университета и получении степени магистра всеобщей истории (в 1857 г.) приступил к преподавательской работе при кафедре всеобщей истории, сотрудничал в «Русском вестнике» и других изданиях. На рубеже 1850—1860-х гг. в московском, а позже — парижском салонах Салиас, играл заглавную роль (см.: *Феоктистов*, по указателю). В конце 1862 г. переведен в Варшавскую Главную Школу. Принял участие в восстании. В годы эмиграции сотрудничал в польской прессе, а также в «*Journal des Dйbats*» и др. французских изданиях (Там же. С. 75). Далее см. письма и примечания к ним от 9 июля (№ 38), 28 ноября (№ 40) 1860 г. *Лохвицкий Александр Владимирович* — см. о нем в ч. I: вступ. статью (с. 147), примечания к письмам: от 1 марта, 17—18 марта 1851 (№ 3, 4), в ч. II: от 12 сентября 1852 (№ 20), 8 января, 4 февраля, 18 февраля 1853 г. (№ 22, 23, 24). *Рачинский Сергей Александрович* (1836—1902) — ботаник, профессор Московского университета.

³ В конце 1855 г. «Московские ведомости» сообщили о выходе в Москве с 1 января следующего, 1856 г. нового периодического издания «под старым названием» — «Русский вестник» (в двух книжках ежемесячно). Издателем и редактором журнала был объявлен М. Н. Катков, его «сотоварищами» «по трудам редакции» Евгений Федорович Корш, Петр Николаевич Кудрявцев, Павел Михайлович Леонтьев (см.: Об издании нового журнала, учено-литературного и политического // *Московские ведомости*. 1855. 22 ноября, № 140). В список писателей, ученых, публицистов, обязавшихся содействовать редакции «Русского вестника», вошли, в частности, Тургенев и все перечисленные Феоктистовы в письме (кроме Вызинского), личности. Первые работы Феоктистова в журнале Каткова появились с весны 1856 г. («Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862)): В 2 кн. Л. . 1990. Кн. 2 . С. 39—40). Публикации указанных Феоктистовым «молодых людей» см. в этом же справочнике: Кн. 1. С. 32—33, 18—19; кн. 2. С. 6, 24.

⁴ В объявлении «Об издании „Русского вестника“, журнала литературного и политического, в 1857 году» Катков сообщал: «Общественное сочувствие, встретившее новый журнал, не ослабевало в продолжение целого года, и благодаря второму изданию подписка на „Русский вестник“ за истекший год продолжается еще и теперь, вместе с подпискою на будущий, которая уже давно открылась, предупредив наше объявление. Успех превзошел самые смелые ожидания Редакции, и она не может не видеть в нем доказательства, что угадала существенную потребность публики, и что „Русский вестник“ в нашей литературе явление не лишнее и не бесполезное» (*Московские ведомости*. 1856. 22 ноября, № 140. Разд. «Объявление» к номеру, подпись: М. Катков). Н. Г. Чернышевский, вспоминая о начальной поре «Русского вестника», имел основание назвать ее «блестящей» (*Современник*. 1860. № 6. Отд. «Свисток». С. 249).

⁵ В 1856 г. редакция «Современника», мотивируя свое решение интересами авторов, читателей и материальными потребностями издания, заключила с четырьмя своими сотрудниками, в том числе и с Тургеневым, так называемое «обязательное соглашение», в соответствии с которым они обязывались помещать свои произведения только в этом журнале (Об издании «Современника» в 1857 году // *Московские ведомости*, 1856, 1 ноября, № 131. Разд. Прибавление к № 131. Подписи: И. Панаев и Н. Некрасов). Десятый, октябрьский, номер «Современника» (1856) вышел с объявлением на обложке: «С 1857 года будут принимать в „Современнике“ исключительное и постоянное участие: Д. В. Григорович, А. Н. Островский, граф Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев». Катков в объявлении «Об издании „Русского вестника“, журнала литературного и политического, в 1857 году» (см. примечание выше) сообщил, что в будущем году из состава сотрудников его журнала выбывают не только Аксаковы, которые намерены целиком посвятить себя «Русской беседе», но и еще четыре литератора (из них поименно он назвал только двоих — И. С. Тургенева и графа Л. Н. Толстого (Л. Н. Т.)), которых «Современник» объявил своими «исключительными сотрудниками». В подстрочнике он писал: «Заключение формального обязательства и оглашение его публике имело свою причину, сколько можно заключить из упомянутого объявления, желание поддержать, при опасностях усилившейся конкуренции, тот журнал, в котором и без того первый из поименованных литераторов преимущественно, а второй исключительно печатали до сих пор свои труды». В глазах Каткова соглашение выглядело тем более странным, что Тургенев воспринял появление «Русского вестника» с «живым сочувствием»: «Он вызвался принимать в нем самое деятельное участие. Для „Русского вестника“ был им предпринят особый труд. В письме своем к редактору он

предлагал объявить заблаговременно, что в одной из первых книжек „Русского вестника“ будет помещена его повесть под заглавием „Призраки“ (вероятно, весьма сходная по содержанию с рассказом, который появился в сентябрьской книжке «Современника» под заглавием «Фауст»)» (Московские ведомости. 1856. 22 ноября, № 140. С. 583. Разд. «Прибавления» к номеру). 4 (16) декабря 1856 г. Тургенев из Парижа обратился к редактору «Московских ведомостей» с открытым письмом, сосредоточив внимание своих читателей на том, что между обещанной «Русскому вестнику» повестью («Призраки») и опубликованным в «Современнике» «Фаустом» нет никакого сходства (Письмо к Редактору // Московские ведомости. 1856. 18 дек., № 151. Литературный отдел. Подпись: Иван Тургенев; то же: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 155—156). Необходимость своего выступления в газете он объяснил М. Н. Лонгинову: «... я не мог оставить намека Каткова (на то, что «Фауст» — персонеты «Призраки») без ответа» (Там же. С. 156). В ответном письме Катков принес Тургеневу «чистосердечные извинения», но заявил, что он не был обязателен в общении с редакцией «Русского вестника» и, нарушая сроки, не представил читателям обещанное произведение. При этом Катков сослался на сохранившееся у него письмо («записку») Тургенева от 28 ноября 1855 г. с заверением: «рассказ» под названием «Призраки», предназначенный для первого номера «Русского вестника», «готов будет к 15-му и непременно уже к 20-му декабря <1855 года. — Э. Г.>, и тотчас же перешлетя» (Письмо к Редактору // Московские ведомости. 1856. 20 дек., № 152. Литературный отдел. Подпись: М. Катков). В следующем открытом письме к редактору «Московских ведомостей» (Московские ведомости. 1857. 1 янв., № 7; то же: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 175) Тургенев, по его собственному выражению, взял вину на себя (письмо к Лонгинову от 1 (13) января 1857 г. // Там же. С. 176). Но и это письмо не завершило диалог. Катков обратился к Тургеневу с новым посланием (Московские ведомости. 1857. 24 янв., № 11), поводом к которому послужили «Заметки о журналах. Декабрь 1856» (Современник. 1857. № 1. Отд. V. С. 166—185). В этих заметках, изложив ход спора, Чернышевский дал нравственную оценку «странной выходке» Каткова, допустившего «оскорбительные намеки» и легко устранимые подозрения. В «чистосердечном извинении» перед Тургеневым он увидел подлинную суть ответа редактора «Русского вестника» (см. Там же. С. 185).

⁶ Катков стремился через Феоктистова заполучить «Дворянское гнездо», работа над которым началась в Спасском в середине июня 1858 г. (последние исправления в текст были внесены в декабре уже в Петербурге) (*Т. Сочинения. (2-е изд.)*. Т. 6. С. 376). 11 октября 1858 г. Тургенев обратился к Некрасову с предложением предоставить свой новый роман «Современнику», но с условием, чтобы ему было возвращено ранее данное позволение на второе издание «Записок охотника». В письме при этом сообщалось: «... а ты только дай мне знать теперь свое решение — потому что я получил предложение от „Русского вестника“ с разными любезностями и т. д.» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 342; ответ см.: Некрасов. Т. 14, кн. 2. С. 116, письмо от 17 октября). В конечном счете Некрасов увеличил гонорар за «Дворянское гнездо», но оставил за собой право на издание «Записок охотника», позже выгодно перепродал его И. В. Базунову (см. примечание к указ. письму, с. 243; также: *Тургенев и круг Современника*. С. 123—124). Строки («... я получил предложение от „Русского вестника“...») дают возможность предполагать, что около 11 октября 1858 г. Тургенев получил письмо от Каткова (неизв.) с просьбой передать «Дворянское гнездо» в «Русский вестник». Однако в *Летописи (1818—1858)* после даты: (Около (?) 11 (23) октября) и слов «Получает письмо (неизв.) от Каткова (?)...» Н. С. Никитина правомерно поставила знак вопроса (с. 434). В данном контексте несомненное значение приобретает публикуемое письмо Феоктистова, которому в эту пору была доверена роль посредника между редактором и Тургеневым («... он <Катков. — Ред.> просит меня сказать Вам от его имени...»). См. следующее примечание.

⁷ Около 10 ноября 1858 г. по дороге из Спасского в Петербург Тургенев остановился в Москве (до 14 ноября), где увиделся с Боткиным, А. А. Фетом, М. Н. Лонгиновым, Е. В. Салиас де Турнемир (*Летопись (1818—1858)*. С. 435—436). В эти дни он встретился и с Феоктистовым. Содержание их беседы, свидетельствующее о том, что и на этот раз Феоктистов выступал в роли доверенного лица редактора «Русского вестника», Тургенев передал Каткову в письме от 10 декабря 1858 г. (возможно, и после изустного (через посланца) или письменного (неизв.) обращения Каткова): «Благодарю Вас за Ваши предложения и не могу не изъявить снова своего сожаления о том, что не виделся с Вами в Москве по милости той самой болезни <...> — Повторяю Вам то, что я сказал Феоктистову: будущую мою повесть <то есть «Накануне». — Э. Г.> пишу для „Русского вестника“; должно надеяться, что она будет готова к осени. — Статью о Гамлете и Д<он>-Кихоте, за которую я принялся теперь, также готов Вам отдать, если

только г-да редакторы „Современника”, которые ес уже два или три р<аза> общали своим подписчикам, согласятся» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 3. С. 350—351, примечания. С. 615). В письме к Некрасову (датируется комментаторами: «Ноябрь (нс ранее 10, ст. ст.) — декабрь 1858») также слышится отзвук беседы Тургенева с Феокистовым, результатом которой был отказ передать «Дворянское гнездо» «Русскому вестнику» и обещание предоставить ему свой следующий роман: «Когда я в Москве отказался от предложений Каткова, я это сделал для того, чтобы, во-1-х) сдержать слово, тебе данное, а во-2-х) — я знал, что этим ничего не теряю <...> С твоей стороны ты не лишасься *затраченных денег, и возможных прибылей*; но ты сообрази также то, что если бы „З<аписки> о<хотника>” были тобою уже проданы, я бы, разумеется, принял предложение Каткова <...> повторяю, не сердись на меня за мое колебание...» (Там же. С. 357). Это письмо по существу означало конец финансовым расчетам Тургенева с «Современником» и открывало пути к сотрудничеству с другими изданиями. Еще в октябре 1858 г. он писал А. В. Дружинину: «... ставши совершенно свободным, я прежде всех других журналов буду думать о „Библиотеке”» (Там же. С. 341). Предвкушение свободы, в частности от тяготивших соглашений и финансовых обязательств, ощущается и в выше процитированном письме Тургенева к Каткову от 10 декабря 1858 г. Завершающая его фраза, как и письмо в целом, открывала новую фазу в отношениях с Катковым: «Прошу Вас верить в искренность моего желания участвовать в Вашем прекрасном журнале...» (Там же. С. 351).

⁸ В воспоминаниях Феокистов оставил характеристики Каткова и его среды, а также расказ о деятельности журнала к моменту своего возвращения в Москву (Феокистов. Гл. третья).

⁹ Корш Евгений Федорович (1809 или 1810—1897), брат Валентина Федоровича Корша. Переводчик, журналист, с 1842 по 1848 гт. — редактор-издатель «Московских ведомостей». По возвращении в Петербург редактировал «ведомости Санкт-Петербургской гор. полиции» (1849—1851), с конца 1855 г. принял на себя обязанности соредатора «Русского вестника», однако конфликт с Катковым (подробнее: Чичерин. С. 197—198) побудил его оставить журнал. С января 1858 г. издавал журнал «Атеней», просуществовавший немногим болес года (по апрель 1859), позже служил библиотекарем Румянцевского музея. Характеризуя редакционный состав «Русского вестника», Б. Н. Чичерин вспоминал о Корше как о сложной и противоречивой личности, сотканной из высоких достоинств и очевидных слабостей, определивших падение предпринятого им журнала и разрыв с близкими людьми: «Как только Корш стал во главе журнала, оказалось, что у него инициативы нет никакой. Он мог быть отличным редактором „Московских ведомостей”, когда все дело ограничивалось умною выборкою из иностранных газет, но вдохнуть жизнь в журнал, обсуждать животрепещущие вопросы, чутьем понимать потребности дня — к этому он был решительно не способен. <...> Журнал рухнул, и редактор озлобился. Он сделался капризен и раздражителен, и это отозвалось на самом его образе жизни. <...> У него развился какой-то мелочный либерализм, лишний всякой последовательности и всякой почвы. Таким же капризом отзывались все его суждения об умственных вопросах. <...> Живое общение мыслей и интересов постепенно исчезало, и он, с своей стороны, все болес удалялся от друзей. <...> Он ушел в себя, сделался угрюм и одинок» (Там же. С. 130). В чем-то сходный, но болес односторонний портрет Корша набросан в воспоминаниях Феокистова (Феокистов, с. 91—92). Свод сведений о Корше см.: Зейфман Н. В. Корш Евгений Федорович // Русские писатели. 1800—1917. Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 95—96. Далсе — письмо от 9 июля 1860 г. (№ 38) и 6-е примечание к нему.

¹⁰ От князя Николая Алексеевича Орлова; см. о нсм в 5-м примечании к письму от 20 октября 1860 г. (№ 39).

28 октября (9 ноября) 1859 г. Москва

Москва, 28 окт. 1859.

Пишу к Вам, любезнейший Иван Сергеевич, по делу, касающе<му>ся «Русского вестника». Вы знаете, как дорожит редакция произведением, которое обещали Вы поместить в ее журнале.¹ Можно сказать без преувеличения, что одна из главных надежд ее на успех в будущем году опирается на Ваш роман. Между прочим, Вы видели, вероятно, что в объявлении «Современника» об издании его в 1860 г. и в Заметках Нового Поэта в 10-й (октябрьской книжке) повторяется положительно, что «новое произведение» И. С. Тургенева появится в «Современнике». Мало того, Новый Поэт определяет даже время появления — в январе месяце.² Дело идет, вероятно, тут о какой-нибудь небольшой повести, которую Вы обещали Некрасову и Панаеву.³ Но Вы понимаете, что публика может быть введена в заблуждение и, слыша эти настойчивые повторения редакции «Современника», думает, что по-прежнему будет встречать романы Ваши почти исключительно в этом журнале. Ошибка была бы крайне неприятна для «Р<усского> в<естника>» теперь, в ноябре, когда уже начинается довольно сильно подписка. Посоветуйте, любезнейший Иван Сергеевич, как поступить в столь затруднительных обстоятельствах? Вы знаете, что «Рус<ский> вест<ник>» давно уже* не делает подробных извещений о своем издании в наступающем году, с перечнем статей. Каткова еще нет; ⁴ может быть, по приезде, он решил бы отступить от этого правила ради того, чтобы объявить о Вашем произведении, но для этого нужно знать его название и, хотя приблизительно, когда Вы думаете его окончить.⁵ После выводов «Современника» нельзя уже довольствоваться глухим извещением, что «Ив. С. Тургенев обещал нам повесть», а сказать что-нибудь определенное. Во всяком случае, рассудите сами и посоветуйте, что делать.⁶ Повторяю, повесть или роман Ваш, возбуждает такой интерес в редакции (представляемой теперь г<-ом> Леонтьевым)**⁷ и, вероятно, еще гораздо больший интерес в публике, что нельзя молчать, когда другие твердят на все лады, что роман появится у них. Очень может быть, что Вы не хотели отказать «Современнику» совершенно в своем сотрудничестве и обещали какую-нибудь повесть, но Вы поймете сами уловку этого почтенного журнала. Панаев, в своих заметках, поговоривши о выходе «Дворянского гнезда», извещает тотчас же, что «новое произведение Ваше» будет помещено у них, как будто дело идет о*** единственном произведении, кроме которого Вы ничего не писали в последнее время, и по объему не уступающем «Двор<янскому> гнезду».⁸

О Москве не могу сказать Вам ничего любопытного. Катков и В. Боткин еще не возвращались; жду их на этой неделе. Графиня чувствует себя хуже обыкновенного.⁹ В общественной жизни тишина и сплетни из Петер-

* Вместо: давно уже — было: никогда

** Далее начато: что <?>

*** Далее начато: помещ<ении>

бурга о том, что будто бы Княжевич выходит в отставку, на место Панина назначен Цеймарк, и вроде этого положительного, впрочем, ничего неизвестно.¹⁰

Желаю Вам счастливой охоты, но больше всего, отличного здоровья.
Вам преданный

Ев. Феоктистов.

Мой адрес: В Москву, в Хлебном переулке, в доме Князя Волконского, на мое имя.

¹ Речь идет об обещании Тургенева предоставить «Русскому вестнику» роман «Накануне» (см. о начале переговоров в 7-м примечании к письму Феоктистова от 26 сентября 1858 г. (№ 36)). Беспокойство Феоктистова, как видно, было спровоцировано неясностью сложившейся ситуации. Еще 5 (17) июля 1859 г. из Парижа Тургенев обратился к Каткову с просьбой, в виду неурожая, выслать ему тысячу рублей в счет будущего гонорара за роман «Накануне». При этом Тургенев ставил в известность, что работа «подвигается *быстро*» и он надеется передать рукопись в журнал в ноябре (см.: *Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 160). По прибытии в Англию Катков (см. ниже, 4-е примечание), явно затянувший ответ на письмо Тургенева, через Боткина (также проживавшего на острове Уайт) уведомил, что просьба об авансе выполнена. Катков «сегодня получил письмо от Леонтьева, — писал Боткин Тургеневу, — который изощает его о высылке тебе векселя <...>. Ужасно интересуюсь твоею повестью и жажду от тебя узнать — доволен ли ты сам ею. А Катков не знает, как дожидаться ее» (*Боткин и Тургенев*. С. 158). В процессе переговоров финансового характера (Тургенев предлагал вернуть вексель, но Катков опасался, что таким образом он потеряет обещанное произведение и оно может попасть в руки Некрасова, см.: *Боткин и Тургенев*. С. 156—163) редактор «Русского вестника» получил через Боткина еще одно подтверждение надежности их договора. «Я с удовольствием готов возвратить Каткову деньги — которые мне не нужны, — писал Тургенев Боткину 29 августа (10 сентября), — и он может быть покоен: *мой новый роман будет помещен в „Русском вестнике“* <...> — а я с 15-го числа сентября *нашего* стиля — если бог даст — в России — в Спасском — и не выеду оттуда, пока роман не будет кончен...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 79—80). В ответном письме Каткову от 5 (17) сентября Тургенев снова подтвердил свои обязательства: «Насчет моей повести — повторяю еще раз: она пишется для „Русского вестника“ и только в „Русском вестнике“ явится. Я привезу ее готовую из деревни в Москву 1-го декабря, — следовательно, ничего не помешает ей явиться, начиная с январской книжки» (Там же. С. 83; письмо Каткова из Англии неизвестно). Уже к 23 сентября Тургенев — в Спасском. В течение следующего месяца работа над рукописью продолжилась. К концу октября (ст. ст.), то есть к моменту, когда Феоктистов обратился с письмом к Тургеневу, роман вчерне был завершен (на черновой рукописи романа (в ГПБ) помета: «...Кончена в Спасском, в воскресенье 25-го окт. / 6 ноябр. 1859-го г.» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 487)). Подробнее о движении текста см. в примечаниях А. И. Батюто (*Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 6. С. 434—440). Роман «Накануне» увидел свет в 1860 г. на страницах «Русского вестника» (т. 25, январь: кн. 1 и 2) (см.: Там же. С. 428). Окончательный разрыв Тургенева с «Современником» произошел после появления на его страницах статьи Н. А. Добролюбова о романе «Накануне» («Когда же придет настоящий день?» (Современник. 1860. № 3 (кн. 3). Отд. III. С. 31—72, без подписи, под заглавием: «Новая повесть г. Тургенева («Накануне», повесть И. С. Тургенева. — Русский вестник. 1860, № 1—2)»).

² В объявлении «Об издании „Современника“ в 1860 году» сообщалось: «И. С. Тургенев также обещал „Современнику“ новое свое произведение» (см.: Современник. 1859, № 9, 10. Отд. «Объявления». С. 4). Свой рассказ о текущей петербургской жизни в октябрьском номере «Современника» Новый поэт открыл сообщением: «...все отсутствующие возвратились из своих деревень и из-за границы и между прочими гг. Тургенев и Гончаров. Тургенев пробыл, впрочем, только один день в Петербурге и отправился в свою орловскую деревню, из которой он вернется не ранее ноября. Он обещал новую повесть для „Современника“, которая будет напечатана в первых номерах следующего года» (<Без подписи>. Петербургская жизнь // Современник. 1859. № 10, октябрь. Отд. Современное обозрение. С. 471). В этих же заметках Новый поэт еще раз коснулся Тургенева: «„Обломов“ г. Гончарова вышел отдельно в Петербурге — в двух томах, а „Дворянское гнездо“ г. Тургенева в Москве в одном томе» (Там же. С. 494).

³ В первом, январском, номере «Современника» за 1860 г. вышла статья Тургенева: «Гамлет и Дон-Кихот (Речь, произнесенная 10 января 1860 года на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым)» (историю ее создания и публикации см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 5. С. 506—509).

⁴ Также: *Катков и Боткин еще не возвращались*. — Летом 1859 г. В. П. Боткин принимал морские ванны в Вентноре — у южного побережья Англии, на острове Уайт («...я выехал из России недавно (в Июле)...», — писал он Тургеневу. — *Боткин и Тургенев*. С. 157; подробнее: *Боткин В. Две недели в Лондоне // Русский вестник*. 1860. Т. 25, январь: кн. 1 и 2. С. 297—333). В конце августа 1859 г. в Вентнор прибыл М. Н. Катков и поселился в той же гостинице («Он только с неделю, как здесь и пробудет здесь недели три...», — сообщил Боткин во Францию (Там же. С. 158)). В сентябре (если исходить из английской переписки Боткина) они поочередно покинули остров Уайт и каждый отправился по своему маршруту. Свой предполагаемый путь и время передвижения Боткин обозначил в очередном письме Тургеневу от 13 сентября (н. ст.) 1859 г.: «...я только через 3 дня выезжаю отсюда в Лондон, где пробыв неделю, отправлюсь в Париж, поживу дней 10 или две недели — и направлю путь в Россию, но, вероятно, уже сухим путем через Ковно...» (Там же. С. 163).

⁵ Новое произведение получило название лишь к концу октября 1859 г., то есть к моменту окончания работы над черновой рукописью (о хронологии и ходе работы над романом см. 1-е примечание к данному письму). 23 октября 1859 г. Тургенев сообщил Анненкову: «Конченная повесть (название ей по секрету: «Накануне») будет помещена в „Русском вестнике“ и нигде иначе. Это несомненно — und damit Punctum <и на этом точка — (нем.)>» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 102). Из примечания к этим строкам: «Здесь впервые в письмах Тургенева появляется название его нового романа, установленное, по-видимому, на последнем этапе работы» (Там же. Т. 4. С. 504). Катков, как и предполагал Феокистов, нашел возможность анонсировать роман Тургенева. В декабрьской книге «Русского вестника» появилось следующее обращение к читателю: «В январе за наступающий год должно появиться в „Русском вестнике“ новое произведение И. С. Тургенева («Накануне»). По своему содержанию оно не может дробиться на несколько книжек, и автор, передавая свою рукопись в редакцию, постановил непременно условием, чтоб она была напечатана разом. Но объем этой повести, или, лучше сказать этого романа, так велик, что он не дал бы места никаким другим статьям. Соображая это обстоятельство с давнею потребностью редакции войти в определенные сроки, мы решаемся, вместо двух книжек за наступающий январь месяц, выпустить одну книжку, которая объемом и содержанием своим будет вполне соответствовать двум. С февраля же начнется правильный выход книжек, в половине и в конце месяце» (<Без подписи>. От редакции // *Русский вестник*. 1859. Т. 24. № 12. Отд. Современная летопись, декабрь, кн. 1. С. 275).

⁶ Ответное письмо Тургенева неизвещено.

⁷ *Леонтьев Павел Михайлович* (1822—1874 или 1875) — воспитанник Московского университета (закончил словесное отд. философского факультета в 1841 г.). Сдав магистерские экзамены, в январе 1843 г. выехал за границу (слушал лекции в Кенигсбергском, Лейпцигском, Берлинском и др. университетах, посетил Италию). С мая 1851 г. — экстраординарный профессор по кафедре римской словесности и древностей (подробнее см.: *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекшее столетие <...>*: В 2 ч. М., 1855. Т. 1. С. 453—455), публицист, доверенное лицо и ближайший помощник Каткова по редакционной работе в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». Отличавшийся практицизмом и цепкостью, Леонтьев идеально дополнял нервного, страстного, увлекающегося, часто впадавшего в отчаяние Каткова. Феокистов так характеризовал этот тандем: «Павел Михайлович Леонтьев обладал огромными и разнообразными достоинствами, но он во всем значительно уступал своему другу, — одному из тех людей, которые рождаются веками, у которых способность глубокого и разнообразного мышления развита в высшей степени» (*Феокистов*. С. 354). См. также о Леонтьеве в I-й ч. публикации по указателю.

⁸ Ср. со 2-м примечанием к данному письму.

⁹ См. 6-е примечание к письму от 12 сентября 1852 (№ 20).

¹⁰ *Княжевич Александр Максимович* (1792—1872) — чиновник Министерства финансов, многие годы служивший при гр. Е. Ф. Канкрине — отце Е. Е. Ламберта, с 1854 г. — сенатор, в годы с 1858 по 1862 гг. — министр финансов, член Государственного совета. Ламберт через Княжевича помогала Тургеневу разрешать финансовые затруднения (см. примечание к письму от 26 апреля 1859 г.); *Панин Виктор Никитич* (1801—1874) — граф, дипломат, с 1832 г. — товарищ министра юстиции, с 1839 г. — управляющий Министерством юстиции, с 1841 по

1862 г. — министр юстиции. С февраля 1860 г. — председатель Редакционных комиссий (фактически одна комиссия), учрежденных для изучения проектов губернских комитетов и для выработки общего положения о крестьянской реформе (работала до октября 1860 г.), член Государственного совета. В отзывах современников конца 1850-х гг. Панин предстает деятелем крайне консервативной партии, активно противодействующей реформам, в частности в области судопроизводства. В декабре 1857 г. Тургенев из Рима переслал А. И. Герцену «гнуос» «дсло» (не указывая имени человека, передавшего документ) «для скорейшего помещения его в „Колокол“» о бесчинстве крупного полтавского помещика Л. В. Кочубя, стрелявшего в своего управляющего; подробнее о сути мистифицированного дела см. примечания А. И. Батюто к письму от 10 (22) декабря 1857 г. (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 574). Тургенев так обосновал необходимость публикации этого документа: «И такого рода дела — не исключения у нас, — напротив — они составляют правило, обычную норму нашей юриспруденции; всякий знакомый с русскими порядками это скажет! А граф Панин недавно выхлопотал согласие на запрещение всяких печатных толков о гласности — а по новейшим известиям реакция в полном ходу и торжестве! Жаль России и жаль царя» (Там же. С. 282). «Дело» появилось в «Колоколе» (л. 7, 1 января 1858 г.) с предисловием Герцена под заглавием: «Что значит суд без гласности». В предисловии Герцен, в частности, писал: «А как искренно, как горячо хотелось нам, чтоб было иначе, с каким сердечным упованием смотрим мы на усилия Александра II вырвать у упорно своскорыстного дворянства веревку, на которой оно держит крестьян в кабале. <...> Еще хуже с гласностью в суде. Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах». И далее: «К Новому году нам прислали выписку из одного дела — нисколько не чрезвычайного, но очень характеристического для объяснения, почему запертые двери необходимы вертепам, называемым у нас *судами*» (*Герцен А. И. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1958. Т. 13. С. 181, 182). Начиная с конца 1854 г. А. В. Никитенко в дневнике фиксировал нарастающее недовольство политикой Панина и его сторонников (см. записи 29 октября и 8 ноября 1854 (*Никитенко*. Т. 1. С. 389, 390)). «Панин, Брок и Чевкин, кажется, помешались на том, что все революции на свете бывают от литературы, — записал он 21 января 1858 г. — Они не хотят понять, что литература только эхо образовавшихся в обществе понятий и убеждений; что если она обращает вниманис правительства на какие-нибудь административные беспорядки, то тем оказывает услуги ему самому; что надо отличать нападки на законы от нападок на неисполнение последних и что нападки этого рода только возвышают достоинство закона и законодательной власти» (*Никитенко*. Т. 2. С. 9—10). Через неделю: «Сегодня у графа Блудова было много говорено о графе Панине, который пылает такой ненавистью к просвещению и литературе, что беспрестанно предлагает какие-нибудь новые, стеснительные цензурные меры. Например, чтобы побудить цензоров к вящей строгости, он предлагает за всякое упущение немедленно подвергать их взысканию, а потом уже исследовать, точно ли дело стоило такого взыскания. Не значит ли это рассуждть прямо наыворот? Это особенно прилично министру правосудия. Боже мой! как посмотришь — к каким странностям приводит слепая ненависть к истине и разуму» (Там же. С. 11; 29 января 1858). Русская либеральная общественность воспринимала министра юстиции как наиболее рьяного представителя партии, не желающей, по словам Никитенко, «ни освобождения крестьян, ни развития науки, ни гласности, — словом, никаких улучшений, о которых после смерти Николая так сильно начало хлопотать общественное мнсие. Главами этой партии считаются князь <А. Ф.> Орлов, <В. А.> Долгоруков и граф Панин» (Там же. С. 19—20; запись от 26 апреля 1858 г., см. также запись от 22 мая 1858 г.).

38

9 (21) июля 1860. Сокольники

Сокольники, 9 июля (ст. ст.) 1860.¹

Любезнейший Иан Сергеевич, Вы слышали, вероятно, и даже, быть может, читали о распре, возникшей между «Русск<им> вестником» и некоторыми его сотрудниками.² Вся эта история крайне неприятна, но, по крайней мере, мы можем сказать с совершенно спокойною совестью, что она была вызвана не нами: Вы помните, быть может, что в последнее наше сви-

дание в Москве я уже говорил Вам о тех стеснениях, которым подвергает редакция «Русского вестника» своих сотрудников.³ Как бы то ни было, графиня, Вызинский, Утин, Благовещенский и я отделились от Каткова и К°. ⁴ Мы думаем основать теперь свою собственную газету: ⁵ предвижу, что слова эти будут встречены недоверчивостью с Вашей стороны, ибо история «Атеней» и множества других изданий прежде всего является Вам теперь на память. Но — à tort ou à raison*, мы надеемся повести дело лучше, чем вел его Евг^{ений} Корш,⁶ и придать интерес нашему изданию: у нас есть деньги, есть сотрудники и — главное — есть ясный и определенный план для издания. Объяснивши Вам это, я тем самым** объясняю Вам, кажется, цель своего письма. Вы понимаете, что ради старинной нашей приязни, ради той привязанности, в которой, надеюсь, Вы никогда не сомневались с моей стороны, я прошу у Вас некоторого содействия. Compliments были бы между нами неуместны, но Вам самим известно, каким почетом теперь пользуется Ваше имя и что оно почти необходимо для успеха журнала. Вы пишете, конечно, мало, а желающих получить Ваши произведения — весьма много; я знаю, что Вы не можете удовлетворить всех, но я прошу у Вас — не от себя только, но от лица всех будущих наших сотрудников — какой-нибудь небольшой*** статейки и какого изберете сами содержания. Вот, например, «Русское слово» объявляло не раз о том, что напечатает статью Вашу: «Кольцов и Бернс». Обещание это Вы дали, вероятно, редактору «Слова», Хмельницкому; теперь, как, вероятно, Вы слышали, Хмельницкий покончил свое литературное существование, то есть исключен из свиты Кушелева-Безбородко. Почему же обещание, данное ему, Вы будете сдерживать для других, когда его уже нет? Не можете ли, поэтому, отдать нам «Кольцова и Бернса»? ⁷ Если Вы, к нашему несчастью, распорядились уже иначе этою статьею, то, вероятно, будете читать что-нибудь новое в обществе литературного фонда? Быть может, Вы напишете что-либо по поводу Вашего пребывания теперь за границею? ⁸ Словом, как бы Вы не распорядились Вашими трудами, я убедительно прошу, убеждаю и умоляю Вас иметь в виду наше издание и, если можно, первый номер его, имеющий выйти в январе месяце. ⁹ Что касается до платы, мы не нуждаемся в денежных средствах и Вы получите самую большую плату, которую предлагают Вам все другие русские журналы.

Я не мастер писать большие письма, любезнейший Иван Сергеевич, но надеюсь, Вы найдете мои мольбы достаточно красноречивыми и не откажетесь оказать истинную услугу не только мне, но всем нам. Я никогда не забуду Вашей любезности.

Если найдете время, отвечайте несколькими строками на это письмо. Адрес мой: *На Садовой, в приходе Ермолая, дом Волоцкой*. Еще раз повторяю Вам свою просьбу, остаюсь — искренно преданный

Ев. Феоктистов.

На обороте письма: Ивану Сергеевичу Тургеневу.

* так или иначе (франц.).

** Вместо: самым — было: сам

*** Далее начато: всщц<ы>

Отвѣтное письмо Тургенѣва из Куртавнѣя от 19 (31) июля 1860 г. открывается строками: «Я был третьяго дня у княгини Трубецкой в Белльфонте <...> и она мнѣ передала Вашѣ письмо, а также показала письмо графини» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 110). Публикуемѣ письмо Феокистова, как следует из приведенных выше строк, было отослано во Францію вместе с письмом Е. В. Салиас к еѣ давней подругѣ княгинѣ Аннѣ Андреевнѣ Трубецкой (урожд. Гудович), женѣ князя Николая Ивановича Трубецкого (см. об этом семействѣ: *Феокистов*, с. 47—49), проживавших в имѣнии Belle-fontaine, неподалеку от Парижа («тургеневскій» фрагмент письма Салиас (на франц. яз.) см.: РО ИРЛИ, № 5850, л. 26—27 об.; на верхнем колонтитулѣ первого листа рукой неустановленнаго лица карандашная помета: *Первая половина июля 1860, к князю Трубецкой*). Трубецкѣ входили в круг парижскаго общенія Тургенѣва. В письмѣ из Парижа к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856 г. (8 января 1857) он сообщал о князѣ: «Я его вижу довольно часто — он очень милый и добрый человек — и вас всѣх весьма любит» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 3. С. 172). См. также парижское письмо Тургенѣва к Анненкову от 25 марта (6 апреля) 1862 г. с сообщеніем о полученіи от князя Трубецкого книжки «Русскаго вѣстника» с романом «Отцы и дети» (Там же. Т. 5. С. 44). Позже в «Дымѣ» Трубецкой предстанет в обликѣ князя Коко.

¹А. С. Суворин вспоминал о своей поездкѣ в Москву в 1860 г.: «Графиня Салиас предложила мнѣ место секретаря редакціи <...>. Летом <...> я и отправился на долгие в Москву. Графиня Салиас жила в это время на дачѣ в Сокольниках, куда я и отправился» (Дневник Алексѣя Сергеевича Суворина / Текстологическая расшифровка Н. А. Роскиной; Подготовка текста Д. Рейфилда и О. Е. Макаровой. Изд. 2-е. London: М., 2000. С. 213).

²Поводом къ «распрѣ» между редакціей «Русскаго вѣстника» и его сотрудниками, а затем и къ спорам на страницах прессы о вопросах этическаго характера, послужила статья Евгени Тур, посвященная вышедшему в Парижѣ двухтомнику сочиненій Софьи Петровны Свечиной (урожд. Соймоновой; 1782—1859, в статью Евг. Тур указан 1858 г.), подготовленному де Фаллу с приложеніем ее биографіи и перепіски: «Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres publiées, par le C. S-te de Falloux, de l'Académie française» (1860). В прошлом фрейлину при дворѣ императрицы Маріи Федоровны Свечина покинула Россію и с 1816 г. поселилась в Парижѣ. В своих сочиненіях она с энтузіазмом пропагандировала идеи левого, ультрамонтанскаго крыла католичества, что и побудило Евгени Тур къ критическому анализу ее творчества, его психологических и социальных истоков (см.: *Тур Евг. Госпожа Свечина // Русский вѣстник*. 1860. Т. 26, апрель (кн. 1). С. 362—392). Катков, без ведома автора, сопроводил статью послѣсловіем с целью смягчить резкость оценок религиозных убѣжденій Свечиной. «Печатаю эту интересную статью, — писал он, — мы считаем своим долгом заявить, что не разделяем всѣх сужденій ее даровитаго автора. Нам кажутся они несколько односторонними и не совсем справедливыми. Может быть, они вызваны, как реакція, чрезмѣрными восторгами поклонников г-жи Свечиной; но если несправедлива одна крайность, то так же несправедлива и другая. Статья г-жи Тур очень интересна, но едва ли дает совершенно верное понятіе о предметѣ, ее вызвавшем. <...> Вообще жаль, что критик выбирал из сочиненій автора только то, что казалось ему слабым и могло бросить тѣнь на автора, не касаясь других сторон, которые могли представить его в лучшем светѣ или по крайней мѣрѣ подать повод къ серьезному обсужденію. Религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уваженія не только во мнѣніи людей религиозных, хотя бы и других вероисповѣданій, но и во мнѣніи тех, кто къ этому интересу равнодушен» (Там же. С. 392. Подпись: *Ред.*). Евгени Тур обратилась къ Каткову с открытым письмом (*Тур Евг. Письмо къ редактору // Там же*. 1860. Т. 26. Отд. Современная летопись, апрель, кн. 2. С. 406—411). В этом же номерѣ «Современной летописи» последовал отвѣтъ («Без подписи»). По поводу письма г-жи Евгени Тур, с. 468—488), суть котораго сводилась къ следующему: в статьѣ Евгени Тур создан образ односторонній, без учета объективных обстоятельств, сформировавших характер Свечиной и определивших ее судьбу. В полемику включился Вызинскій с пространной статьѣй (см.: *Май И. Краткое сказаніе о послѣдних дняхъ «Русскаго вѣстника» // Московскіе ведомости*. 1860. № 109, 19 мая. Лит. отдѣл. С. 858—862); о принадлежности этой статьѣ Вызинскому см.: *Феокистов*, с. 369). Рассмотрѣвъ деятельность редакціи «Русскаго вѣстника» на протяженіи пяти лет, Вызинскій пришел къ выводу, что в редакціонном коллективѣ (исключеніе он сделал лишь для Кудрявцева) возобладал дух авторитарности и диктаторства, приведшій къ нетерпимости и высокомерию по отношенію къ постоянным сотрудникам журнала. Без согласія авторов редакція извлекала из их рукописей цѣлые фрагменты, «снабжала» публикации своих сотрудников злукубраціями, по-

рою завершая их собственными заметками нравоучительного свойства. Эти заметки, сопровождавшиеся язвительными замечаниями и намсками, унижали авторов, тем более что зачастую редакция в своих оценках исходила, по мнению Вызинского, из мелочных побуждений. Подобным образом были «отредактированы» не только статьи Евгении Тур, Н. М. Благовещенского, Б. И. Утина, но и многих других авторов, конфликты с которыми не попали в поле внимания общественности. По словам Вызинского, большой успех «Русского вестника», «успех, который составляет самое утешительное явление в нашей литературе, успех, которому сочувствует всякий порядочный человек, произвел однако ж весьма дурное влияние на редакторов этого журнала <...>. Достигнув высокого положения в литературе, они впали в маленькое заблуждение, поддались невинному обольщению — они приписали успех журнала исключительно самим себе <...>. Они вообразили себя единственными настоящими двигателями развития России <...>. Это горделивое сознание своего превосходства, это высокомерие премудрости, эта самоуверенность проявляются во всем, что пишет от себя редакция» (Московский ведомости. 1860. № 109, 19 мая. Лит. отдел. С. 859). В конечном счете в редакции утвердилось отношение к сотрудникам журнала как к чернорабочей силе, а дискредитация стала нормой общения с ними. В своем ответе («Без подписи». Объяснение. 1860. Т. 27. Отд. Современная летопись, май, кн. 2. С. 145—167) Катков, анализируя каждый инцидент, указанный Вызинским, отстаивал право редакции на «независимость <...> мнения» о публикуемых работах. Выступление Вызинского означало окончательный разрыв с журналом не только Евгении Тур, но и всей группы сотрудников, которых Феокистов называл «молодыми людьми» (Утин, Благовещенский, Лохвицкий). 22 мая 1860 г. Тургенев из Парижа, не принимая всерьез развернувшийся спор, заметил П. В. Анненкову: «Катков обайбородил Евгению Тур за письмо к нему, по поводу Свечиной. Вот междусобица» (*Т. Письма (2 изд.)*. Т. 4. С. 111). Однако столкновение Евгении Тур с Катковым вышло за пределы частного конфликта и дало повод к обсуждению на страницах прессы назревших моральных проблем современного журнально-газетного и литературного мира. Своеобразный итог «распре» в «Русском вестнике» подвел Н. Г. Чернышевский, усмотревший причину её не в самом предмете спора (существенных расхождений в позициях Евгении Тур и Каткова он не увидел), но в нарушении «форм действий» редакции, этических норм общения с сотрудниками. Следствием этой системы редакционного поведения стали мелкие ссоры, сведение счетов и проч., разрушительно сказывающиеся не только на некогда «блистательно» начинавшемся журнале, но и на всей современной журнальной, литературной, общественной жизни (см.: *Чернышевский Н. Г. История из-за г-жи Свечиной // Современник*. 1860. Т. 81, кн. 6. Отд. Современное обозрение. С. 249—278). Анализируя современную журналистику Д. И. Писарев также заметил, что журнал Каткова, как и «Отечественные записки», не отличается чистотой нравов и уважением к личности: «Об „Русском вестнике“ довольно будет заметить, что он не уважает самостоятельности своих сотрудников (история о Свечиной)...» (*Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Писарев Д. И. Сочинения*: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 137). См. также: *Достоевский Ф. М. Литературная истерика // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 146, 311—312).

³ Эти строки позволяют восстановить одну из тем беседы Тургенева с Феокистовым во время их «последнего» свидания в Москве.

⁴ В мемуарах Феокистов осмыслил разрыв Салиас с редакцией «Русского вестника» как следствие «гигантского» влияния Вызинского (биографическую справку о нем см. во 2-м примечании к письму от 26 сентября 1858 г. (№ 36)): «Это был человек умный, талантливый, весьма порядочный, но яростный Поляк, только и мечтавший о полной независимости Польши, а в случае невозможности сразу достигнуть этого — о широкой административной для нее автономии. И это, точно так же, как многих других, казалось в начале шестидесятых годов возможным. Сам Вызинский был достаточно умен и образован, чтобы не симпатизировать <в автографе: чтобы симпатизировать. — Э. Г.> либеральным бредням наших любителей прогресса, которых народилось великое множество, но он следовал политике своих соплеменников в роде Огрызки, Спасовича и других, и успел пробудить в графини Салиас безграничные симпатии к революционной партии» (*Феокистов*. С. 367—368). Более уравновешенные характеристики Вызинскому давали А. Н. Пыпин (знакомство состоялось в Версале, в салоне Елизаветы Салиас) и К. Д. Кавелин (встречался с ним в Париже у Тургенева) — их оценки см. Там же, в разд. примечаний, с. 404—405. В обстановке «брожения» в стране и надвигающегося восстания в Польше Вызинский все более расходился с редактором «Русского вестника». Для него, по свидетельству Феокистова, «не могло быть сомнительным, что польские притязания должны встретить суровый отпор со стороны Каткова и Леонтьева. Отсюда постепенно усиливавшие-

ся охлаждение его к ним, перешедшее даже в явное недоброжелательство. Очень искусно умел он восстановить и графиню Салиас против ее друзей» (*Феоктистов*. С. 369). Свой же временный разрыв с Катковым позже Феоктистов объяснял моральными обязательствами перед Салиас: «Каткову было неприятно принято мною решение, и мы расстались с ним. Впоследствии, когда недоброжелатели Михаила Никифоровича упрекали его, что он не уживался с самыми близкими своими сотрудниками, то в доказательство этого ссылались между прочим и на меня; по словам их, даже я, несмотря на горячие к нему симпатии, не в состоянии был подчиниться его деспотической натуре. Все это чистой водой» (Там же. С. 369). *Утин Борис Исаакович* (1832—1872) — юрист, профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре сравнительной истории положительных законодательств. Оставил университет в 1861 г. вместе с К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным, М. М. Стасюлевичем в знак протеста против политики университетской администрации во время студенческих волнений, в годы с 1856 по 1860 сотрудничал в изданиях Каткова (см. его публикации в справочнике: «Русский вестник». Указатель авторов (1856—1862): В 2 ч. Л., 1989—1999. Ч. 2. С. 38—39). *Благовещенский Николай Михайлович* (1821—1892) — историк римской литературы, профессор Санкт-Петербургского университета, позже — ректор Варшавского университета, его труды в «Русском вестнике» см.: Там же, ч. 1. С. 13.

⁵ То есть «Русскую речь», которую сами издатели иногда называли журналом (в ответном письме Тургенева будущее издание также — журнал). В то же время в «Объяснении» по поводу критических замечаний «Русского вестника» о программе «Русской речи» (см.: Московские ведомости. 1860. № 252, 19 ноября) Салиас, как и Феоктистов в письме, называет ее газетой. «Русская речь» издавалась с 1 января 1861 г. (выходила два раза в неделю) вначале под редакцией Евгения Тур, а с № 39 формально роль редактора перешла к Феоктистову. В декабре 1861 г. редакция «Русской речи» из-за недостатка подписчиков и оборотных средств вынуждена была пойти на слияние с еженедельной газетой «Московский вестник» (выходила с февраля 1859 г., издатель В. Рудаков, фактические совладельцы и руководители — Н. А. Основский, Н. Н. Воронцов-Вельяминов, А. Н. Плещеев, И. В. Павлов) и утратила самостоятельное значение. Подробнее, с указанием библиографии см. во вступ. статье к публикации (ч. 1, с. 144).

⁶ О Корше Евгении Федоровиче и его журнале «Атсеней» см. в 9-м примечании к письму от 26 сентября 1858 г. (№ 36). Тургенев, вспоминая появившиеся на страницах «Атсеня» статьи Я. И. Вейнберга «Сухой туман» и А. И. Кроненберга о Гайдне и Моцарте, писал Феоктистову: «Я уверен, что журнал у Вас пойдет хорошо; во всяком случае он не заснет, как „Атсеней“ — и не будет заниматься исключительно „сухими туманами“ и биографиями несмелких музыкантов» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 110, 492).

⁷ Ответ Тургенева на эти строки в письме от 19 (31) июля 1860 г.: «...я надеюсь доставить к Вам мою статью в конце осени. Только не „Кольцова и Бернс“. На это главная причина у меня та, что я бы не желал повторения истории с „Русским вестником“ — так как статья была обещана журналу — а не личности Хмельницкого; притом же „Кольцов и Бернс“ — даже не начат; следовательно — мне так же легко написать другую вещь» (Там же. С. 110). Хмельницкий Александр Иванович с конца 1859 до середины 1860 г. исполнял обязанности редактора ежемесячного журнала «Русское слово», с 1859 по 1862 г. издававшегося графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко (1831, в некоторых источниках 1832—1870). Анонс о статье «Кольцов и Бернс» в «Русском слове» появился на первой странице обложки третьего (мартовского) номера за 1860 г. (Там же. С. 491—492), но статья не была написана, хотя тема эта продолжала волновать Тургенева: см. его письмо к Вильяму Рольстону от 7 (19) октября 1866 г. (Там же. Т. 7. С. 67—69, 242—243, примечания М. П. Алексеева. С. 329; Т. 11 № 372, 376, 380).

⁸ «У меня бродят в голове разные планы; — писал в ответ Тургенев, — я еще не знаю, на чем я остановлюсь — но твердо надеюсь сдержать свое слово» (Там же. Т. 4. С. 110). Предложенная Феоктистовым тема (о пребывании Тургенева за границей) находит развитие в его письме от 20 октября 1860 г. (№ 39).

⁹ В первом номере «Русской речи» публикаций Тургенева нет. См. далее письмо от 20 октября 1860 г. (№ 39, 1-е примечание).

20 октября (1 ноября) 1860. Москва

Москва, 20 окт. 1860.

3 нояб.*

Милый Иван Сергеевич, — распечатывая это письмо, Вы можете быть уверены, что я буду говорить о статье Вашей, которая составляет здесь постоянный предмет наших разговоров, надежд и ожиданий.¹ Не думайте, впрочем, чтобы требования наши были огромны; для нас важно только, чтобы в одном из первых номеров была бы статья с подписью Вашего имени.² Надеемся — говорю за себя и за графиню, — что как скоро статья эта будет окончена, Вы не замедлите прислать ее. Так как из письма Вашего видно,³ что Вы намерены прочесть ее в парижском обществе литературного фонда, то нельзя ли будет кстати сообщить, что это за общество, когда и как оно составилось, когда и где происходило публичное чтение: обо всем этом мы сказали бы несколько слов в примечании.⁴ Князь Н. Орлов,⁵ которого я видел недавно в Петербурге, сказал мне,⁶ что статья Ваша будет называться: «О недостатках русских за границею», — правда ли это?

Вообще хорошо было бы, если бы в удовлетворение нашему любопытству Вы сообщили нам сами какие-нибудь сведения о том, чего мы можем ожидать от Вас и — главное — когда должны мы рассчитывать на получение статьи. Из нескольких писем моих к Вам⁷ Вы видите, до какой степени интересуется нас этот вопрос...

Что сказать Вам о происходящем здесь? Цензура также плоха и в Петербурге и в Москве — всюду апатия, равнодушие, от которых становится подчас тошно. В литературном мире не готовится, кажется, ничего замечательного; поговаривают, правда, о повести, которую Вы пишете,⁸ но на этот счет не могу передать Вам никаких достоверных известий. Мы, впрочем, поглощены мыслию о нашем журнале: неизвестно, будет ли успех, но статей много и некоторые весьма, весьма интересны. В «Русском вестнике» — новое несчастье: сотрудник его, Аполлон Григорьев, забрал деньги вперед и — скрылся!⁹ Что за поэтическая натура...

Сделайте великое одолжение, любезный Иван Сергеевич, в свободную минуту черкните несколько строк в ответ на те вопросы, которые я предлагаю Вам выше. С нетерпением будем ожидать их. Графиня повторяет Вам ту же самую просьбу и кланяется Вам точно так же, как и моя жена.¹⁰

Глубок<о> Вам предан<ный>

Ев. Феоктистов.

Как жаль, что, быть может, я долго не увижу Вас. Какие бы дивные подробности сообщил я Вам о моей теще,¹¹ которую Вы уже несколько знаете по моим рассказам. Я убежден, что теперь это — интереснейшая женщина в России.

* Так в автографе.

¹ Ответ Тургенева: «...мне остается повторить Вам уверение, что как только статья будет написана — а написана она будет скоро — она отправится к Вам. <...> Предмет этой статьи будет „Русские в Париже“, взятые, разумеется, если не с сатирической, то с критической точки зрения. К новому (нашему) году статья эта будет, по всей вероятности, у Вас в руках» (*Т. Письма*. (2-е изд.). Т. 4. С. 262, дата: 11 (23) ноября). По сведениям комментатора этого письма, статья о русских в Париже в печати не появилась (Там же. С. 597, 3-е примечание).

² Ср. с 9-м примечанием к письму Феокистова от 9 июля 1860 г. (№ 38).

³ Письмо Тургенева, отосланное, как видно, между 9 июля и 20 октября 1860 г., неизвестно.

⁴ На эти вопросы ответ последовал в письме Тургенева от 11 (23) ноября 1860 г.: «...общества литературного фонда в Париже вовсе нет — а я ее прочту перед здешним обществом для литературного фонда, т. е. для нашего Петербургского общества» (Там же. С. 262).

⁵ Князь Орлов Николай Алексеевич (1827—1885) — генерал-адъютант, дипломат: с 1859 г. — посланник в Бельгии, с 1869 г. — в Вене, с 1871 г. — в Лондоне, с 1871 по 1884 г. — в Париже, затем — Берлине. Перу Орлова принадлежит ряд военно-исторических и публицистических работ, соответствующих духу политики вел. кн. Константина Николаевича. Тургенев познакомился с Орловым скорее всего в конце 1856 г. в Париже. «Он мне чрезвычайно понравился; нечаянно его отрезвило — да и вообще — натура в нем высказывается хорошая. Вот поневоле воскликнешь: *Où la vertu va-t-elle se nicher!* <Куда только не забирается добродетель! — франц.>. — Он всю зиму пробудет здесь; мы, я надеюсь, будем видаться, — сообщил он 4 (16) января 1857 г. Герцену, который в ответном письме изъявил желание увидеть Орлова в Лондоне и познакомиться с ним (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 182; *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. 26. С. 70, 362). Феокистов, по его свидетельству, впервые встретился с Орловым в Париже, в период своей заграничной командировки (осень 1856—август 1858 г., см. 1-е примечание к письму от 26 сентября 1858 (№ 36)). Знакомство произошло в доме князя Николая Ивановича Трубецкого (1807—1874), дочь которого, по словам Феокистова, «только что» стала невестой Орлова» (*Феокистов*, С. 47—49). В свадебном торжестве 9 мая ст. ст. 1858 г. Тургенев принял участие в качестве шафера (письмо к В. П. Боткину от 13 (25) мая 1858 г. см.: *Т. Письма* (2-е изд.). Т. 3. С. 319, 596, 1-е примечание). О Тургеневе и семействе Трубецких-Орловых см. библиографию в кн.: *Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*. 1. С. 430, 6-е примечание к письму от 14 (26) сентября 1864). Отношения Тургенева с другими членами семейства Орловых, завязавшиеся значительно раньше, с течением времени принимали разные формы. Отец Николая Алексеевича — генерал Алексей Федорович Орлов (1786—1861), граф, с 1855 г. князь — один из доверенных людей Николая I, с 1844 г. исполнявший обязанности шефа жандармов и главного начальника III Отделения — весной 1852 г., в канун ареста и ссылки Тургенева, читал императору доклад «О Тургеневе, Боткине и Феокистове» (см. 5-е примечание к письму от 24 марта 1852 г. (№ 18), а зимой 1853 г. подписал распоряжение о возвращении писателя в Петербург (см. примечание к воспоминаниям П. В. Анненкова «Молодость Тургенева. 1840—1856» в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. I. С. 452). Об откровенно неприязненном отношении Тургенева к А. Ф. Орлову см. в письме к Герцену от 12 (24) октября 1860 г. и в 5-м примечании к строке: *...говорят, Орлов опять встал на ноги...* (*Т. Письма* (2-е изд.). Т. 4. С. 248, 588). Еще ранее, в начале 1840-х гг., Тургенев был вхож в московский дом родного брата Алексея Федоровича Орлова, дяди Николая Орлова — опального героя войны 1812 г., участника восстания декабристов, генерала Орлова Михаила Федоровича (1788—1842) (см.: *Генералова Н. П.* О дате знакомства Тургенева и Фета // А. А. Фет и русская литература (XVI Фетовские чтения). Курск, 2002. С. 108). Этот дом свел Тургенева и с сыном Михаила Федоровича, двоюродным братом Николая Орлова — Николаем Михайловичем Орловым (1821—1886) (Там же. С. 108—110).

⁶ Ср. с 8-м примечанием к письму Феокистова от 9 (21) июля 1860 г. (№ 38).

⁷ В течение минувшего лета Феокистов неоднократно обращался к Тургеневу с просьбами прислать в «Русскую речь» какое-либо из своих произведений (см., например, письмо от 9 июля 1860 г. (№ 38)).

⁸ Феокистов имел в виду роман «Отцы и дети», замысленный Тургеневым в августе 1860 г. в английском городке Вентнор на острове Уайт (см. его статью «По поводу „Отцов и детей“»). 30 сентября (12 октября) 1860 г. он писал Анненкову из Парижа: «План моей новой повести готов до малейших подробностей — и я жажду за нее приняться. Что-то выйдет — не знаю, но Боткин, который находится здесь... весьма одобряет мысль, которая положена в основание. Хотелось бы кончить эту штуку к весне, к апрелю месяцу, и самому привезти ее в Рос-

сию» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 244). 1 (13) октября Тургенев обратился к Панасву с просьбой не называть его имени среди сотрудников «Современника» и не анонсировать его произведений, так как ничего готового у него нет, а только что начатая им «большая вещь» «уже назначена в „Русский вестник“» (Там же. С. 245).

⁹ На это известие Тургенев откликнулся в духе своего давнего отношения к Аполлону Григорьеву: «Выходка Григорьева меня не удивляет — но, признаюсь, меня удивляет доверие Каткова к нему. Правда, говорят, конь о четырех ногах и то спотыкается» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 262—263, дата: 11 (23) ноября 1860 г.). Григорьев был приглашен в «Русский вестник» в июле 1860 г., но, по признанию критика, статьи его в журнале не печатались, как и рецензируемые и одобренные им рукописи, что в конечном счете предопределило его уход из журнала (см.: Там же. С. 597, 5-е примечание).

¹⁰ Урожд. Беклмишева Софья Александровна.

¹¹ Из письма Тургенева Феоктистову от 11 (23) ноября 1860 г.: «Тип Вашей тещи, вероятно, отличный; но и здесь попадаются превосходные. Тут живет недавно овдовевшая г-жа Шеншина; это — в своем роде — феномен. Я должен был повозиться с нею — и ничего подобного не встречал! А встречал я много замечательного в этом роде» (Там же. С. 263). О нраве Шеншиной месяцем ранее Тургенев рассказал Герцену: «...Шеншин (А. А.) три дня тому назад умер от удара. <...> Вдова его (довольно противная барыня — между нами) кричит, пищит, плачет, клянется в любви к покойному мужу, но не верит или притворяется, что не верит, что сын — его — и что он мог иметь какую-нибудь серьезную связь, когда, еще за три дня до своей смерти, он, прибавляет она, „клялся у моих ног и восклицал: О Викторина!“» и т. д. (Там же. С. 248, письмо от 12 (24) октября). Из следующего письма Герцену: «...она безумствует, бранится, лжет, плачет, падает в обморок, — словом, ломается» (Там же. С. 252, письмо от 23 октября (4 ноября) 1860 г.). Яркий портрет женщины «эмансипё» — Шеншиной Викторины Ильиничны (жены своего знакомого Шеншина Александра Александровича) Тургенев набросал также в письме к Е. Я. Колбасину от 12 (24) ноября 1860 г., который в свою очередь резко охарактеризовал эту даму в январском письме 1861 г. (Там же. С. 598).

40

28 ноября (10 декабря) 1860. Москва

Москва, 1860. нояб. 28 (ст. ст.).

Почтеннейший Иван Сергеевич, несколько дней тому назад получил я Ваше письмо, но не мог отвечать, занятый семейными делами. 18 ноября жена моя родила сына. Я бы пригласил Вас порадоваться этому, если бы сам был точно уверен, что подобное событие заслуживает радости. К несчастью, на этот счет существует у меня много сомнений, и потому я ограничиваюсь только простым извещением.

Искренно благодарим Вас за обещанную статью: «Русские в Париже» и повторяем нашу просьбу о скорейшем доставлении ее.¹ Этим Вы окажете нам дружескую услугу, которой мы никогда не забудем. Подписка на наш журнал открылась и — даже против наших собственных ожиданий — идет весьма порядочно. Быть может, многим мы обязаны «Русскому вестнику», который по поводу нашего будущего журнала произвел скандал, принесший нам только пользу. Вы читали, конечно, наше объявление.² «Русский вестник» увидал в нем нечто иное, как протест против него, — протест не от нашего только имени, но от имени всех наших сотрудников, и разразился против этого объявления статьею, помещенною в 20-й его книжке.³ Без всякого самообольщения, без малейшей самоуверенности могу сказать Вам, что выходка эта произвела впечатление, в высшей степени невыгод-

ное для «Русского вестника». Не было человека, который не выражал бы ему своего негодования; даже ревностнейшие его приверженцы потупили глаза. Мы воспользовались этим случаем, чтобы написать ответ ⁴ в самых скромных и умеренных выражениях, где только ограничились простым и ясным изложением дела. В этом ответе мы доказали «Русскому» вестнику, что он не имеет никакого основания говорить, будто бы некоторые нежеланные им лица смотрели на наше объявление одинаковыми с ним глазами. Мы имели на то право от самих поименованных «Русским» вестником» лиц. Все почти стали на нашу сторону; говорю почти, ибо исключение нужно сделать только в пользу Капустина.⁵ Соловьев прислал нам самое радушное письмо, но более всего ожесточился в нашу пользу Буслаев,⁶ который давал нам право объявить печатно, что, по мнению его, «Русский» вестник» прибег «к подъяческой придирке самого сутяжнического свойства». Нечего говорить, что мы не воспользовались этим правом. Ответ наш помещен в 252 № «Московских» ведомостей». Во всем этом споре было упомянуто Ваше имя и вот каким образом. «Русский вестник», говоря о том, что Вы обещали нам свое сотрудничество, заметил, будто бы Ваше имя «стало непременною принадлежностью всех журнальных объявлений». Сделано это было, разумеется, с целью намекнуть публике, что хотя имя Ваше стоит у нас, но статей Ваших в нашем журнале публика не увидит. В оправдание свое мы должны были заметить, что, «поставивши себе правилом не гоняться за именами, мы поставили г-на» Тургенева в числе наших сотрудников только потому, что, согласно его обещанию, один из его трудов появится в следующем году на страницах «Русской речи»».⁷ Вот и всё.

Всё это гадко, мизерно, но что же Вы хотите! Дали ли мы хоть какое-нибудь право «Русскому» вестнику» писать против нас филиппику. Сочувствие, оказанное нам всеми, показывает, что мы вовлечены были в эту глупую историю совершенно против нашей воли и желания.

Нечего и говорить, что мы сочтем обязанностью доставлять Вам наш журнал в Париж. Не беспокойтесь — Вы будете его получать аккуратно.⁸

В заключении, обращаюсь к Вам опять от имени графини, от имени** незнакомого Вам, кажется, Вызинского⁹ и других постоянных членов нашей редакции (не говоря уже о себе), с убедительнейшею просьбою и мольбою не забывать нашего издания. Ради Бога, доставьте, по мере возможности, поскорее, Вашу статью.¹⁰ Не будет пределов нашей радости, когда, наконец, она очутится в наших руках.

Позвольте пожать Вам руку. При свидании, засвидетельствуйте мое почтение княгине Трубецкой.

Ваш весь Е. Феофанович.

¹ Обещанную, но так и не представленную Тургеневым в «Русскую речь» статью (в данном контексте — «Русские в Париже»), переговоры о которой шли в течение июня—ноября 1860 г. (см. письма № 38, 39), а затем — января—апреля 1861 г. (№ 41, 42, 43).

² Программа «Русской речи» («Объявление об издании г-жею Евгениею Тур в 1861 г. газеты „Русская речь. Обзорение литературы, истории, искусства и общественной жизни на Западе и в России“») появилась на отдельном листе, в виде приложения к «Московским ведомо-

* Далее начато: писать

** Фраза: от имени — вписана.

стям» от 30 октября 1860 г. (№ 235). На смену предшествующему периоду, когда общественную жизнь определяли два направления — западничество и славянофильство, писала Евг. Тур, пришло новое плодотворное («благотельное») направление, в основе которого лежит сознание необходимости развития самостоятельности общества и самостоятельных общественных интересов. Но и это направление, по ее мнению, не избежало многих крайностей. Суть этих крайностей выразилась прежде всего в стремлении подвести все разнообразие мнений под один масштаб, в нетерпимости ко всякому убеждению, не соответствующему этому масштабу. Следствием все более обостряющейся нетерпимости, по мнению Евг. Тур, явилось крайнее раздробление сил в той сфере, где можно добиться успеха только на основе «строгого согласия». Исходя из сложившейся ситуации, она сформулировала главную цель своей газеты: «Издание наше будет служить, по мере сил, органом соглашения для всех людей, желающих постепенного и правильного прогресса в России. Не допуская никаких резких крайностей, никакого доктринерства, проникнутое убеждением в необходимости всестороннего, самостоятельного развития общественных интересов <...> наше издание никогда не изменит одному великому правилу: оно не забудет, что уважение к постороннему мнению, уважение к праву каждого из людей, стремящихся вместе с нами к одной общей цели, мыслить независимо есть главное основание настоящей свободы суждений». Идея единения всех литературных сил, способных служить делу «постепенного и мирного прогресса русского общества», по мнению Евг. Тур, как нельзя лучше отвечает общественным потребностям, а следовательно, и задачам нового издания. В заключение она отметила, что ученые и писатели, обещавшие деятельное и постоянное участие в ее газете (их алфавитный перечень завершает «Объявление...», в этом перечне назван, в частности, Тургенев), именно так понимают современные потребности и разделяют те идеи и задачи, которые положены в основу ее программы.

³ См.: <Без подписи>. Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн 2. С. 431—434. В программе «Русской речи» (в «Объяснении») она демонстративно называется: «одна газета», «новое издание») Катков усмотрел противостояние своему журналу. В характеристике «благотельного» направления, которое тем не менее не избежало крайностей и вследствие своей нетерпимости ведет журналистику и литературу к раздроблению (см. 2-е примечание), он увидел намек на «Русский вестник», а стремление Евг. Тур собрать вокруг своего издания сотрудников-единомышленников объяснил желанием поставить под свое знамя всех, кто якобы противостоит его журналу. «Новая газета растрояет широко ворота для гонимых писателей, не находящихся себе нигде места вследствие нетерпимости, которая господствует в нашей литературе, — писал он. — К сожалению, редакция не ограничилась общим заявлением, а представила довольно длинный список ученых и литераторов, в качестве своих постоянных и деятельных сотрудников, давая знать, что эти многочисленные сотрудники именно и суть те гонимые писатели, которые ищут себе убежище» (Там же. С. 432). Анализируя список постоянных сотрудников «Русской речи», Катков заявил, что многие из названных в нем персон (С. М. Соловьев, А. Д. Галахов, Ф. И. Буслаев, М. И. Сухомлинов, Н. С. Тихонравов и проч.) не могут быть зачислены в ряды «протестантов», поскольку уже сотрудничают в «Русском вестнике». Не будучи знакомы с программой новой газеты, эти ученые и литераторы с недоумением восприняли («высказанный в ней взгляд на современную русскую литературу»: «Они не знали о взглядах редакции на современное положение русской литературы, не знали ее программы и не представляли себе, что в ней будет написано, когда, на вежливое приглашение участвовать в новом издании, они отвечали с приличною вежливостью. <...> Они не ясно понимают мысль, высказанную в программе, и еще менее понимают, почему заставили их явиться с каким-то протестом против какой-то неведомой им нетерпимости. Они не находятся в обязательных отношениях ни к какому журналу, а статьи их от времени до времени появляются в разных периодических изданиях» (Там же. С. 432). Анненков в письме к Тургеневу от 25 ноября 1860 г. расценил выступление Каткова против «бывшего подчиненного Тура» как факт конкурентной борьбы за сотрудников: «Литер[атурные] скандалы узрите сами <...>. Какие занятия, какие дела! А особенно Катков, этот Зевс, шелкающий кедровые орешки, как простая потаскушка, являет зрелище поучительное. Он борется с Тур за Буслаева, Соловьева, но преимущественно за Галахова, которого Тур назвал своим сотрудником» (Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. [М.,] 1934. Вып. 3. С. 106).

⁴ См.: Тур. Евг. Объяснение // Московские ведомости. 1860. 19 ноября, № 252. Литературный отдел. С. 2000—2001 (под текстом: Москва, 17-го ноября, 1860). Евгения Тур заявила, что, составляя программу «Русской речи», не стремилась сообщить ей «характер какого-нибудь личного, а тем менее <...> коллективного протеста» против «Русского вестника» и имела в ви-

ду лишь ту «непреложную последовательность», с которой этот журнал проводит свое направление. «Мы думаем, что при настоящем состоянии нашей литературы и нашего общества, — писала Евг. Тур — журналы могут быть с равной, если не с большою пользою терпимее и уступчивее в своих направлениях». Приглашенные же в «Русскую речь» ученые и литераторы, по ее свидетельству, поддержали главную идею заявленной программы — «служить средою соединения, нейтральной почвою, на которой могли бы сходиться писатели, разнящиеся между собою в частных взглядах». См. 7-е примечание.

⁵ О Михаиле Николаевиче Капустине см. письмо Феокистова от 26 сентября 1858 г. (№ 36, 2-е примечание). Весной 1860 г. Капустин не порвал с «Русским вестником», подобно Салиасу, Вызинскому, Благовещенскому и др. (см. письмо Феокистова от 9 июля 1860 г. (№ 38), 4-е примечание), и вскоре был введен в состав его редакции. В «Объяснении» Катков, перечисляя ученых и литераторов, по его мнению безосновательно включенных в список сотрудников «Русской речи», писал: «В списке упомянут, например, М. Н. Капустин, который принадлежит не только к сотрудникам, но и к самой редакции „Русского вестника“» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн. 2. С. 433). Именно этими обстоятельствами объясняется реплика Евг. Тур в сторону Капустина: «Что же касается г. Капустина, то надо полагать, что он, как член редакции „Русского вестника“, заявляет нам свое мнение вместе с нею и чрез нее в упомянутой статье. Может быть, действительно, было с нашей стороны неосторожно, что, пожившись на приятельские отношения и словесное объяснение, мы не сочли необходимым предварительно сообщить ему программу до ее напечатания. Но мы думаем, что, зная нас давно и близко, он не сочтет нас способными злоупотреблять его именем для какой-либо демонстрации, могущей поставить его в „фальшивое положение“. Прибавим также, что, получивши от него обещание доставить нам статью, мы несколько не думали видеть в нем нашего *исключительного* сотрудника, ибо он не только сотрудник, но, как оказывается теперь, даже член редакции „Русского вестника“» (Тур Евг. . Объяснение // Московские ведомости. 1860. № 252. 19 ноября, Литературный отдел. С. 2001). Далее см. упоминание Капустина в письме Феокистова от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

⁶ О Соловьеве Сергее Михайловиче см. в письмах Феокистова (ч. I) от 30—31 марта (№ 5) и 17 сентября 1851 г. (№ 10), справку о нем см. в 5-м примечании к письму № 5 (с. 171—172); *Буслав Федор Иванович* (1818—1897) — языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства; с 1847 г. преподаватель Московского университета, экстраординарный (1850), затем ординарный профессор (1859), академик Петербургской АН (1860). Ученый широких интересов, он систематически сотрудничал в периодических изданиях («Москвитянин», «Русский вестник», «Атеней», «Отечественные записки» и др.). Подробнее см.: *Смирнов С. В.* Буслав Федор Иванович... // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 373—374. Катков, объясняясь с Евгением Тур, выразил недоумение по поводу того, что эти ученые были введены в список сотрудников «Русской речи»: «С. М. Соловьев, А. Д. Галахов и Ф. И. Буслав, связанные с нами давнишнюю приятельно и заготовляющие нам статьи для будущего года, не могут, как сказано в программе <«Русской речи». — Э. Г.>, быть постоянными и деятельными сотрудниками новой газеты» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. № 10, октябрь. Отд. Современная летопись, кн. 2. С. 433). Буслав, как и Соловьев (см. письмо от 26 января 1861 г. (№ 41), печатался в «Русской речи», к примеру, см. его статью «Похожение бега в женской богадельне. Для истории московских нравов конца XVII века» (Русская речь. 1861. 19 февраля, № 15. С. 229—233).

⁷ В «Объяснении» (см. 3-е примечание к данному письму) Катков, заявил, что постоянный сотрудник его журнала Тургенев, подобно другим его сотрудникам, подтвердил готовность в следующем году прислать в редакцию свое новое произведение. При этом Катков намекал, что в список сотрудников «Русской речи» Тургенев введен формально, то есть без предварительного ознакомления с ее программой, без обязательства представить к определенному сроку конкретное произведение: «Что касается до И. С. Тургенева, чье популярное имя стало непременно принадлежностью всякого рода программ, то он недавно писал нам из Парижа, где теперь находится, об обширном предпринятом им труде, который надеется окончить и выслать в редакцию „Русского вестника“ к февралю или марту будущего года» («Без подписи». Объяснение // Русский вестник. 1860. Т. 29. Отд. Современная летопись, октябрь, кн. 2. С. 433). По поводу обвинения в том, что список ученых и литераторов, общавших «Русской речи» «деятельное и постоянное участие», был сформирован без предварительного ознакомления с текстом ее программы, Евгения Тур заметила: Катков назвал лишь сотрудников, близких связанных с «Русским вестником» или общавших ему свои труды. Перечисляя поименно

каждого из этого списка, она пояснила, что часть из них получила объяснительную записку и реакция на нее («положительные обещания», «указания» на труды, предназначенные для «Русской речи») стала основанием для включения этих сотрудников в программу «Русской речи». Петербуржцам записку не сумели доставить. Что же касается остальных, то «Русский вестник» «нас успел, вероятно, узнать мнение о программе нашей двух из них: г. Георгиевский живет в Одессе, а г. Тургенев находится теперь в Париже». К строке о Тургеневе Салиас в подстрочнике дала сноску: «Что касается до г. Тургенева, „Русский вестник“ иронически замечает, будто бы его имя сделалось необходимою принадлежностью всех журнальных объявлений. На основании принятого нами правила не гонятся только за именами, мы поместили его в числе сотрудников, потому что один [из] его трудов появится в следующем году на страницах „Русской речи“» (Московские ведомости. 1860. № 252. 19 ноября. С. 2001).

⁸ Реакция на просьбу Тургенева, выраженную им в письме Фсоктистову от 11 (23) ноября 1860 г.: «Мне бы очень было приятно, если бы я мог получать здесь Ваш журнал» (*Т. Письма. (2-е изд.)*. Т. 4. С. 262). В начале следующего года Тургенев заметил в письме к Дружинину (заведующему литературным отделом в журнале «Вск»), что «Русская речь» систематически присылается на его парижский счет: «...везде раздаются похвалы вашему „Вску“: сделайте одолжение, пришлите (и присылайте мне) сюда — на мой счет, разумеется — этот журнал так, как Макаров мне присылал „Искру“ — и как мне присылается „Русская речь“» (Там же. С. 286, письмо от 18 (30) января 1861 г.). Далес — 1-с примечание к письму от 26 января 1861 г. (№ 41).

⁹ О Генрихе Вызинском см. во вступ. статье к публикации (с. 143—144, ч. 1), в письмах от 26 сентября 1858 (№ 36), 9 июля 1860 г. (№ 38) и в примечаниях к ним.

¹⁰ См. 1-с примечание к данному письму.

41

26 января (7 февраля) 1861. Москва

Москва, 26 января.

Аккуратно ли получаете Вы, почтеннейший Иван Сергеевич, «Русскую речь»?¹ С моей стороны сделаны были, по крайней мере, все распоряжения для того, чтобы она верно доставлялась Вам. Как Вы находите ее? Мы сами сознаем, что она страдает несколько недостатком живости, но есть ли возможность придать живость газете, которая не имеет Полит<ического> Обозр<ения>.² Теперь мы много хлопочем о том, чтобы добиться его. По крайней мере, у нас большой запас статей о новейшей истории России. Недавно Вы прочли, вероятно, статью Соловьева о Бестужева-Рюмине (их будет всех — четыре).³ А в №, который печатается теперь, явится статья: переписка Петра Великого с Екатериною,⁴ на основании вновь открытых документов, представляющих необыкновенный интерес. Сделайте одолжение, выскажите откровенно, без церемоний, Ваше мнение в следующем же письме.

Теперь начну Вас мучить просьбою. Вы были так добры, что обещали к Новому году прислать нам статью Вашу, а до сих пор мы еще не имеем ее.⁵ Вы понимаете, между тем, как было бы важно для нас иметь Ваше имя на страницах нашей газеты. Не забудьте, что дело идет о судьбе нашего журнала, а следовательно, и о нашей судьбе, ибо на издание это положено весьма много. Неужели, ради старинной нашей приязни, Вы* не захотите содействовать нам в столь критическую минуту. А между тем статьи известных авторов нам иметь необходимо теперь, когда подписка — в самом

* Далее начато: рспни<тесъ>

разгаре, и когда каждый день может произвести в этом важную перемену. Неужели же Вы не услышите нашей просьбы, и не захотите помочь нам.⁶ Говорю Вам это и от имени графини, которая поручила мне просить Вас, как только можно. Сделайте одолжение, не поленитесь отвечать мне двумя словами, когда именно можем мы получить Вашу статью. С нетерпением будем все ожидать Вашего ответа.

Не пишу Вам более, ибо измучен работою. Позвольте же крепко пожать Вам руку и пожелать всего лучшего.

Весь Ваш Е.Феоктис<тов>.

Год уточняется по содержанию письма (первые номера «Русской речи» вышли в 1861 г.), а также по соответствию его предшествующим письмам. На правом поле рукой неустановленного лица карандашная помета: 1861.

¹ 1 (13) февраля 1861 г. Тургенев ответил: «...я получил несколько №-в „Русской речи“, <...> которые прочел с удовольствием» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 291). Через две недели, в письме к Анненкову, сообщив о скором завершении статьи для «Века», Тургенев с иронией заметил по поводу «Русской речи»: «Самого журнала <то есть «Века». — *Ред.*> я еще не получил; зато „Русская речь“ является с остревенелой аккуратностью» (Там же. С. 293—294, письмо от 15 (27) февраля 1861 г.).

² В следующем письме от 15 февраля 1861 г. (№ 42) Феоктистов сообщил, что с марта в их издании появится политическое обозрение (развитие этой темы см. в 10-м примечании к указ. письму).

³ Ответ Тургенева: «В „Русской речи“ особенно понравились мне статья о раскольниках и статья Соловьева о Бестужеве. Хороша также статья графини о романе Авдсева. Я его не читал — но верю ей на слово» (Там же. С. 292). Тургенев имел в виду следующие январские публикации «Русской речи» за 1861 г.: <*Есинов Г. В.*> Раскольничье дело в XVIII веке (№ 5 от 15 января. С. 69—72; подпись: Г. Е.); *Соловьев С. М.* Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (статья 1, № 4 от 12 января. С. 53—60); *Тур Евг.* По поводу последней повести г-на Авдсева: «Подводный камень» (№ 6 от 19 января. С. 84—89).

⁴ Две части статьи А. Афанасьева «Переписка Петра Великого с Екатериною» появились в 9-м и 10-м номерах «Русской речи» за 1861 г. — от 29 января (ч. I, с. 133—136) и от 2 февраля (ч. II, с. 149—153).

⁵ С этой же просьбой к Тургеневу, как свидетельствует его письмо к Феоктистову от 1 (13) февраля 1861 г., обратилась и Салиас: «Графиня желает получить скорей от меня статью — и я готов исполнить ее требование; но должен сказать несколько предварительных слов. / Я теперь занят работой, которая принимает большие размеры, чем я предполагал — и решительно не чувствую в себе возможности заняться чем-нибудь другим, тем более, что мне не удаются небольшие, быстро написанные статейки (зри «Атней», «Московский вестник» и т. п.). То, что я намерен просить в пользу Литературного фонда, не только не готово: первого слова еще не написано. <...> Спешу заметить, что „Русские в Париже“ во всяком случае назначаются Вам; но прочту я эту статейку месяца через полтора — не раньше — на нашей Святой» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 291—292). О статье «Русские в Париже» — в предшествующих письмах (№ 38 — 40) и далее — от 15 февраля 1861 г. (№ 42).

⁶ Поскольку статья «Русские в Париже» даже не была начата, Тургенев в письме от 1 (13) февраля 1861 г. предложил редакции «Русской речи» главу из романа «Отцы и дети»: «...остается следующее предложение, которое также сопряжено с некоторыми затруднениями <...>. А именно: я могу Вам прислать для „Русской речи“ отдельную главу романа, над которым я теперь сижу; глава эта представляет нечто вроде самостоятельного целого — но для этого — „there's the rub“ <вот в чем загвоздка — *англ.*> — необходимо согласие Каткова — а может быть, ни графиня, ни Вы не желаете входить с ним в сношения. Как бы это ни было, я смо напишу об этом — а Вы, пожалуйста, дайте мне тотчас знать Ваше решение. Надеюсь, что он не станет делать затруднений — так как это повредить „Русскому вестнику“ никак не может. <...> Глава эта перешлетя немедленно к Вам, как только я получу Ваше согласие и согласие Каткова» (Там же. С. 291—292). Далее см. письмо от 15 февраля 1861 г. (№ 42) и 2-е примечание к нему.

15 (27) февраля 1861. Москва

Москва. $\frac{15}{27}$ февраля 1860.

Любезнейший Иван Сергеевич, в самый день получения Вашего письма¹ спешу отвечать Вам. Ответ, впрочем, Вы должны знать заранее. Лишь только прочел я графине о предложении Вашем прислать одну главу из романа,² как* оно встречено было с восторгом. Нужно ли говорить, что и я с своей стороны считаю это** истинным счастьем для «Рус<ской> речи». Всё зависит, следственно, от одного — не сделает ли каких препятствий Катков. В сущности, мы не понимаем, почему Вам нужно его разрешение. Вероятно, Вы не заключали с ним никаких условий, а просто обещали ему свой роман, — почему же, без его согласия, Вы не можете распорядиться *одною* главою этого романа? Впрочем, это Ваше дело, а мы, с своей стороны, должны только искренно желать, чтобы Катков и Леонтьев не придрались еще раз к удобному случаю сделать нам неприятность. К несчастью, едва ли можно рассчитывать на их благородство в этом отношении. Увы! в последнее время мы имели случай хорошо узнать этих господ.³ Вы говорите, что помещение одной главы не повредит, кажется, «Русскому вестнику». Не правда ли? Вероятно, то же самое скажет всякий беспристрастный человек — но Вы не принимаете в соображение, что ненависть их к нам не знает пределов. Как же можно не воспользоваться удобным случаем и не уверить Вас, что помещение *одной* главы погубит «Р<усский> вестник»! Разумеется, я первый был бы в восторге, если бы догадки мои не сбылись. Вы говорите очень справедливо, что самим нам не захочется вступать в переговоры с Катковым, и потому всё зависит от Вашего письма к нему.⁴ Если, к счастью нашему, Катков не сделает никаких затруднений, ради Бога, доставьте немедленно главу, о которой Вы говорите.⁵ Будем ждать ее с крайним нетерпением, утешая себя мыслью, что авось всё устроится хорошо. От имени графини и от своего собственного благодарю Вас искренно за Ваше любезное предложение.⁶

Так как нам вовсе неизвестно, что решит Катков, ради Бога, не полнитесь и не замедлите уведомить меня об этом, хотя двумя словами.

Я не понял одного места в Вашем письме. Вы говорите, что «об вознаграждении, разумеется, не может быть и речи». Мне кажется, напротив, что речь должна быть непременно об этом, и потому прошу Вас убедительно уведомить, сколько именно Вы берете за лист в «Рус<ском> вестнике»: 400, 450 р<ублей> с<еребром> или более.⁷ Графиня просит меня сказать Вам, что Вы не захотите, вероятно, оскорбить ее, не сказавши настоящей цены, условленной между Вами и Катковым. Цена эта будет нашею.

Не знаю, как благодарить Вас за то, что статья «Русские в Париже» значается для нашего журнала.⁸

* Далее начато: это

** Фраза: считаю это — вписана.

Очень рад, что Вы нашли несколько интересных статей в «Р<усской> речи». Мы имеем в запасе много других, касающихся петровского времени. Особенно одна из них — «Алексей Лампадчик»⁹ — в высшей степени интересна. Боремся теперь за нее с цензурой.

Наконец, сообщу Вам приятную для нас новость. Мы получаем разрешение* на Политич<еское> обзор<ение>. В марте оно начнется.¹⁰

Здесь только и говорят, что об освобождении крестьян. Ждут манифеста, который будет написан, по слухам, 19 февр<аля>, но обнаружится только в марте, в начале поста.¹¹ Боятся за масляницу и неизбежные с нею буйства. В городах принимаются, кажется, меры на случай могущих произойти беспокойств: кабаки на некоторое время будут закрыты, а по улицам будут беспрерывно разъезжать патрули с заряженными ружьями.

Вы понимаете, с каким нетерпением будем ожидать мы Вашего письма и надеюсь, что Вы не оставите нас долго без вести. Стоит ли говорить, как бы мы обрадовались, если бы письмо Ваше пришло вместе с главою романа!

Дружески жму Вам руку. Жена моя и графиня много Вам кланяются.
Душевно Вам преданный

Ев. Феокистов.

Ошибочно указанный Феокистовым год корректируется по содержанию публикуемого письма (основные темы его — глава из романа «Отцы и дети», грядущий манифест 19 февраля 1861 г.), а также по созвучию с предшествующими и последующим письмами. Над авторской датой рукой неустановленного лица карандашная помета: 1861.

¹ Имеется в виду парижское письмо Тургенева от 1 (13) февраля 1861 г.

² Речь идет о главе из романа «Отцы и дети» (см. письмо Феокистова от 26 марта 1861 г. (№ 41) и 6-е примечание к нему). Завершение этой темы — в следующем письме от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

³ Также: ... что ненависть их к нам не знает предела. — Намек на конфликты Евгении Тур, Вызинского и др. с Катковым, сопровождавшиеся скандальными объяснениями на страницах прессы и разрывом с «Русским вестником» (см. примечания к публикуемым письмам от 9 июля (№ 38) и от 28 ноября (№ 40) 1860 г.).

⁴ Письмо Тургенева к Каткову с просьбой дать согласие на публикацию в «Русской речи» главы из романа «Отцы и дети», как и ответное письмо Каткова — неизвестны.

⁵ 8 (20) марта 1861 г. Тургенев сообщил Феокистову: «... я получил от Каткова разрешение поместить главу моего романа в „Русской речи“, но с тем, чтобы эту главу выслать лично ему — а вы уже от него ее получите, с примечанием, что это дескать отрывок из романа, написанного для „Русского вестника“ и т. д. Я полагаю, что Вы согласитесь на эту уступку, и вследствие этого я сегодня же выслал Каткову эту главу — а Вы уже войдите в сообщение с ним, опираясь на извещение, полученное Вами от меня» (Т. Письма (2-е изд.). Т. 4. С. 301). Чуть позже, возможно, предупредая недовольство со стороны Дружинина, Тургенев посвятил его в суть своих переговоров с редакцией «Русской речи» и Катковым: «Я должен был уступить настояниям „Русской речи“ — и, с согласия Каткова, дать ей одну главу из романа, над которым теперь тружусь; но пусть это Вас не смущает: постоянным сотрудником я буду только Вашим, за это я Вам ручаюсь» (Там же. С. 305, дата: 14 (26) марта). Далее см. письмо от 8 апреля 1861 г. (№ 43).

⁶ «Я нахожу, что для нас было бы огромный шанс на успех иметь вашу главу из романа...», — писала Салиас 14 февраля 1861 г. Тургеневу, не скрывая при этом недоумения по поводу его намерения испросить у Каткова позволения на публикацию в другом издании главы из собственного романа (Там же. С. 623).

* Вместо: Мы получаем разрешение — было: Мы получаем, наконец, разрешение

⁷ Вопрос о гонораре Тургенев разрешил в письме к Феофтистову от 8 марта 1861 г. (Там же. С. 301).

⁸ См. 5-е примечание к письму Феофтистова от 26 января (№ 41) и письмо от 8 апреля (№ 43) 1861 г.

⁹ Перечень понравившихся Тургеневу статей в «Русской речи» см. в 3-м примечании к письму от 26 января 1861 г. (№ 41). Статья Г. В. Есипова «Алексей Лампадчик. Эпизод 1704—1720» появилась в 18-м номере «Русской речи» от 2 марта 1861 г. (с. 277—282; подпись: Есипов Г.).

¹⁰ Разрешение на политическое обозрение цензурное ведомство обусловило необходимость смены редактора «Русской речи». Учитывая требования цензуры, Салиас вынуждена была передать роль официального редактора Феофтистову, фактически продолжая руководить изданием. О реорганизации газеты читатели были оповещены в 38-м номере «Русской речи» от 11 мая 1861 г. В объявлении («От редакции») сообщалось, что «Русская речь» объединяется с «журналом» «Московский вестник» под новым названием: «Русская речь и Московский вестник». «Существенная перемена для „Русской речи“ от такого соединения, — говорилось в объявлении, — состоит в том, что она будет пользоваться отныне отделом „Политического обозрения“». И далее: «Вследствие соединения двух журналов, с правом пользоваться им „Политическим обозрением“, г-жа Евгения Тур отстранилась от ответственности за издание „Русской речи и Московского вестника“. Общая редакция переходит от нее таким образом в руки одного из сотрудников „Русской речи“, г. Феофтистова». Эти изменения в издании, как заверялось в объявлении, не повлекут за собою изменений ни в его направлении, ни в составе сотрудников, однако некоторые из сотрудников примут на себя новые обязательства: Евгения Тур возглавит отдел литературы и критики, Ф. И. Буслаев и Н. С. Тихонравов — отдел истории литературы и народности (русской и западной), К. К. Герц — изящных искусств, Феофтистов, отвечая за общую редакцию, в то же время будет вести политический отдел. Тридцать девятый номер газеты от 14 мая 1861 г. вышел под новым названием: «Русская речь и Московский вестник. Литература, политика, история, искусство и общественная жизнь на Западе и в России». Программа номера открывалась отделом «Политика», под номером стояла фамилия нового редактора — Е. Феофтистов. См. также: Письма Огарева к Е. В. Салиас де Турнемир / Публикации Б. Козьмина // Герцен и Огарев. М., 1953. Кн. 1. С. 803. (Лит. наследство. Т. 61. В 2 тн. М., 1953—1955).

¹¹ 19 февраля (ст. ст.) 1861 г. Александр II подписал манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости, а также положения и правила, регулирующие процесс их приобретения к новым правам и отношениям с помещиками — владельцами земель. В целях незамедлительного оповещения населения о реформе текст манифеста был обнародован вначале в С.-Петербурге и Москве 5 марта (ст. ст.), в воскресенье (читался в церквях, рассылался по домам). На следующий день типографски отпечатанные тексты законопроекта об освобождении крестьян и сопутствующие ему документы поступили в продажу, но только в Москве и Петербурге, в виду невозможности в масштабах всей страны разом технически решить эту задачу. В то же время в губернии (с новыми указами) выехали генералы императорской свиты и флигель-адъютанты для содействия местной администрации в делах их обнародования и практического претворения; затем курьеры по мере напечатания документов доставили их губернским начальникам для отсылки во все помещичьи имения и сельские крестьянские общества. В «Русской речи» текст манифеста (с информацией о порядке его распространения) появился 9 и 10 марта (№ 19, 20) 1861 г. В канун ратификации манифеста, 15 (21) февраля 1861 г., Тургенев писал Анненкову: «Когда мое письмо к Вам дойдет, вероятно, уже великий указ — указ, ставший царя на такую высокую и прекрасную ступень, — выйдет. О, если бы Вы имели благую мысль известить меня об этом телеграммой. Но во всяком случае, я твердо надеюсь, что Вы найдете время описать мне Вашим энциклопедически-панорамическим пером состояние города Питера накануне этого великого дня и в самый день. Я ужасно на себя досаую, что я раньше не попросил Вас о телеграмме» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 293). Описание Петербурга накануне объявления манифеста, а затем и дня 5 марта Анненков выслал Тургеневу в письмах от 26 февраля (10 марта) и 6 (18) марта 1861 г. (последнее с припиской: «Посылаю манифест») (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 101—104). В последующих посланиях в Париж Анненков продолжил разговор на темы, связанные с Манифестом и Положением (там же. С. 105—107). Отвечая Феофтистову, Тургенев обратился к нему со словами: «...известия, пришедшие из России, потрясли меня всего, хотя я этого давно ожидал» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 302; дата: 8 (20) марта 1861 г.). Описание молебна в парижской церкви по поводу освобождения

дения крестьян с участием Н. И. Тургенева, декабриста кн. Волконского и др. Тургенев (в письме Дружинину) завершил строками: «Все друг другу пожимали руки и громко хвалили и превозносили царя. Дай Бог ему здоровья и силы продолжать начатое!» (там же. С. 305, дата: 14 (26) марта).

8 (20) апреля 1861. Москва

Москва, 8 апреля, 1861 г.

Любезнейший Иван Сергеевич, графиня, которая чувствует себя не совсем здоровою в последнее время, просит меня уведомить Вас поскорее о главе из романа, присланной Вами для нашего журнала.¹ Мы очень хорошо понимаем, что Вы, с своей стороны, сделали для нас всё, что можно; мы не сомневаемся нисколько в Вашем дружеском к нам расположении — приславши нам то, чем Вы могли располагать в настоящую минуту, что у Вас было готово, Вы показали, как много желаете нам добра. Не Ваша вина, конечно, что Катков сделал Вам такие условия: прислать главу не прямо к нам, а к нему, а он сам напишет заметку и великодушно дозволит нам всё это напечатать.² Графиня была весьма неприятно удивлена, как Катков мог сделать предложение такого рода. Во всем этом проглядывало с его стороны что-то очень нехорошее — или мелкое самолюбие, или какие-то преувеличенные меркантильные опасения, как будто бы напечатание одной главы могло повредить в его журнале всему роману. Как бы то ни было — но еще задолго до присылки главы редакция «Русского вестника» сочла не лишним распускать здесь слухи о своем великодушии, заставляющем ее дозволить нам напечатание Вашего отрывка. Всё это показалось графине столь удивительным для нее, что она дала такой ответ редакции «Русского вестника», когда та доставила ей главу романа: графиня сказала, что не желает иметь дел подобного рода с Катковым, что не хочет, ради милости, из его рук принимать что-нибудь, что она желала и желает иметь дело прямо с Вами³ и не понимает, почему тут являются посредниками люди, от которых она ничего не просила и которые ей неприятны.⁴ Доказательство, как хорошо редакция «Русского вестника» понимает неловкость своей проделки, состоит в том, что привозивший главу Капустин, выслушав ответ графини, сказал ей: «сказать по правде, Ваше положение действительно странно, и будь я на Вашем месте, я поступил бы именно так, как поступаете Вы». — Очевидно, следовательно, что сама редакция «Русского вестника» не находит ничего неестественного в образе действий графини. —

Теперь, что касается до Вас, любезнейший Иван Сергеевич, то — повторяю — Вы сделали для нас, всё, что могли сделать. Не можем же мы требовать, чтобы Вы, занятые уже одною большою работою, написали нам, нарочно, и именно в эту минуту, какое-нибудь произведение. Но мы не оставляем надежды, что когда будет написана статья Ваша «о Русских за границею» — или что-нибудь другое⁵ — Вы вспомните о нашем журнале. Графиня просит меня сказать Вам, что она сильно на Вас рассчитывает в этом отношении. Что бы Вы нам не дали, мы будем искренно и глубоко Вам благодарны.

Быть может, Вам уже писал кто-нибудь, что вы<ве>денные из терпения неистовствами цензуры литераторы решились подать о ней просьбу на Высочайшее имя. Просьба и докладная записка по этому предмету составлена здесь, в Москве, Катковым, и всё дело в том, будет ли она принята петербургскими литераторами.⁶

Вчера узнал я, что И. Аксаков получил право издавать политическую и литературную газету.⁷

До свидания, любезнейший Иван Сергеевич, — говорю: до свидания, ибо, по слухам, Вы должны скоро возвратиться в Россию.⁸

Душевно Вам преданный

Ев. Феокистов.

¹ Речь идет о главе из романа «Отцы и дети», которую Тургенев предназначал для публикации в «Русской речи». См. об этих переговорах в 6-м примечании к письму Феокистова от 26 января (№ 41) и 2, 5, 6-м примечаниях к письму от 15 февраля (№ 42) 1861 г.

² Об условиях Каткова — в 5-м примечании к письму от 15 февраля 1861 г. (№ 42).

³ В итоге глава из романа «Отцы и дети» в «Русской речи» не была напечатана. О рукописи её, соответствующей XII и XIII главам окончательного текста (под заглавием: «Отрывок из романа „Отцы и дети“. Глава двенадцатая»), с редакционным примечанием Каткова см.: *Т. Сочинения (2-е изд.)*. Т. 7. С. 418.

⁴ Также: ...*привозивший главу Капустин...* — С момента разрыва с «Русским вестником» Салиас относилась к Капустину, не пожелавшему присоединиться к группе «восставших» против Каткова сотрудников, как к ренегату, см. письмо от 28 ноября 1860 г. (№ 40) и 5-е примечание к нему.

⁵ О переговорах Феокистова по поводу публикации в «Русской речи» задуманной, но не написанной статьи Тургенева о русских за границей», см. в письмах от 22 октября (№ 39), 28 ноября 1860 (№ 40), 26 января 1 (№ 41), 15 февраля 1861 г. (№ 42).

⁶ См.: *Лемке Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. Главы III и IV (текст коллективного письма литераторов Москвы и Петербурга на с. 59—82).

⁷ Первый номер газеты «День» Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886) вышел 15 октября 1861 г. Предпринимая газету, Аксаков надеялся, что среди её сотрудников будет Тургенев. Он неоднократно напоминал ему о ранее данном обещании доставлять информацию о положении крестьян в провинции, о конкретных мерах по освобождению крепостных в собственных имениях, см. письмо Тургенева к И. С. Аксакову от 8 (20) ноября 1861 г. и 2-е примечание к нему (*Т. Письма. (2-е изд.)*). Т. 4. С. 379, 662—663).

⁸ Тургенев приехал в Петербург 30 апреля 1861 г. и пробыл там по 5 мая. Оттуда он выехал в Москву (6—7 мая), затем через Тулу проследовал в Спасское (9 мая—29 августа), далее его маршруты и их хронологию см. по «Указателю мест пребывания И. С. Тургенева с 1859 по 1861 год» (*Т. Письма (2-е изд.)*). Т. 4. С. 684).

24 декабря 1861 (5 января 1862). Москва

Москва, 24 декаб. (ст. ст.) 1861 г.

Любезнейший Иван Сергеевич, — берусь за перо, чтобы искренно поблагодарить Вас за участие, которое Вы приняли в жене моей¹ во время пребывания ее в Париже. Она говорит, что совершенно потерялась бы без Вас и сошла бы с ума от скуки. Зная ее характер, я вполне этому верю и тем более ценю Вашу любезность и внимательность к ней. Вы были, вероятно, удивлены странностью этого путешествия, этого мимолетного появления в Париже, — но что делать! Молодость имеет права, которые принадлежат

только ей, и жизнь красна именно только уклонениями от установленного порядка.

Не стану говорить Вам о том, что делается здесь, ибо новостей весьма немного, да и те ограничиваются только разговорами и слухами. В последние дни уверяют положительно, что Головнин назначен министром народного просвещения вместо Путятина, который получает совершенно подходящее ему место обер-Прокурора Синода.² Вы знаете Головнина, вероятно, и поэтому можете судить, в какой степени хорошо его назначение.³ Сколько я слышал о нем, мне кажется, что это превосходный выбор.*⁴ — Затем говорят много о происходящих в нынешнем году во многих губерниях дворянских выборах: по слухам, тульское дворянство хочет представить адрес о созвании земского собора из всех сословий. Требование это едва ли будет хорошо принято, ибо когда недавно Аксаков коснулся того же вопроса в своем «Дне», то этот № журнала был остановлен и только после больших хлопот пущен был снова в публику.⁵

В заключение поздравляю Вас с новым годом со всевозможными добрыми пожеланиями. При свидании не забудьте поклониться от меня Василию Петровичу,⁶ о котором мне приятно было получить известие от моей жены. Еще раз благодарю Вас искренно, остаюсь всегда Вам преданный

Ев<гений> Феокистов.

Жена Вам много кланяется. На днях она высылает Вам карточку свою, к которой приложит и письмо.⁷ Она в отчаянии, что забыла Вашу визитную карточку в Париже, и просит Вас убедительно, если Вы хотите быть любезным до конца, выслать ее в Москву. Адрес наш всё тот же: на Садовой, у Ермолая, д<ом> Волоцкой. Не правда ли, она может ожидать этого подарка?

¹ См. 10-е примечание к письму от 20 октября 1860 г. (№ 39).

² 25 декабря 1861 г. Александр II подписал приказ о назначении Головнина Александра Васильевича (1821—1886) управляющим Министерством народного просвещения (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 287, 29 декабря), в декабре 1862 г. он был назначен министром народного просвещения и оставался на этом посту по 14 апреля 1866 г. Предшественник Головнина — Путятин Ефим (Евфимий) Васильевич (1803 или 1806—1883), граф, дипломат, адмирал — возглавлял Министерство народного просвещения не более полугода (по 20 декабря 1861 г.), так как принужден был подать в отставку под давлением общественности, выражавшей недовольство его политикой, прежде всего в области университетского образования. С 1861 г. — член Государственного совета. Предположения о новом назначении Путятинна, как видно, были обусловлены его репутацией глубоко религиозного человека. Из дневника Никитенко: «Был поутру у Плетнева. Он рассказывал мне о том, как был выбран в министры Путятин. Митрополит Филарет рекомендовал его как религиознейшего человека. Императрица, плененная рассказами о благочестии и набожности графа, забыла, что для министра необходимы еще и другие качества, и начала сильно настаивать у государя о назначении его на место Ковалевского. Разумеется, к этому присоединились и другие члены камарильи <...> государь отдался этой интриге, — и вот Путятин сделан министром, к стыду правительства, ко вреду России и к своему собственному позору» (Никитенко, II. С. 237, запись от 3 ноября 1861).

³ Знакомство Тургенева с Головниным восходило к 1840-м гг., когда они вместе служили в Министерстве внутренних дел, в Особенной канцелярии министра, возглавляемой В. И. Далем (*Летопись (1818—1858)*. С. 82). Служебный опыт этих лет стал одним из источников антикрепостнических настроений Головнина (см.: *Громов В. А. Тургенев в «Записках» А. В. Головнина // Тургеневский сборник. Л., 1967. Вып. 3. С. 220*) и определил закономерность его

* Было: превосходное назначение.

сближения с либерально настроенным окружением всл. кн. Константина Николаевича (партия константиновцев — кн. Н. А. Орлов и др.). 13 (25) января 1862 г. Тургенев писал А. И. Герцсуну: «Первые известия о Головнине довольно хороши; что будет дальше?» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 5. С. 8). В эти же дни в письме к П. В. Анненкову он в том же духе сформулировал свои размышления по поводу нового министра: «Итак Головнин — министр... Посмотрим — поддержит ли он свою прежнюю репутацию...» (Там же. С. 10, дата письма: середина января ст. ст. 1862 г.). В ответ Анненков, имея в виду первые шаги Головнина на новом поприще (формирование комитета для обсуждения цензурных установлений, позволение печатать публичные, частные лекции профессорам временно закрытого Университета), оценил его как умного и добросовестного человека, «но вообще говоря — экспедиант <полезное — от франц. *expédient*> и уловка в соединении с желанием настоящей пользы и добра составляют, как кажется, основные черты его характера. Эта двойственность проглядывает во всем <...>. Может быть, только при соединении изворотливости и дела и есть возможность какой-либо постройки в России — помоги ему Бог: теперь он нужный человек сверху и очень популярный внизу» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 118, 391).

⁴ Феокистов вскоре (пересел в Петербург в 1862 г.) предстояла служба в Министерстве народного просвещения в качестве чиновника особых поручений при Головнине. Новому министру его рекомендовал Н. А. Орлов, по убеждению которого, Головнин «был человек чрезвычайно умный, просвещенный, либерального образа мыслей и оказывавший благотворное влияние на в. к. Константина Николаевича» (*Феокистов*. С. 128). Однако личные впечатления Феокистова, вынесенные им из четырехлетнего сотрудничества с министром, совпали скорее с характеристикой Б. Н. Чичерина, который, узнав о назначении Головнина на пост управляющего Министерством народного просвещения, дал ему следующую «аттестацию»: «Его считают человеком очень умным и коварным, а по-моему он человек честный и небольшого ума, усидчивый и трудолюбивый, упорный, но до крайности узкий и педант» (*Чичерин*. С. 156). Историю отношений с Головниным и его словесный портрет Феокистов воспроизвел в 4-й главе своих воспоминаний.

⁵ В конце января 1862 г. Анненков сообщил Тургеневу: «Каждое появление „Дня“ Аксакова производит у нас омрачение голов и мозговое волнение. Успех колоссальный. Этот человек живет у нас на особых правах. Он поставил себя так, что исправлять его статьи нет возможности, а надо их запрещать все целиком, поэтому они все целиком и являются» (*Анненков. Письма к И. С. Тургеневу*, 1. С. 118, дата: 26 января (7 февраля)). Дворянские выборы проходили в конце 1861 — начале 1862 г., программы их заседаний (собраний) и содержание обращенных к правительству адресов провоцировались объективной необходимостью нового жизнеустройства, стремлением к самоопределению в сложившейся общественной ситуации. В цитированном выше письме Анненков иронически охарактеризовал как вскоре начавшуюся в русской прессе полемику о дворянстве и его общественном назначении («День», «Наше время», «Русский вестник», «Северная почта»), так и «адреса» дворянских собраний: «...нынешние „Дворянские собрания“, из которых одни не видят более пользы числиться дворянством, а другие, напротив, думают, что кроме дворян — ничему быть не следует на земле. Оба мнения однако же из этой среды участвуют *всупе* в составлении адресов прав<ительст>ву, где косвенно и туманно поговаривают, не высказываясь, о чем-таком, что на конституцию не похоже, но может быть принято за нарек об ней (Московский, Смоленский, Петербургский) адреса» (Там же. С. 118, также 5-е и 6-е примечания к письму). См. об этих тенденциях в общественной жизни начала 1860-х гг. в книге: *Кутаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации (И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х гг. XIX века). Горький, 1974. С. 17—27; о значении Земского собора в понимании И. Аксакова — с. 30—36; о газете «День» и цензуре — с. 45—48.

⁶ Приветствие Феокистова предназначалось Василию Петровичу Боткину, проживавшему осенью и зимой 1861 г. в Париже (см.: *Боткин и Тургенев*. С. 175 и др.). Письма Тургенева — своеобразная хроника его парижских встреч с Боткиным. Из письма к Каткову от 1 (13) октября 1861 г.: «...я желал предупредить Вас, что, вследствие полученного мною письма от Анненкова и замечаний Боткина, которому я здесь читал мою повесть, — переделки в „Отцах и детях“ будут значительнее, чем я предполагал...» (*Т. Письма (2-е изд.)*. Т. 4. С. 375), И. П. Борисову от 11 (23) декабря 1861 г.: «Я здесь вижу Боткина...» (там же. С. 390), А. А. Фету от 26 декабря 1861 г. (7 января 1862): «Боткин здравствует, даст квартетные утра, жалуется на глаза и сет гигантски», и далее: «Боткин сегодня был у меня...» (там же. С. 395).

⁷ Письмо неизвестно.